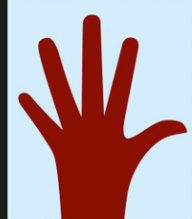

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

Золотой ключ,
или Похождения
Буратины

La Comédie
inhumaine

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Михаил Харитонов

**Золотой ключ, или
Похождения Буратины**

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Харитонов М.

Золотой ключ, или Похождения Буратины / М. Харитонов — ИД «Флюид ФриФлай», 2019 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-27-2

Роман Михаила Харитонova носит подзаголовок «нечеловеческая комедия» — и действительно, замысел «Золотого ключа» сопоставим по масштабу и с романым циклом Бальзака, и с великой «Комедией» Данте (которую, как известно, божественной назвали лишь спустя время потомки). Перед вами книга увлекательная, легкая, гомерически смешная, раблезиански неумеренная, злободневная, философская, провокационная, переступающая через все табу и нарушающая все мыслимые границы — словом, именно такая, какими только и бывают книги поистине великие. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-27-2

© Харитонов М., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

От автора	7
Приквел. Сундук мертвеца	10
Том первый. Путь Базилио	19
Пролог под землёй	19
Пролог на небе	29
Глава 1, в которой некий юноша томится, мучимый позывами плоти, однако не унывает	34
Глава 2, в которой совершается, а равно и открывается нечто неприглядное	39
Глава 3, в которой уже знакомая нам компания попадает в затруднительное положение и лишается верного спутника	43
Глава 4, в которой наш юноша обретает жизненную перспективу, а также получает имя	49
Глава 5, в которой все спят, кроме двух старых друзей, которые заняты важным разговором	53
Глава 6, в которой наш юноша существенно улучшается изнутри и снаружи	58
Глава 7, в которой мы, обращаясь к уже прошедшим событиям и как бы смотря назад – что и впредь мы будем делать нередко – присутствуем при беседе отважного пилигрима со святым праведником	61
Глава 8, в которой наш юноша задумывает и осуществляет некую каверзу, но немного промахивается, что весьма сильно влияет на дальнейшее развитие событий	66
Глава 9, в которой мы чуть было не становимся невольными свидетелями совершеннейшего неприличия	72
Глава 10, в которой наш юноша наживает себе врага в собственном доме	77
Глава 11, из которой мы кое-что узнаём о властях Директории и их управленческом стиле	80
Глава 12, в которой две благородные души мучительно разрываются между страстью, честью и долгом	84
Глава 13, в которой утомлённый странствием пилигрим находит стол, кров и компанию	91
Inspiratio. Видение Пьеро	98
Глава 14, в которой наш юноша встречается со смертельной опасностью	104
Глава 15, в которой мы знакомимся с личностью по-своему любопытной, но не особенно симпатичной	108
Глава 16, в которой наш юноша чудесным образом спасается от верной гибели и по такому случаю преисполняется энтузиазма	110
Глава 17, в которой мастер своего дела справляется со сложной работой и не остаётся без вознаграждения	113
Глава 18, в которой барышня, приятная во многих отношениях, узнаёт совершенно потрясающие новости	123

Глава 19, в которой отважный пилигрим совершает подвиг за подвигом, а в итоге попадает в большую беду	130
Глава 20, в которой кое-кто и не подозревает, что очень скоро получит награду за свои труды, вот только не совсем ту, на которую уповал	146
Глава 21, в которой с отважным пилигримом случается нечто ужасающее	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Михаил Харитонов

Золотой ключ, или Похождения Буратины

© М. Харитонов, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

* * *

Блуждая по пустыне мира сего, я случайно набрёл на некое место, кое служило прибежищем, и улёгся там, чтобы уснуть. И покуда я спал – я грезил.

Джон Беньян. Восхождение странника

То, что хотел бы я высказать, высказыванию не подлежит.
Людвиг Витгенштейн. Бытие и время

От автора

Дорогие мои ребятки! А также уважаемые взрослые дяденьки и тётеньки!

Когда я был маленьким – а было это, если подумать, давным-давно, хотя мне до сих пор кажется, будто это было совсем-совсем недавно, – я читал одну книжку про деревянного человечка. Она называлась «Золотой Ключик, или Приключения Буратино», и мне она очень нравилась.

Правда, похвалиться перед своими друзьями-приятелями я этой книжкой не мог, потому что они её тоже читали. И – представьте себе! – вообще все дети её читали. Ведь в те далёкие-далёкие времена у нас была советская власть, а при советской власти жизнь у ребят была очень скучная. Дети тогда почти не пили водку, не нюхали клей, не обдалбывались веществами и даже сексом занимались редко и нерегулярно. Как-то всё это было не принято. Книжек про Гарри Поттера тоже не было, а интересные и полезные журналы Yes, Cool, Oops, Fucksel и SOSka почему-то не выпускались. Так что мы развлекались сами как умели: бегали во дворе, играли в футбол, лазили на деревья, дрались, потом мирились, часами болтали о всякой всячине. А порой – и такое бывало! – сидели дома и читали книжки. Сначала про Колобка, про лисичку-сестричку, а потом уже и про Карлсона, который живёт на крыше, про Маугли, про Гулливера. Ну и про Буратино.

А те ребята, которые читать не любили, всё равно знали про деревянного человечка. Потому что взрослые сняли по этой книжке кинофильм, и даже не один! И, конечно, все его смотрели, все-все-все: ведь тогда по телевизору не показывали красивое настоящее кино про Ганнибала Лектора, Фредди Крюгера и Человека-Паука. Не говоря уж о Покемонах и Телепузиках – их даже и в заводе-то не имелось. Уж такие тогда были времена!

Взрослые тоже откуда-то знали шалуна и проказника Буратино. Во всяком случае, они иногда рассказывали про него разные истории. Причём такие, которых в книжке не было. Например, как Буратино напился пьяным, и про то, что у него было с девочкой Мальвиной, и про то, что у девочки Мальвины было с пуделем Артемоном, и многое-многое другое. Назывались эти весёлые истории «анекдоты», а откуда они берутся, взрослые нам не рассказывали.

Но я-то был мальчиком начитанным и смыслённым. И знал, что одну и ту же книжку иногда издают по-разному: для детей – потоньше, а для взрослых – потолще, со всякими подробностями. Например, была детская книжка «Гулливер», про большого английского дядьку, который попал на остров к маленьким человечкам. А была и взрослая книжка, которая называлась так же, но в два раза толще. И там тоже большой дядька попадал на остров к коротышкам, однако ещё вёл с ними всякие сложные разговоры про политику, а потом попи сал на какой-то их домик – а в детской книжке про это не было, и про политику там ничего не говорили. Ещё была детская книжка «Маугли», а была взрослая «Книга Джунглей», которую детям даже и не показывали. А ещё я знал про французские книжки «Гаргантюа и Пантагрюэль», которых было тоже две – взрослая и детская. И которая взрослая – та была вся про писанье и каканье, и ещё про всякие гульфики, и про то, что там внутри этих гульфиков. А в детском «Гаргантюа» не было никаких гульфиков. И про писи и каки тоже ни словечка. Оттого-то и читать её было скучно-прескучно.

Вот потому-то я решил, что и про Буратино тоже есть взрослая книжка, большая и толстая. Где разговоры про политику, и про Мальвину с пуделем, и всякие другие интересные истории. И когда я вырасту, то куплю себе взрослую книжку про Буратино, прочту её и всё-всё узнаю.

Потом я вырос. И узнал, что большую взрослую книжку про Буратино почему-то так никто и не написал.

Тогда меня это не очень расстроило. Потому что в то время как раз кончилась советская власть и появилось очень-очень много книжек про политику, и про писи и каки, ну и, конечно, про секс – ведь советские люди совсем-совсем ничего не знали про секс, и им было ужасно интересно, что это такое и как это делается. Зато еда и одежда почему-то сделались очень дорогими, так что читать книжки стало некогда. Потому что надо было как-то крутиться и вертеться, чтобы заработать себе и своей семье на еду, не говоря уже о тампаках и сникерсах, без которых вдруг почему-то стало совершенно невозможно жить. И я тоже закрутился и завертелся, чтобы в моей семье всегда хватало тампаксов и сникерсов. Какие уж тут деревянные человечки!

Однако же, через много-много лет, я припомнил моего старого друга Буратино и даже решил перечитать его приключения.

Но сперва я должен вам, ребятки, открыть один секрет. Взрослые люди читают книжки совсем не так, как дети. Дети – они радостные и доверчивые, поэтому им чего не расскажешь – всему верят, как будто так и надо. Детям можно рассказать любую историю, лишь бы в ней было побольше страшных опасностей и ужасных приключений. А взрослые – я имею в виду *настоящих* взрослых – угрюмые и подозрительные. И поэтому они не только читают, но ещё и думают, нет ли в рассказанной истории каких-нибудь противоречий и несуразностей. И если они их там находят, то они снова берутся за книжку. И начинают её читать секретным взрослым способом: не только то, что написано, а ещё и между строчек. У самых-самых взрослых есть такое специальное умение – читать между строчек, в тех местах, где вроде бы ничего и нет. На самом же деле между строчек обычно рассказывается много всякого занимательного. Только это написано малюсенькими буквами, и к тому же они того же цвета, что и бумага, поэтому их не видно. Однако если смотреть очень-очень пристально, то кое-что всё-таки можно разоб-
брать.

Так вот, перечёл я ту детскую книжку про Буратино и нашёл в ней множество всяких противоречий и несуразностей. Например, почему куклы в кукольном театре сразу признали Буратино, хотя никогда его до этого не видели? Откуда у Мальвины домик на сизой поляне? Почему ей служили звери, птицы и даже вольные бабочки? Зачем Карабас-Барабас так хотел получить золотой ключик – неужели всего лишь из-за старого кукольного театра? И, кстати, откуда он его взял – до того, как потерял в пруду? По какой такой загадочной причине черепаха Тортилла сначала не хотела рассказывать Карабасу-Барабасу про золотой ключик, а потом рассказала ему всё-всё-всё? Кто такой Тарабарский король, чьим именем Карабас-Барабас пытался всех напугать? Откуда взялся на дверце за холстом портрет Буратино? К чему на занавесе кукольного театра золотая молния? И ещё триста тридцать три почему и отчего, ответа на которые в книжке я так и не нашёл, хотя очень старался.

И мне ужасно – ну вот просто ужжасно! – захотелось всё узнать и найти всему объяснение.

Тогда я сел за стол, положил перед собой книжку про Буратино и стал разбирать то, что написано между строчек маленькими-маленькими буквами.

Это было очень трудно, потому что зрение у меня уже не такое острое, как в молодые годы, а невидимые буквы между строчек ну *очень* маленькие и совсем-совсем неразборчивые. Но всё-таки кое-что разобрать мне удалось. Хотя это заняло очень-очень-очень много времени.

Так вот: там, между строчек, я вычитал много-много интересного. И про то, откуда у Мальвины домик, и откуда у Карабаса ключик, и про Тортиллу, и даже про Тарабарского короля. И, конечно же, там было и про пуделя с Мальвиной, и про секс, и даже про политику.

А чтобы ничего не забыть и не перепутать, я записывал всё, что прочёл между строчек, в специальную тетрабочку. Потом получилась ещё одна тетрабочка, и ещё одна, и ещё одна.

И когда я наконец всё прочитал до конца, то понял, что у меня получилась та самая взрослая книжка про Буратино, о которой я мечтал в детстве.

Тут-то мне и пришло в голову эту книжку опубликовать. Не за-ради какой-то выгоды или там славы, а просто так. Для развлечения людей любознательных.

Но на всякий случай, чтобы эту большую книжку не перепутали с той маленькой, я решил назвать её немножко по-другому. По-взрослому. А взрослые не любят маленькие вещи, которые называются специальными маленькими словами – такие, как «сумочка», «лопаточка» или там «ключик». Взрослые ведь себя считают большими и важными. Поэтому они любят большие вещи и важные слова – «сума», «лопата», «ключ». И ещё: взрослые не верят в приключения. Им почему-то кажется, что все приключения на свете давным-давно кончились. Зато взрослые иногда пускаются в похождения. Разница между ними такая, что от приключений люди становятся умнее и лучше, а от походов только портят себе жизнь и здоровье.

Потому-то эта книжка и называется: «Золотой Ключ, или Похождения Буратины».

Правда, она получилась не такая простая и весёлая, как та старая сказка. К тому же в ней есть разговоры про всякие скучные взрослые вещи, даже про политику, а то и всякие глупости вроде секса и насилия. Я, конечно, понимаю, что вам, ребята, не очень интересно читать про это, потому что ваши любимые журналы Yes, Cool, Ooops, Fuckel и SOSka только про них и пишут (и это не считая телевизора). Так что вы можете просто пропускать эти скучные места.

Р. S. В книжке иногда попадаются непонятные слова. Это потому, что герои книжки живут в очень-очень отдалённом будущем, а там много чего устроено не как у нас. Но вы особенно-то не пугайтесь! Как правило, все эти слова становятся понятны по ходу чтения. В крайнем случае их можно пропустить без особого вреда. Однако для самых-самых дотошных и въедливых читателей, непременно желающих знать всё досконально и во всех подробностях, автор приготовил специальный словарик. Пока что его можно сыскать только в интернете. Например, вот здесь: http://samlib.ru/h/haritonow_m_j/buratinadict.shtml. Ну да будем надеяться, что мы когда-нибудь и словарик издадим отдельной книжечкой. И много ещё чего, к нашей истории относящегося.

Прочие непонятности разъяснены особо. В постраничных сносках – то, что требует немедленного объяснения¹. А позади книжки есть ещё раздел «Примечания и дополнения». Вот там для вдумчивого читателя, что называется, стол накрыт. Очень там всего интересного много, интересного и вкусного. Вы ту страничку заложите какой-нибудь закладочкой и после прочтения очередной главы – туда заглядывайте.

И вот ещё кое-что важное, тоже про слова. Иногда наши герои – особенно в раздражении – ругаются *по-взрослому*. Ну вы, наверное, тоже знаете всякие такие словечки на разные буквы: и на *нэ*, и на *хэ*, даже на *е*. Я-то, конечно, не стал бы писать такие слова нарочно. Но что ж поделать, если наши герои ужасно невоспитанные? Зато вы-то очень даже воспитанные, ведь правда? Поэтому, если вам вдруг попадётся нехорошее слово – не читайте его целиком, а замуривайтесь по-честному. А если вдруг не успели замуриться и всё-таки прочли – плюньте, дуньте и скажите волшебное заклинание: «Укроп-репа, духовная скрепа, окорми меня, грешного». От этого всё плохое распадается на целебную плесеньку и сладкий липовый медок. Которые вам уж точно не повредят.

Так-то и вы сможете прочитать эту книжку от корки до корки. И совсем-совсем не оскормиться.

Искреннейший ваш друг и доброжелатель добрый сказочник Михаил Харитонов

¹ Например, переводы иноязычных слов. И другие короткие замечания вроде этого.

Приквел. Сундук мертвеца

2013 год. 21 декабря.

Российская Федерация. Иркутская область.

Ночь.

Депутат Государственной Думы шестого созыва Викентий Виленович Пархачик маялся животом – последний раз в жизни.

Если бы он о том догадывался, то, небось, не беспокоился бы из-за пустяков. Однако роковая догадка его не посетила. Поэтому он сердился. И даже – роптал.

Более всего Викентий Виленович был возмущён тем, что ему не создали условий. Нет, он не ждал японской сантехники и подогретой сидухи. Но хотя бы обычный унитаз, рулон бумаги, крючок для одежды и приватность отдельной кабинки! Вместо этого он был вынужден, приспустив полосатые брионы, раскорячиваться над суровым бетонным выемом в полу. Рядом был такой же выем, и ещё такой же, и ещё: сортир был серьёзным военным сооружением на двадцать четыре очка. Когда-то в нём оправлялось целое отделение. А может, взвод. Викентий Виленович, несмотря на многолетнее членство в думской оборонной комиссии, смутно понимал разницу между отделением и взводом. В армии он не служил, в чём не любил признаваться. Зато он стрелял из станкового пулемёта, катался на Т-84У², украшенном партийной символикой – два раза, – а также снимался в предвыборном клипе Владимира Вольфовича Жириновского «Слава Русскому оружию!» в костюме маркитантки.

Депутат злился ещё и потому, что внезапно случившийся понос внёс коррективы в его текущие планы. Он собирался перекинуться парой слов с Крыпатченко до того, как все сели за стол. За стол он, впрочем, тоже собирался: ему хотелось выпить и закусить. То есть хорошо выпить, плотненько закусить и ещё выпить. Он уже даже и начал: хряпнул из фляжечки. Это было необходимо хотя бы потому, что опускаться в лифте на три километра вниз ему до сих пор не приходилось. Такое событие следовало отметить: оно пополняло коллекцию нестандартных жизненных ситуаций, в которые Викентий Виленович попадал регулярно. Ему случалось заходить в синагогу в арафатке, закусывать кумыс швейцарским горьким шоколадом, писать лирические стихи в газету «Анархия!», членствовать в Счётной комиссии на втором съезде Социал-кальвинистской партии, выступать на митинге в защиту сексуальных меньшинств – в смокинге, с накладной силиконовой попой, – и далее по всем кочкам, пока не удалось осесть в ЛДПР, этом последнем прибежище оригиналов.

В партии его любили за понятливость, жизнелюбство, ну и за весёлую фамилию. Она как-то по-особенному оттеняла – а местами и подсвечивала – кругленькую, румяньенькую мордку её обладателя. Это чрезвычайно развлекало Лидера.

Кое-как завершив начатое, Пархачик подтерся предусмотрительно прихваченной со стола салфеткой, убрал нехороший след с ванлааковской рубашки, накинул пиджак и вернулся в зал. Там шумел-гремел позор московский – поздний банкет. Ну, относительно поздний. На поверхности было что-то вроде четырёх утра: мрак, собачий чёрный холод и кривые ёлки в снегу. По Москве – где-то одиннадцать, самый разгар пятничного оттопыра. По своему внутреннему состоянию Викентий Виленович дал бы полночь. Какое время тикало здесь, под землёй, на спецобъекте, построенном в семидесятые на случай всеобщего ядрён-батона – затруднился бы определить и сам Владимир Вольфович, всегда имеющий мнение по любому вопросу жизни и смерти.

² Украинский танк на базе Т-84. Полное название – Т-84У «Оплот».

Помещение, где пили москвичи, пугало размерами. Это был огромный бетонный короб с гулким эхом. Подпотолочные лампы – каждая величиной с корыто – освещали ободранные стены и накрытый стол, смотрящийся в этих интерьерах несколько инопланетно.

Когда-то зал был полон секретного оборудования. Теперь от бывшего великолепия остались только железные лестницы, ведущие к люкам, высоченные сварные стойки с характерными дырками, – при виде их в памяти депутата шевелилось неведомое как застрявшее в ней слово «крепёж», – да ещё огромная карта Земли, насмерть вмурованная в стену: два выпуклых полушария, напоминающие гигантскую жопу.

Прямо под ней, во главе стола, восседал, крепя спину и расправив погононосные плечики, генерал РВСН Фирьяз Давлетбаевич Давлетбаев.

Как и большинство генералов, Викентием Виленовичем когда-либо виденных, Давлетбаев был росточком метр шестьдесят восемь с каблуками. Лицо у него было военно-восточного типа – вместо влажного вымени, типичного для славян, дослужившихся до большой звезды, у Фирьяза Давлетбаевича на плечах росла сухая твёрдая башка, бритая под барабан. Щёки и подбородок генерала были выскоблены до какого-то неприличия, как лобок порно модели. Конские глаза его блестели бессмысленно и беспощадно.

Генерал депутату не то чтобы не нравился, но вызывал беспокойство. Во-первых, он напоминал ему тестя, восточного человека. В делах тесть был архиполезен, однако неприятен в быту – в частности, излишним вниманием к запутанной личной жизни зятя. Во-вторых, депутат знал, что генерал Давлетбаев известен не только хозяйственно-снабженческой жилватостью, но и причудливо-вздорным нравом, а в войсках имеет устойчивую репутацию ебанутого. Впрочем, российская армия вообще богата на мундирных ебанько, этого добра Виленович уже насмотрелся, заседа с такими во всяких смешанных комитетах и особых совещаниях. Иногда он задумывался, что же будет, если этим утыркам и в самом деле придётся воевать по-настоящему. Однажды он поделился своими сомнениями с Лидером. Тот подумал секунды две и ответил: «А ничего, сперва положат половину армии, потом придут в себя и вспомнят, чему их в Академии учили». Владимир Вольфович, когда не выступал перед публикой, обычно говорил умные и верные вещи. Тем не менее Пархачик с ним внутренне не согласился. По его ощущениям, чтобы прийти в себя, генералам придётся сначала известить процентов семьдесят личного состава.

Банкет имел место по случаю подписания протокола приёмки. Противоатомное убежище сдавали на консервацию, предварительно списав и активовав всё, что вообще можно было активировать и списать. К огорчению генерала Давлетбаева, кое-чем всё-таки пришлось поступиться, в основном из-за косности компетентных инстанций, а также из-за конструктивной недостаточности грузовых лифтов. Тем не менее вывезенного на поверхность добра хватало в общей сложности на несколько скромных шале на Лазурке. О чём депутат, разумеется, знал. Как и о том, сколько получил – и для передачи, и себе на карман – председатель комиссии Крыпатченко, подписавший Давлетбаеву нужные бумаги.

Сам Викентий Виленович был по этой части обойдён, но в рамках приличия. Денег ему, как человеку без права подписи, никаких не полагалось, зато уважуха, накрытая поляна и последующий досуг подразумевались. Чем он и намеревался воспользоваться и ни в коем случае ни в чём себе не отказать. Отказывать себе в чём бы то ни было Кеша – так звал его Лидер в добрую минуту – считал безнравственным.

Банкет тем временем пережил первую волну тостов и тихо стагнировал в ожидании второй. Люди разбились на кружочки и базарили – не то чтобы по делу, а где-то около, приносясь и прихрюкиваясь к разным темам, а то и просто так.

Благообразный седобородый дед в недорогом, но хорошо сидящем костюме внимательно слушал моложавого майора, который, горячась и разбрасываясь руками, рассказывал, насколько под Ямантау было круче. Долговязый пиджак, слегка заикаясь, спорил с низень-

ким подполом в лопающемся на пузе мундире о тактико-технических характеристиках танка «Абрамс», причём подпол всё время повышал голос. Пьяненькая тётенька, лет десять назад очень даже явдудльная, а теперь всего лишь условноебабельная, страдала от мужского невнимания и показывала зачулкованную ножку – на вид тёплую, но с просвечивающим синяком под коленкой, что наводило на мысль о какой-то драме. Рыжий прапор, неведомо как проникший на барский пир, споренько накидывался водочкой, время от времени набивая рот селёдкой с луком. Пил прапор быстро и умело. Викентий Виленович аж залюбовался такой целенаправленной и успешной работой над собой.

Пархачик присел на прежнее место, как раз возле прапора. Подтянул чистенькую тарелочку, странным образом выжившую на этом столе. Нагрузил холодными баклажанчиками, опробовал. Баклажанчики хорошо, правильно улеглись в желудок, тот и не буркнул. За это депутат вознаграждал себя кстати подвернувшимся коньячком. Коньячок пошёл чуть жёстче, чем хотелось бы, однако кишок не разбередил. Депутат закрепил успех тарталеткой с козым сыром.

– Пр-рстите, а вы м-москвич? – поделился рыжий прапор внезапной догадкой. Водочка в нём согрелась до кондиции и требовала слова.

Депутат прикинул перспективы. Разговаривать с водкой в чужом желудке ему приходилось регулярно, и всё, что она может сказать, он в общем-то знал. Рыжий, при взятом темпе, должен был бы минут через несколько начать бороздить мордой просторы стола – или уж впасть в амбицию, а то и полезть в драку. Однако покидать с трудом завоёванное место за столом не хотелось. Пархачик решил пообщаться, а там посмотреть по обстановке.

– Да какой москвич! С Подоляк мы, это село такое, Подоляки, мало кто знает, – вздохнул он специальным образом, как бы открывая провинциальному быдлу перспективу для соперничества. – Депутат от области. В Москве бываю временно. Не могу в этом городе жить, кошмар какой-то, – закончил он фразой, на которую провинциальное быдло обычно велось.

Прапор не повёлся. Зато государственное словцо его зацепило.

– Депутат... – по-собачьи наклонил он голову. – Депутат. Чего же ты депутат...

Не по-хорошему задумчивая интонация прапора и тыканье не обещали конструктива. Пархачик решил отделаться парой фраз и всё-таки уйти.

– Я депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, фракция Либерально-демократической партии России, – он по опыту знал, что эта фраза озадачивает и сбивает с толку.

– Депутат, значит. Вот вы там депутаты. В Москве. Законы для нас принимаете, – уже откровенно накручивал себя прапор.

– Мы находимся в оппозиции, наши законодательные инициативы торпедируются партией власти, хотя мы внесли в думские комитеты только за этот год около тридцати радикальных предложений... – у депутата включилась пластинка.

Прапор скроил казённую рожу.

– С государством боремся? На какие шиши боремся? На госдеповские?

Викентий Виленович почувствовал себя увереннее: такие заходы он давным-давно научился отбивать из любой позиции.

– На зарплату, – избрал он самый простой и беспроегрышный ход. – Мне хватает, в Думе буфет дешёвый.

– Буфет дешёвый... Да чего буфет... Я спросить хочу. Простому человеку ответь, депутат. Ну почему у нас всё вот так? Ты мне скажи. Почему у нас всё вот так вот, а?

Депутат понял, что прапора всё-таки перекособачило. Общаться дальше было бы глупо, а то и опасно.

– Простите, я забыл одну вещь, – быстро сказал он. И тут же вспомнил, что и в самом деле забыл одну вещь. А именно – спешно убегая в сортир, оставил свой ноут на подзарядке без присмотра.

Ноут у депутата был уникальный. Не какой-нибудь там попсовый мак-эйр, с которыми половина Думы ходит, а подарочный, минобороновский, в чёрной резине снаружи и с неубиваемым железом внутри. Подаривший ноут товарищ особенно подчёркивал, что помимо жёсткого диска, который ломается и размагничивается, в ноуте стоит восемь терабайт какого-то эс-эс-ди, в котором движущихся частей меньше, чем в кирпиче, а инфа может храниться практически вечно. Последнее обстоятельство Викентий Виленович неизменно вспоминал, закачивая на ноут очередную коллекцию прелестных голышечек... К сожалению, эксклюзивная игрушка довольно быстро разряжалась, так что приходилось всё время её подкармливать при каждом удобном случае. Вот и сейчас он его где-то пристроил, вот только где?

– Ноут я забыл, – закончил он, выбираясь из-за стола.

– Ты на мой вопрос ответить забыл, д-депутат, – начал было рыжий плохим голосом, придвигаясь и набычиваясь. Однако депутат ловко вильнул чреслами, выскользнул – и уткнулся в подреберье долговязого, который втирал про «Абрамс».

– А вот и здравствуйте, – долговязый тоже был датый, но умело датый, понимающий, как себя держать подшофе, скорее всего – много и профессионально кирающий в разномастном обществе и знающий себя под всяким градусом и углом. – Всё в порядке? – уточнил он, показывая глазами на рыжего.

– Вы мой ноутбук не видели? – депутат тем временем полностью покинул сферу внимания прапора, и тот притих. – Чёрный такой, резиновый? Я его на зарядку поставил, забыл куда.

– Ноутбук? Чёрный резинновый? Там, – долговязый мотнул головой в неизвестном направлении.

– Там – это где? – уточнил депутат.

– Вы его в зале под плитой, у щитка, поставили, – пояснил долговязый. Депутат заметил, что долговязый не то чтобы заикается, а как бы удваивает некоторые согласные – на итальянский, что ли, манер. Было в этом что-то неестественное. Как и само лицо долговязого – не славянское, но и не восточное: такое лицо могло бы быть у немолодого араба, если б его как следует потереть ластиком и убрать цвет, а заодно пригладить всё торчащее и выпирающее. «Такие в разведке нужны», – подумал было депутат. Потом вспомнил, чем на самом деле занимается российская разведка, и сморщился, как от кислого.

Долговязый это истолковал по-своему: чуть наклонился, мягко тронул вспотевшую кисть государственного человека сухими пальцами.

– Не беспокойтесь. Ничего с вашим чемоданчиком не буддет.

Викентию Виленовичу и в самом деле стало спокойнее: он вспомнил.

Ноут он поставил кормиться у электрического щитка в помещеньице со свинцовым потолком, тяжёлым даже на вид. Помещеньице считалось наиболее защищённой частью комплекса и было рассчитано на полную изоляцию в случае чего. Впрочем, эта сторона дела волновала депутата в последнюю очередь. Важно было, что зал был рядышком, через две двери, так что можно было не бежать сломя голову за своим имуществом прямо сейчас – и потом не знать, куда его деть. А спокойно посидеть, уговорить фуфырик-другой. И подхватиться уже при сборах.

– Тост! Тост! – закричал кто-то жестяным военным голосом и застучал ложкой по стакану, пробивая звоном жужуканье и гундёж. – У Фирьяза Давлетбаевича! Созрел! Тост!

– Началось наше всё, – долговязый сыграл голосом трезвость и оттого в самом деле протрезвел секунд на двадцать. – Теперь придётся слушать. Давайте-ка сюда к нам, тут яйца с икрой. Хотя икра – те же яйца, только рыбы, – философически заключил он, достигнув верхней границы абстрактного мышления, доступной российскому военному.

Викентий Виленович решил на старое место не возвращаться: рыжего прапора наконец накрыло. Он сидел в характерной позе, свесив голову на грудь, и уже готов был с грохотом пасть. Поэтому Кеша благосклонно кивнул и уселся на чей-то стул. Перед лицом оказалась чужая тарелка, измазанная едой, и захватанный пальцами стопарик. Депутат покрутил башкой и увидел высокий стакан для газировки, а рядом – графинчик с беленькой. Стакан и графинчик смотрели друг на друга недоверчиво, понимая, что не созданы друг для друга. Пархачик, однако, решил иначе: другой посуды чистой не было, а водки внезапно захотелось.

– Таарищи! – гавкнул генерал Давлетбаев, обрушив из-под потолка на головы гостей рассыпчатое эхо. – Один раз... гризантальяна с растягом по моей команде... – он вдохнул, берясь за стопарик, нолитый старым манером, всклянь, – за успешное окончание нашего Отечества три-четыре – у-ра!

Тост показался депутату не вполне удавшимся, хотя он понимал, что генерал имел в виду что-нибудь вроде окончания службы, или задания, или дежурств – чем они тут занимались и как это называется, он не знал и не хотел. Видимо, остальные тоже поняли генерала в хорошем смысле, поскольку шумно встали и относительно дружно прокричали «у-ра», с требуемым горизонтальным растягом. После чего лихо хлопнули и принялись рассаживаться обратно, скребя ножками стульев по бетонному полу. Пьяненькая тётенька дрожащими руками налила сама себе крымского шампанского и выпила отдельно.

Генерал не остановился. Он не собирался останавливаться на достигнутом. Судя по мыльному блеску глаз, он вообще не собирался останавливаться.

– Таарищи, внимание! – эхо снова запрыгало по залу. – Хочу сказать очень важные слова. Мы все... отдавая единый воинский долг... служили Родине, как отцы служили дедам... – заклекотал Фиряз Давлетбаевич, делая в речи специальные военные паузы. Депутату казалось, что куски фраз вылазят у генерала изо рта, как пузыри, надуваются вокруг губ и потом с брызгами лопаются: бляп, бляп.

– Чётко исполняя свои воинские обязанности до последнего приказа о расформировании... мы не посрамили своим ратным трудом родные просторы и славу наших предков, военно-космических сил, ныне ракетных войск стратегического назначения...

Прапор наконец пал: классически, мордой в стол, с последующим оседанием тушки вниз под скатерть. Такого падения Пархачик не видывал с прошлого тысячелетия. Он мысленно заплотодировал, и тут же закружилась голова, закололо в груди и подступило явственное ощущение чего-то нехорошего.

Депутат тряхнул головой и наваждение пропало.

– Нашу вечную память павшим и ушедшим в запо... кх, в запас, – генерал звонко кашлянул, подравнивая речь. – И безоговорочную преданность Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, самым чутким к нуждам армии человеком... и величие нашей многострада... – тут генерал запнулся ошутимее, – многонациональной Родины-Матери... с честью носящей высокое звание Российской Федерации! Гризантальяна с растягом троекратно, таарищи – у-ра!

– У-ра! У-ра! – закричали подчинённые.

Генерал наконец прикрыл поддувало и взялся за стопку. Все нестройно зашумели. Зашуршало стекло, зацокали вилки о тарелки: люди торопились выпить и закусить.

– Это ещё не самое-самое, – предупредил долговязый и дёрнул уголком рта, что можно было принять и за кривую ухмылку, и за нервный тик. – Он сейчас стихи читать буддет.

– Главное, чтоб не пел, – в тон ответил депутат, морщась: выпитое и съеденное, вроде бы хорошо улёгшееся в животе, вдруг как-то ошутимо покосилось. Дристать на бис не хотелось, да и отходить от стола во время тоста было бы некрасиво. Пархачик немножечко послушал себя и решил, что как-нибудь перетерпит.

– А теперь хочу прочесть! К нашему столу! – порадовал Фиряз Абдурахманович и, не дожидаясь внимания, начал:

– Таарищи родные дорогие, мы что-то важное свершаем в этот час... и можно так сказать, что все стихии сегодня поздравляют нас!

– Поздравляют как бы нас, – исправил размер долговязый.

– И можно так сказать, – повторил депутат за полковником, выпрастывая из кармана пузырёк с таблетками от желудка и пытаясь отщёлкнуть крышечку. – Минералочки тут есть?

Долговязый окатил стол быстрым оценивающим взглядом, выцепил «Святой источник» без газа и молча набулькал в фужер. Депутат вытряс на ладонь две таблетки, съел и быстренько запил водичкой.

– Давай с таким прекрасным настроением... огромного спокойствия, труда! – стихи генерал Давлетбаев явно сочинял сам. – И пусть над нами с наслаждением горит звезда родная, и она... нам путь укажет всем и таким образом в вечность мы войдем! – слова «таким образом» генерал как бы промотал голосом на удвоенной скорости, а «войдем» оформил через «е».

– Вуильям... Шекспёр, – долговязый нарочито сделал между именем и фамилией классика мировой литературы выемку под матное словцо. Депутат понимающе мумукнул.

– Когда же вся эта сволота передохнет, – вздохнул долговязый и сделал приглашающее движение шеей, как бы подзывая депутата присоединиться к компании людей почище. В голове Пархачика всплыло спецслужбистское слово «подход». Секунду подумав, он решил, что это он и был.

– Сволота всех нас переживёт, она о себе заботится, – сделал он свой шагок навстречу, прикидывая, какой у долговязого практический интерес. Скорее всего, решил он – по части продажи какого-нибудь кусочка Родины, случайно уцелевшего после давлетбаевского хапка.

– О себе подумать никому не вредно? – совсем уж откровенно зашёл долговязый, сыграв голосом на повышение.

– И никогда не поздно, – решил чуть отойти депутат. Предложенный темп его насторожил.

– Бывает что и поздно, – серьёзным тоном сообщил пиджак. – Кто не успел... – он опять сделал паузу, как бы вынуждая собеседника продолжить фразу.

– На «Титаник», например, – отбил депутат, уже понимая, что услышит дальше, куда они пойдут, когда кончится мероприятие, какие ожидаются разговоры – и уже прикидывая, насколько интересным может быть предложение. И придётся ли беспокоить Лидера.

– Таарищи! – снова включился Давлетбаев. – Как говорят у нас в народе, что между первой и второй есть перерывчик небольшой! И в этом небольшом перерывчике я хочу прочесть совсем небольшое стихотворение, посвящённое нашим дорогим гостям из Москвы!

Пьяненькая тётя с синяком на коленке громко и как-то очень осмысленно пукнула. Все сделали вид, что сделали вид.

– Кхе, кхе, – начал Фиряз Давлетбаевич. – Мы все одной семьёй цветём, и каждый на poste своём, доверий от Правительства не счесть и Президент перпоручил нам честь!.. – на редком слове «перпоручил» у генерала стал кончатся воздух, а после «честь» он прервался на экстренную вентиляцию лёгких.

– Да что и честь, коли нечча есть, – вспомнил долговязый русскую пословицу.

Викентий Виленович попытался было сообразить, что это за *нечча*, с успехом заменяющая дурацкий сословный предрассудок, и не смог: в желудке опять покачнулось, подвалило к горлу. Он судорожно сглотнул, снова достал таблеточки, проглотил две или три, запил.

– И Родине довольно я служу... и счастлив я, что на устах своих... печать секретности держу! – в три приёма одолел генерал трудную, вычурную строчку.

– Наддо же! – в голосе долговязого прорезалось неожиданно искреннее удивление. – Это ещё кто-то помнит?

Депутат хотел было переспросить, о чём речь, да не успел. Что-то ударило его изнутри по ушам, в глазах поплыло, а потом всё стало непонятным и никаким.

Впоследствии – когда, откровенно говоря, это уже никого особо не интересовало – врачи, занимавшиеся телом, немного поспорили насчёт таблеточек. Жизнелюбивый депутат перепутал пузырьки и вместо желудочного принял возбуждающее. Средство считалось безопасным и совместимым с алкоголем, но повышало давление, с которым у Викентия Виленовича было и без того скверно. Хотя, скорее всего, дело было не в таблеточках. Просто пришло – точнее, вышло – время. Источенный сосудик в голове натянулся и лопнул.

То, что с депутатом что-то не так, долговязый заметил не сразу, а когда заметил, то решил, что москвич перебрал и пусть отлёживается. Больше обеспокоились его коллеги – в отличие от местных, они Виленовича знали как алкогольно устойчивого, закалённого в чаду кутежей, на адовых фуршетах девяностых. Тем не менее, по обычному человеческому нежеланию ломать себе кайф и неверию в плохое, они решили, что надо просто подождать и дать человеку отлежаться. Ну и дали – и, само собой, дождались. Депутат уже уплывал в вечность, пока наконец-то вызванные врачи из военного городка ругались с охраной на воротах.

Досуг сорвался, вместо этого тёплым пьяненьким дядькам пришлось объясняться с неприятными, быдловатыми людьми в форме, не любящими москвичей. Потом пошли звонки из Москвы, тоже неприятные: Лидер не любил, когда что-то идёт не гладко. Крыпатченко в расстроенных чувствах обматерил полицейского. Тот не стал отвечать грубостью на грубость, а молча, от сердца, засветил москвичу по соплям.

Нежелательное развитие событий предотвратил вовремя появившийся долговязый, предъявив очень специальные корочки и организовав пару звонков по своим каналам.

Дальше выяснилось, что куда-то исчез генерал Давлетбаев. Все встали на уши. Впрочем, через сутки государственный человек обнаружился. Оказывается, ебанутый вояка решил, что смерть москвича являлась частью заговора против него лично – и, как фельдмаршал Кутузов, отошёл на заранее заготовленные позиции: закрылся в одном из помещений базы с двумя литрами коньяка. К несчастью, генерала кто-то когда-то научил пользоваться электронной почтой, и он из своего убежища направил в Минобороны, Генпрокуратуру и ещё по нескольким известным ему адресам десятка четыре писем самого изумительного содержания, включая инвективы в адрес Сечина, коего Давлетбаев обвинил в работе на английскую разведку. По этому поводу в верхах вышел скандалчик. Правда, без особых последствий: заменить генерала было некем, и он это отлично знал.

Тело депутата Пархачика отправили в Москву, где и закопали в землю. На похоронах присутствовал Лидер, так что процессия за гробом была достаточно большой. Из родственников приехал только тесть, и тот – со словами «хочу сам убедиться». Супруга депутата, волоокая Гюльчехра Мультимедиева, отдыхала в Греции и до прощальных формальностей не снизошла.

Какая-то жёлтая газетёнка тиснула по сему случаю статейку, где прозрачно намекалось на убийство – каковое, в свою очередь, связывалось с криминальной ситуацией вокруг подольского леспромхоза. Интересы это не вызвало.

В установленный срок на объекте был проведён комплекс работ по окончательной консервации. Его проводили сотрудники компетентных органов, отодвинувшие тупых и вороватых военных. Та часть оборудования комплекса, распродать которую Давлетбаеву не дали, была размещена в зале под плитой. Автоматику – древнюю, релейную, сделанную ещё при царе Горохе – выставили на принудительную продувку раз в двадцать лет. После этого зал загерметизировали и заполнили аргоном.

На чёрный чемоданчик, покрытый резиной, никто не обратил особого внимания – а те, кто обратил, приняли его за часть оборудования. Долговязый отнёсся бы к этому совершенно иначе, поскольку знал о чемоданчике существенно больше, чем даже его злосчастный владелец. Однако его никто не спросил. Да и некого было: через два дня после инцидента долговязый

улетел в Триполи – по линии СВР, но представляя интересы другой организации. Из Триполи он не вернулся.

Следственные действия велись где-то с месяц и ни к чему особенному не привели: ситуация была вполне себе ясной, криминалом никаким не пахло, деньгами тоже. Единственным интересным фигурантом оказался рыжий прапор, которого следак случайно узнал – он когда-то пересекался с ними по мелкому делу, и рыжий не вернул ему три тысячи. Упускать такой случай было бы глупо, так что неудачнику пристряпали обвинение и закрыли на год в местном СИЗО – для ума, чтоб знал. Ума у рыжего и впрямь прибавилось, знаний тоже: в СИЗО он выучил испанский и через два года уехал в Барранкилью. Но это уже другая история.

Шло время. Ржавело золото, истлевала сталь, крошился мрамор. К смерти всё готовилось и всегда оказывалось неготовым. Она всё же являлась, вовремя и невовремя, к правым и виноватым. Умер в кремлёвской больнице от острой почечной недостаточности генерал Давлетбаев. Ненадолго пережила его вдова депутата, волоокая Гюльчехра: бедняжка утонула, купаясь в Эгейском море. Чуть раньше покинул пределы земные её папа, восточный человек: что-то не поделил с южными людьми, те оказались жёстче. Низенький подполковник в состоянии немотивированной депрессии выпустил себе в голову четыре пули и потом выбросился из окна – во всяком случае, таково было мнение судмедэкспертов. Умерла тётя с синяком; это с ней случилось в Гаване, в объятьях Морфея, молодого мулата с пляжа. Умер бывший предкомиссии Крыпатченко: в морг он заехал прямо с венецианского карнавала. Умер живучий Владимир Вольфович, в декорациях менее праздничных, хотя и в чём-то более комфортных. Поумирали – все по-разному – иркутские полицейские, не любившие москвичей. Благообразный седой дедушка прожил ещё двадцать три года и тихо скончался в филадельфийском госпитале для сотрудников Агентства национальной безопасности США.

Умер, в числе прочих – очень того не желая, – и автор этих строк. Последняя мысль его была о числе «шесть».

Скончавшие свой век удостоились, как обычно, недолгой и не особенно искренней скорби, потом были забыты, потом забыли тех, кто забыл. А жизнь, как обычно, продолжала себя как могла и как умела.

Время просачивалось и в зал под плитой, лениво теребя молекулы. Добралось оно и до чёрного чемоданчика. Каменела резина, поверхность экрана медленно расстекловывалась и мутнела. Металл микросхем диффундировал в подложку. Размагничивались кластеры дополнительного жёсткого диска.

Однако комп так и остался подключённым к щитку, запитанному от атомных батарей, рассчитанных на столетия бесперебойной работы. Раз в пятьдесят дней спящий ноут просыпался и ревизовал ресурсы, в частности – проверял целостность файлов на восьмитерабайтном SSD-накопителе. По мере накопления сбоев и выхода из строя сегментов памяти файлы переписывались на оставшиеся. Упрямая машина тоже продолжала себя как умела и как могла.

Когда от восьми терабайтов осталось около четырёхсот гигов, вышла из строя простейшая деталь – штепсель. Время прогрызло-таки изоляцию, и проводки закоротило. Защищённый ноут не пострадал, но аккумуляторы, естественно, сели. Последней умерла батарейка таймера, и обклеенный затвердевшей резиной ящик погрузился в оцепенение, заменяющее электронным устройствам клиническую смерть.

К этому моменту на SSD-накопителе осталась почти неповреждённая операционка, сто с лишним гигов детской порнографии (к ней покойный питал душевную склонность), сорок гигов музла (в основном шансона, каковой депутат особенно уважал, ну и до кучи всякое-разное, попавшее на диск бог весть какими путями), обычный майкрософтовский офис (читалка, писалка, считалка), а также несколько коллекций текстов и электронных книг, предустановленных дарителями (депутат в них не заглядывал никогда, предпочитая живую жизнь мёртвой букве). Увы, часть текстов была утрачена при копировании: глупая машина пожертвовала

Одиссеей и второй частью «Дон Кихота», чтобы сохранить содержимое папки «машенька раздвинула булочки»... Кроме того, в тёмном уголке прятались кое-какие особые программы, о которых бывший владелец ничего не знал. Всё остальное погибло. В частности, от обширной и содержательной переписки депутата сохранилось лишь несколько писем, а из личных документов – незавершённый черновик заявления в полицию о клевете в интернете, набросок речи на очередном съезде ЛДПР и два электронных авиабилета до Пхукета.

Все эти сокровища так и пребывали втуне, пока чёрный чемоданчик снова не вынесли на свет, не подключили к электричеству и на кнопку Power не нажал блестящий перламутровый коготь эмпата-кибрида.

Том первый. Путь Базилио

И Всевышний увидел Землю, что она растленна, ибо всякая плоть извертила свой путь на Земле.

Быт. 6:13

Пролог под землёй

113726 день от Конца, волею Короля осень / 8 сентября

312 года от Хомокоста.

**Афганистан, бывшая провинция Нангархар, ныне территория
Подгорного Королевства.**

**Горный массив Тора-Бора. Личные апартаменты Его Величества
Тораборского Короля.**

Утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля.

Личное дело 11.00025.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА РОЖДЕНИЯ: до Хомокоста (предп. август, 1 г. до X).

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ (оценочно): 338 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 102 года активности и 236 лет анабиоза

ОСНОВА: человек (модификат хомо П-12)

ПОЛ: мужчина

ПРАВОВОЙ СТАТУС: верноподданный Его Величества

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: телепат вне категорий, психократ вне
категорий

НЕДОСТАТКИ: еврей

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Карабас бар Раббас

ПОЗЫВНОЙ: Шварцкопф

Борода не лезла ни в какие ворота. Ни в костюм то есть не помещалась, ни в шлем не пропихивалась.

Всё прочее, включая пейсы, Карабасу удалось более-менее засунуть и утрамбовать. Хотя костюм был маловат. На пару размерчиков так уж точно. К сожалению, исправных костюмов высшей биологической защиты подходящего размера у нас нет, подумал бар Раббас. Может, не только здесь, а вообще. По слухам, последний годный костюм удалось выменять в Директории – в обмен на необнародованные доселе треки Круга Песнопений Гарика Сукачёва. К сожалению, второй раз такой гешефт повернуть удалось бы вряд ли. В Директории тоже кончались ништяки.

Понятное дело, бороду можно б и подстричь. Или хотя бы подровнять. Ножницами, разумеется. Как назло, ножниц не нашлось. Бестолковая сука в белом халате – судя по экстерьеру и манерам, овчарка с гиеньей прошивкой, то ещё сочетанье – предложила отрезать волосы скальпелем. Скальпелем! Ну вот скажите, как объяснить бестолковой суке, что соблюдающему еврею запрещено использовать бритву или нож для брадобрития? Особенно если он сам, рав бар-Раббас, не очень-то понимает, *почему* это запрещено. Как и не видит нужды в этом волосяном украшении. Хотя... надо ж почтенному аиду хоть чем-то, кроме лапсердака и капелюша, отличаться от окружающих гоев. Да ещё и с такими разными грызлицами.

А ведь, подумал Карабас, пристраивая шляпу на штангу воздуховода, единственным общим местом во столь вариабельном их экстерьере является отсутствие растительности на переднем торце. Кошачьи, правда, баки себе отращивают, у козлов бородёнка бывает. Но вот чтобы, скажем, пейсы – такого за ними не водится, нет. Всё-таки мудрецы Талмуда были воистину боговдохновенны. В своей запредельной проницательности они каким-то образом предусмотрели даже трансенный ребилдинг.

В конце концов бороду всё-таки удалось – с грехом, увы, пополам – запаковать в пластиковый пакет и сложить в четыре слоя под шеей. После чего костюм – со скрипом и матюгами – на него всё-таки натянули.

В таком виде можно было являться и на Высочайшую Аудиенцию.

Первый пост рав бар Раббас миновал без особых задержек: пришлось разве что немного полежать в какой-то зеленоватой водичке, наверняка жутко ядовитой. На втором одетые в припаленные защитные костюмчики овчарки долго облучали его ультрафиолетом, а потом прошлись маленьким ксигеном, на случай наличия в его теле какого-нибудь постороннего железа или кремния. Карабас лежал и ухмылялся: он гордился – совсем чуточку, а всё ж таки – тем, что тело его скроено из настоящего мяса, а не из каких-нибудь там тканевых микроимплантов. Вряд ли из микроимплантов можно сделать хорошего еврея. Или даже плохого еврея. Впрочем, других-то нет. Рав бар Раббас очень сомневался, что в пределах Подгорного Королевства можно найти хоть одного полноценного айда. Да и в Директории вряд ли удастся наскрести хотя бы десяток, чтобы составить миньян. Разве что в Стране Дураков... Он попытался представить себе, *какие* в Стране Дураков могут быть евреи, и почувствовал, что к носу подступает разрывающий ноздри чих.

Доводить себя до приступа именно сейчас было бы ну очень нежелательно, и Карабас попытался переключиться на что-нибудь постороннее. Это далось легко: предстоящий разговор обещал быть очень важным. Даже, пожалуй, чересчур.

Последний пост был, скорее, для проформы: выдра проверила сканером сетчатку и облила длинным тонким языком его ноздри, сверяя молекулярные метки. После этого шлем закрыли наглухо на внешний замок – чтобы раввин, даже потеряй он внезапно рассудок, не смог его сорвать – и чихнуть на Его Величество.

Наконец бронеплиты раздвинулись и он, втягивая пузо, протиснулся внутрь, в святая святых Тора-Боры – в Зону Зеро, непосредственное преддверие Апартаментов Тораборского

Короля. Лучше Апартаментов охранялись только тесла-приёмники. Как говаривал сам Король, без него Подгорное Королевство протянет ещё несколько лет, а без электричества не проживёт и недели. Насчёт первого бар Раббас был не уверен. Судя по тому, что периодически всплывало даже в самых верных и толковых головах, без объединяющей воли великого старца Подгорное Королевство ждал финал быстрый, страшный и стыдный.

С Его Величеством раввину случалось общаться не единожды и даже не дважды – и в публичном режиме, и в закрытом, и почти наедине. Почти, потому что Высочайшей Аудиенции он ни разу не устаивался: в этом не было необходимости. Его Величество Тораборский Король во всех случаях предпочитал разговаривать с подданными по телефону. И в этом он был совершенно прав. Это правило работало со времён Хомокоста – когда эстонские боевые компьютеры засыпали планету Ясным Перцем и прибили остатки популяции Номо Sapiens Sapiens. Странно только, что он, Карабас, с его почти человеческими генами, оказался совершенно невосприимчив к этой дряни. Тораборские трансгенщики долго копались в его клетках, чтобы понять, как именно блокируется вирус – и, понятное дело, ничего не накопили... Но даже в этом случае рав бар Раббас мог оказаться переносчиком заразы.

Имелась и другая причина. Приближаться к психократу – тем более к такому, как он, Карабас бар Раббас, – со стороны Его Величества было бы крайне непредусмотрительно. Да, разумеется, Карабас искренне предан Королевству и его Королю. Предан по-настоящему – не так, как все эти зазомбированные или распропагандированные зверьки с мозгами, промытыми физраствором. Он предан как знающий и верящий в идеалы Подгорного Королевства. Но всё-таки он психократ. Он способен забираться в чужие головы и управлять чужими телами. Нет, он не злоупотребляет своим даром, и никогда не посмел бы коснуться Короля. Однако чтобы исключить даже тень сомнения... Как бы то ни было, все его прежние визиты в Зону Зеро кончались одинаково – прогулкой по центральному тоннелю до второго поворота, где его ждал древний телефонный аппарат, соединённый непосредственно с Апартаментами.

Сегодня, однако, ему выпала небывалая честь: Король хотел его *видеть*. Что это значило, рав бар Раббас пока не понимал.

На сей раз после второго поворота – телефон стоял на прежнем месте, но не звонил – бар Раббас двинулся дальше, в абсолютно запретное пространство личных апартаментов Короля.

Ему пришлось спуститься по недлинной мраморной лесенке из тринадцати ступеней, чтобы оказаться перед аркой, украшенной по бокам двумя колоннами. За ней простиралась пустота зала, выложенного чёрно-белой плиткой.

Светильник в центре купола выхватывал из темноты единственную помеху, нарушающую совершенную геометрию плоскости и сферы – невысокую фигуру человека.

Его Величество Тораборский Король был облачён в серый защитный костюм. Сквозь пластик шлема смутно белело лицо. Человеческое лицо, напомнил себе бар Раббас. Лицо настоящего Номо Sapiens Sapiens. Последнего представителя погибшего вида. Вида, который на протяжении своей истории неоднократно пытался уничтожить себя – и которому это в конце концов удалось.

Раввин и сам не заметил, как преклонил колени – успев лишь подумать, что перед лицом Подгорного Старца эта поза кажется удобной, естественной и даже единственно возможной.

Король коротко кивнул и бросил ему конец провода. Карабас вставил его в гнездо на шлеме. Теперь можно было говорить.

– Благословен ты, Господь, Б-г наш, Царь Вселенной, уделивший от славы Своей плоти и крови, – пробормотал раввин благословение, которое полагается произносить при встрече с нееврейским царём, имеющим право казнить и миловать.

Король услышал.

– Я предпочёл бы в свой адрес другое благословение – «уделивший от славы Своей тем, кто боится Его», – заметил он. – В конце концов, я здесь власть.

– Однако не царь Израиля, – ответил Карабас почтительно, но серьёзно. – И не иудей по вере.

– Упрямый какой. Садись, что ли. Прости, стульев нет. То есть – есть, но не для твоего веса.

Чувство, что стоять на коленях хорошо и правильно, отпустило. Карабас попытался устроиться на полу поудобнее. Скрестить ноги в защитном костюме не удалось, сесть на корточки тоже не получалось. В конце концов раввин кое-как пристроился, уперев руки в пол. Но даже в таком положении голова его была Королю по плечо.

– Надеюсь, тебе удобно? Осторожнее, колено не подверни. *Шамоль ув'ха'ба*³, – даже сквозь толстый пластик было видно, что Король улыбается.

– Спасидо на добром слове, – пробормотал бар Раббас, пытаясь примостился поудобнее.

– Спасидо? Ты что, в Дочку-Матерь уверовал? – удивился Король.

– Нет, просто привык, – Карабасу стало неловко. – *Карабас брахоль*, – он решил обойтись максимально нейтральным людским выражением.

– А благодарность – Аллаху, всемилостивому, милосердному, – заключил Старец. – Увы, наши тонкие религиозные разногласия некому оценить. Верных Единому осталось примерно столько же, сколько и верных Сущему... или меньше. Если бы у нас тогда было ядерное оружие! А я ведь предупреждал этих идиотов. Что думаешь об этом ты, почтеннейшее изделие Раббаса?

– Всё равно бомбы не понадобились, – бар Раббас поморщился: запакованная в пакет борода начала разматываться, щекоча горло. – Вирусы поработали успешнее... достохвальный сын Ладена, – добавил он маленькую почтительную дерзость.

Короткий смешок.

– Сын Ладена... Так меня называли когда-то. Но тогда уж зови полным именем. Усама бин Мухаммед бин Авад бин Ладен. Также Абу-Абдалла, Моджахед, Хадж, Директор. Я люблю свои старые имена. Ты поймёшь меня, раввин, если протянешь с моё... Ладно, всё это too old, как говорят педведы. Как бы то ни было, сейчас я – Тораборский Король. И у меня осталось мало времени. Моё тело перебирали двадцать четыре раза. Нет, даже двадцать пять. Во мне меньше килограмма родных клеток. Вероятность успеха нового ребилдинга – сорок шесть процентов. А я всё ещё хочу дожить до победы... или до чего-нибудь, что я мог бы считать победой... до того, что оправдает меня перед Аллахом. Понимаешь ли ты меня, Карабас? Кстати, давно хотел тебя спросить: откуда у тебя это прозвище?

– Маркировка, Ваше Величество. Мою модель «Раббас» проектировали в Черноголовке. У русских там был центр. Работавший на Израиль.

– Странно... Мне помнится, в Черноголовке делали какие-то отравляющие вещества...

– Там много чего делали. А в израильском филиале работали казахи... или киргизы... нет, не помню. Какие-то азиаты. Они перевели маркировку на свой язык. Кара-Бас. Чёрная Голова.

– Казахи? В израильском биоцентре? Ты ничего не путаешь?

– Нет. Просто всё делалось в спешке. Иногда происходили утечки всяких субстанций... вирусы, синтобиоты, ну и так далее. В общем, опасная работа. Не хотели рисковать жизнями евреев.

– О да, о да! Пусть рискуют гои, не так ли?.. Хотя, конечно, мы тоже перегнули палку. В противоположную сторону.

³ *Шамоль ув'ха'ба* – «здравствуй» (людск.). Предельно вежливое приветствие или благопожелание, с которым высший может обратиться к низшему на людском. Литературный перевод – «[ты] должен быть здоровым, потому что это нужно нам». Ответ – «[имярек] шамаль», «имярек признаёт, что должен тренироваться (выздоровливать, лечиться)».

– Самопожертвование вам не помогло. «Аллахую христец», как говорили русские. Правда, недолго.

– Что недолго?

– Говорили недолго.

– Ну да. Зато мы с тобой понимаем эту шуточку. Забавно, а ведь в каком-то смысле русские победили.

– Хм? А, в смысле языка и культуры... Ну кто ж знал?

– А всё потому, что русские были раздолбаями. В отличие от евреев. Ещё одно кстати-некстати: как ты стал иудеем, бар Раббас?

– Я был обрезан на восьмой день, прямо в лаборатории, – повёл плечами раввин. – Все изделия нашего класса обрезаны.

– Почему?

– В самом начале войны выяснилось. Необрезанные чувствительны к антисемитской пропаганде. Даже киборги.

– Почему я не удивлён? Ладно, ближе к делу. Что у тебя с текущими проектами?

– Сейчас у меня только аналитика, Ваше Величество.

– Ну да, ну да. Анализ ресурсных схем и прочая текучка. Всё это можешь забыть – по крайней мере на ближайшее время. Я намерен вернуть тебя на оперативную работу.

Карабас вздрогнул.

– Я понимаю твои чувства, но не торопись с возражениями... Выслушай задание. Тебе нужно посетить с неофициальным визитом Директорию.

– Насколько неофициальным? – уточнил раввин.

– Это не так важно. Можешь заехать через главные ворота, можешь – огородами. Думаю, совсем тихо не получится. Безопасники там не орлы, конечно. Но и не дефолтники... В общем, тебе нужно в Директорию. И не просто в Директорию – а пробраться в Институт Трансгенных Исследований.

– Ваше Величество, это невозможно, – бар Раббас с трудом сдержал подступающий чих.

– Да, я знаю это слово. «Не-воз-можно», – передразнил Король. – Оно очень смешное. Забудь его. Ты всегда выкручивался.

– Я больше отлёживался, – сказал Карабас. – В болоте.

– Да, ты пропустил самое интересное, – согласился Король.

Карабас хмыкнул. Двести тридцать шесть лет анабиоза научили его скептицизму.

– Так или иначе, ты ведь выжил? Выживешь и теперь. Но сначала ты проникнешь в Институт и найдёшь кое-что. Точнее, войдёшь кое-куда.

– Где находится эта вещь, что это такое и что с ней надо делать? – Карабас почувствовал, что приступ близок, очень близок. Можно было бы попытаться зажать нос, но не давал шлем.

– Где – не знаю. И никто не знает. Где-то в Центре. Скорее всего, это место стерегут. Это всё.

– Пока я ничего не понял, – проворчал бар Раббас. Свербёж в носу немного отпустил.

– Сейчас поймёшь. Выключи микрофон и подойди ко мне вплотную. *Ха'н сохрэт сто-пищот бара даль йер Карабас.* Я пушу тебя в поверхностный слой сознания. То есть я буду мысленно проговаривать, а ты – слушать, не пытаясь проникнуть дальше. Склонись.

Для того, чтобы оказаться на одном уровне с Королём, Карабасу пришлось снова встать на колени.

Горный Старец думал долго. Раввин читал его мысли очень внимательно. Несколько раз показывал, что не понял, и Король терпеливо повторял.

– Теперь ты осознал значимость задачи? – Бин Ладен закрыл сознание и снова включил микрофон. – Ты сделаешь?

– Я сделаю всё, что в моих силах, – сказал раввин, вставая.

– А скажи-ка это на людском, – потребовал Король. – Вот именно эти слова.

Карабас промолчал: крыть было нечем.

– *Гав'виали* создали людское, чтобы не слушать скользких фразочек, – заключил Подгорный Старец. – Типа – вроде пообещал, а вроде и нет. Пообещал то есть постараться. Но мне не нужно, чтобы ты старался, тратил силы и что ещё там говорят в таких случаях. Меня всё это не интересует. Мне нужно, чтобы ты сделал. Любой ценой. И в данном случае любой означает именно это – любой. *Усама сохрэт бара Карабас криа!*

– *Карабас криа – ув'га'виал шем'Карабас, ув'х'аркан шем'Карабас, ув'нечча шем'Карабас*, – сказал раввин и неуклюже поклонился⁴.

– Это мне больше нравится. Возьми.

Король протянул руку. На ладони лежал маленький блестящий предмет. Бар Раббас осторожно ухватил его двумя пальцами. При ближайшем рассмотрении вещь оказалась ключом из жёлтого металла.

– Пожалуйста, будь с ним поаккуратнее, – сказал Тораборский Король. – Хотя бы потому, что я пообещал за него Сундук Мертвеца.

– Что? Все записи? – не понял Карабас.

– Нет, не записи. Оригинал. Сам ноут со всем содержимым. Мы, конечно, всё скопировали.

– О... от так от? – опешил бар Раббас. – Что, серьёзно? Но как? То есть зачем? Сундук – это же святыня!

– Да. К величайшему нашему сожалению, на другую цену Тарзан не соглашался.

– Что? – Карабас невольно повысил голос. – Вы отдаёте Сундук шерстяным?

– Ты как бы намекаешь, что это несколько противоречит нашей политике в регионе? – язвительно заметил Усама.

– Для полного счастья им не хватало только культурного доминирования, – вздохнул раввин.

– Если у нас всё получится, это уже не будет иметь значения. Если не получится – тоже, – заключил Король. – Имей в виду: пока что это просто кусочек золота. Нанокomпьютер в нём холодный. Его надо активировать.

– Обычными методами обойти защиту невозможно?

– Ну как ты догадался? Невозможно в принципе. Здесь нужен хакер. Который прочитает код со спящей наносхемы и активирует её.

Карабасу снова захотелось чихнуть.

– Таких нет, – сказал он, уже зная, что услышит в ответ.

– Такая есть, – сказал Король. – Тортилла ещё жива, старая перечница.

– Да, жива, – признал Карабас. – Только она не будет со мной сотрудничать. Хотя бы потому, что ей сейчас триста с чем-то лет, у неё сгорела половина мозгов и она помешалась на антисемитизме. Она скорее удавится, чем поможет еврею.

– Склони её к сотрудничеству. Обещай что угодно. Если понадобится – сделай, что обещал. Главное – добейся, чтобы она взялась за дело.

– Я не могу гарантировать результат, мой король.

– Опять те же слова? Впрочем, всё в руке Аллаха. Но я дам тебе лучшую команду, которая у нас есть.

– Прошу меня извинить, Ваше Величество, в данном случае я предпочёл бы набрать команду сам, – вежливо, но твёрдо заявил бар Раббас.

⁴ Тораборский Король требует, чтобы Карабас выполнил задание во что бы то ни стало. Карабас клянётся это сделать во имя высших ценностей – ну то есть тех, которые сам Карабас считает высшими.

– Нет. Я даю тебе именно лучших, – он протянул Карабасу лист бумаги. – Вот список группы. Если есть возражения, выскажи их сейчас.

– Посмотрим, – Карабас поднёс листок к пластику и прищурился: света не хватало.

– Ужас, – сказал он через минуту, – просто ужас. Это не группа, а труппа. Какой-то кукольный театр... Как я понимаю, возражать бесполезно?

– Правильно понимаешь, – благосклонно кивнул Король. – Я дал тебе не тех, с кем ты предпочитаешь работать. Я дал тебе самых лучших. Ты их построишь. У тебя это хорошо получается, не так ли?

– Мальвина и Чиполино. Я не работал с ними. И не собираюсь.

– Мальвина уникальна. Другого психократа такой силы у нас нет. Кроме тебя, разумеется.

– Ну да. Но её талант с изъёмом. Она может заставить птичку танцевать польку, это да. С разумными у неё не получается.

– Ты не любишь её потому, что не можешь прочесть её мысли.

– И это тоже, – признал Карабас. Ему очень хотелось почесать в бороде – смачно, с хрустом – и вытереть пот с шеи.

– Да, немного унижительно. Но ты будешь с ней работать.

– Ваше Величество, я ей не доверяю. Мне не нравится, как устроена её голова. Она сделана из мяса, а думает как киборг.

– Ты действительно не видишь её мысли?

– Вижу. Просто не понимаю. Хотя кое-что разобрать можно. Например, что она нас всех презирает и когда-нибудь предаст.

– Тогда ты её убьёшь, рав бар Раббас, только и всего... Но не раньше, чем она перестанет быть полезна. Мальвина пойдёт с тобой. И Пьеро тоже.

– Мне не нравится этот тяпнутый.

– Но ты же с ним работал?

– Работал. Когда он не сочинял стихов. Но потом его укусила муза. Мерзкая тварь, – Карабаса передёрнуло.

– Он наш сильнейший эмо-транслятор. И у него есть Дар пророчества.

– Дар? Знаю я этот Дар. Охрененный дар упарываться айсом в умат до дефолта. Пользы от его пророчеств – как от калуши материнской любви. И вообще, у него в голове ужас что.

– Не думай об этом, Шварц. Перед заданием мы немножко почистим ему мозги, он будет вести себя хорошо.

– Нам потребуется уйма времени, чтобы добраться до Директории. Никакая ментальная блокировка столько не продержится.

– Ты отправишься царской тропой. У тебя one way ticket to the blue.

Карабас поёжился.

– Не люблю летать, – признался он.

Король неопределённо хмыкнул.

– И что это? – не отставал раввин.

– Пузырь с винтом, – объяснил Король.

– На паровике?

– Нет. На керамических сверхпроводниках. Никаких тесла-наводок. Древняя технология. К сожалению, невоспроизводимая.

– Понятно... Я возьму персекьютора, – решил Карабас.

– Ты про Базилио?

– Да. Мне нужен перс. Который в случае чего всех найдёт и со всеми разберётся.

– Твой полубратец? Ладно, бери его... Твои претензии к Чиполино?

– Никаких. Просто я начинаю чихать сразу, как только его увижу.

– Он будет контролировать себя.

– Он полицейская вонючка по основе. Живое химическое оружие. От него разит слезоточкой.

– У нас нет другого психокинетика с такими параметрами. Он может понадобиться на завершающем этапе. Бывают замки, которые проще открыть изнутри.

– Не в нашем случае, если я вас правильно понял, – насутился раввин. – Ключ или откроет дверь, или нет.

– До того тебе придётся открыть много других дверей, – напомнил Король.

– Ваше Величество, вы слишком долго живёте в стерильной атмосфере, – осмелился Карабас. – Эта вонь сводит с ума, понимаете? И не только меня, она проест лёгкие всей команде. Я выброшу его за борт, как только мы взлетим! Хотя мне будет чертовски жаль парня.

– Ну... Верю. Убедил. Чиполино снимаем. Тогда не буду торопить его с одним делом... ладно, это я так.

– И Арлекин тоже лишний.

– Почему? Хорошая эмо-чувствительность, функционал боевика. А главное – он устойчив к большинству паранормальных воздействий. Его нельзя загипнотизировать, заняшить, отключить голову...

– Я с ним работал. Для меня он как все.

– Значит, ты можешь им управлять. Тогда в чём дело?

– Я видел его нутро, оно гнилое. К тому же законченный педик.

– И что? Ты же не собираешься с ним спать? Или доверять ему что-то важное?

– Хм... если так ставить вопрос... Хорошо, Ваше Величество, я беру его. Под вашу ответственность.

– Как будто это что-то меняет... По Кенни Маккормику у тебя есть возражения?

– Возражения против лишнего шанса? Дайте два. Нет, правда, я взял бы ещё парочку. Чую, понадобятся.

– Вообще-то я отдаю тебе последнего. Таких талисманов у нас больше нет. Я его берёг.

– Спасидо и на этом.

– Это всё? Я думал, ты попросишь у меня Джо.

– Неуловимого? Мне не нужен агент, в существовании которого я не уверен.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Потому что Джо я бы не отдал. Ладно, вопрос по персоналиям мы решили. Сколько тебе нужно на слаживание команды?

– В таком составе? Две недели как минимум.

– Считай, что это время у тебя есть. Не очень много, но есть. Надеюсь, ты понял, как тут расставлены приоритеты.

Карабас склонил голову.

– Хорошо. Теперь посмотри вот это, – Король дал Карабасу ещё один листок. – Запомни и отдай мне. Это вся наша сеть в Директории. Используй её по своему усмотрению.

– И ни в чём себе не отказывай, – пробормотал раввин, разглядывая листок бумаги. – Что, вы хотите сказать...

– Да, рав бар Раббас, именно так и обстоят наши дела скорбные.

– С этим нельзя работать.

– Ты опять прав. Но других агентов у нас для вас нет.

– Плохо, очень плохо, – Карабас снова уткнулся в список. – А это кто? – вдруг заинтересовался он, проглядывая имена. – Неужели еврей?

– Насколько мне известно, это существо считает себя таковым, – усмехнулся Король. – Будь с ним поделикатнее.

– Постараюсь, – буркнул раввин. – Не понимаю, как он может быть евреем. Он же не обрезан.

– Ну, кажется, у них там тоже что-то такое есть, – сказал Бин Ладен с лёгким сомнением в голосе. – Педипальпы... или, как их там, хелицеры... не помню. Чем-то они размножаются, верно?

– У них нет крови, – отрезал бар Раббас. – А при обрезании это главное.

– Главное – задание, – перебил Король. – Теперь последний козырь. В самом крайнем случае ты можешь обратиться к губернатору Директории лично. Не как к агенту, а как... – Король запнулся. – Подойди.

На этот раз безмолвный разговор продолжался минуты три, не больше.

– Это рискованно, – сказал Карабас. – Мы не знаем, хороший ли он *брат*.

– У бегемота нету талии, зато обширный кругозор, – ответил Король. – А такой кругозор в Директории бывает только у хороших *братьев*. Но повторяю – это самый крайний случай. Ты понимаешь, что означает слово «крайний»? Это не тот случай, когда тебе придётся спасать чью-то шкуру. Шкура того не стоит. Однако если от цели тебя будет отделять один сантиметр и ты не сможешь пройти этот сантиметр без помощи губернатора – вот тогда ты придёшь к нему как к *брату*. Я, как *друг*, передал тебе Пароли и Знаки. Они разрешают тебе действовать моим именем. Именем Тораборского Короля. Ещё раз – это *худший* вариант из всех возможных. Постарайся его избежать.

– Почему? – бар Раббас постарался вложить в вопрос возможно больше почтительности.

– Потому что в таком случае я буду обязан этому гиппопотаму. Я поклялся помогать *братьям* и платить добром за добро. Я готов нарушить любые клятвы. И нарушал их все. Кроме этой. Потому-то я до сих пор жив.

– А если я действительно доберусь до... – Карабас сделал жест.

– Даже если доберёшься, – твёрдо сказал Король, – я буду следовать обычаям *Ха'брат Церех Аур Бохер*. Теперь понимаешь, почему я назвал данный вариант худшим? Но если другого выхода не останется – используй его... Всё, закругляемся. Я даю тебе полную свободу действий. Агентов расходуй как хочешь, главное – найди, войди и сделай. *Молон лабе*, как сказал один мой греческий коллега в непростой ситуации⁵.

– Это может не сработать, – осторожно сказал раввин.

– Это последняя надежда. Иначе нас ждёт обычная судьба анклава высокой цивилизации, окружённой морем варваров. Сокращение территории, изоляция, уничтожение. Пока у нас есть кое-какие ресурсы. Но они рано или поздно кончатся. Мы умираем – а это самый верный путь к тому, чтобы когда-нибудь всё-таки умереть. Впрочем, то же самое ждёт и Директорию. Останется Страна Дураков. И это навсегда, потому что эсдеки – не просто варвары. Это гораздо хуже. Это варвары, у которых нет и не будет обычных проблем, характерных для варварских обществ... Иди. Впрочем, – Король усмехнулся сквозь стекло шлема, – я не удивлюсь, если ты захочешь воспользоваться *этим* для себя. Только не лги мне, что такая мысль не может прийти тебе в голову.

Карабас промолчал.

– Так вот, когда эта мысль тебя всё-таки посетит, скажи ей, чтобы она ушла. У тебя нет другого дома, кроме Подгорного Королевства. Измена Родине себя не окупает.

В этот момент Бар Раббас ощутил – слегка, самым краем насторожённого ума – ментальный контакт с глубиной сознания Короля.

Кратчайший миг; но Карабас успел понять, что Тораборский Король владеет силами, превосходящими способности психократов. Разум великого старца был твёрд как гранит, холоден как лёд и замкнут, как мир. Бар Раббасу показалось, что он пойман, зажат меж зеркал,

⁵ Молон лабе – греч. *μολὼν λαβέ* – «приди и возьми». Ответ спартанского царя Леонида на требование персидского посла сложить оружие. Засим последовала эпическая битва при Фермопилах. Тораборский Король иронически переосмысляет классику – в его устах это не гордый отказ, а настоятельное требование.

повторяющих облик друг друга в бесконечном ряду отражений – в тесной, давящей вечности, чьи железные пальцы сомкнулись на висках.

- *Карабас даль ам'героль*, – других слов не стало.
- Хорошо, – давление в висках исчезло. – Ещё что-то?
- Да. Инструкции на случай неудачи.
- Никаких инструкций. Случай неудачи нас не интересует.

Пролог на небе

28 сентября 312 года от Х.

Воздушное пространство бывшей Южной Европы.

Поздний вечер.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля.

Личное дело 5.01714.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 2 июня 271 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 41 год

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 41 год

ОСНОВА: сервал

МОДЕЛЬ: Электрический Кот, четвёртая модификация

ПОЛ: мужчина (в н/в)

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: гайзер (дальновидящий) 1-й категории, два лазера с тесла-накачкой (520 нм)

НЕДОСТАТКИ: анабаптист

ПРАВОВОЙ СТАТУС: подданный Его Величества

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Базилио Супермарио Кроссоверо

ПОЗЫВНОЙ: Баз

Недалеко – где-то в паре километров – бушевала гроза. Тучи смотрелись огромными кусками серой ваты, прошитыми паутиной разрядов. Сеть молний пульсировала величественно и беззвучно.

– Штаники сыми, дусик, – предложил Арлекин, прижимаясь к Пьеро сзади и глядя его бёдра. Пьеро не отреагировал – он вспоминал строки Лотреамона о витринах магазинов на улице Вивьен. И в который раз силился понять, что такое «витрина».

Равнодушный ко всему Кенни в потёртой парке с капюшоном – он её никогда не снимал – сидел на корточках в углу и подрёмывал. От него пованивало несвежим тряпьем, высохшим потом и застарелым унынием. Пьеро ощущал его ауру – тусклую, сдувшуюся, какую-то даже слежавшуюся, как давно не расправлявшееся бельё – как продолжение его запаха.

«Не жилец», – почему-то подумал он и внезапно ощутил холодный ток вверх по позвоночнику. Дар проснулся, Дар пробудился – впервые за последние полгода. О, эти шесть месяцев, заполненные мучительным смятием чувств и айс-дефолтами с их долгой адреналиновой тоской! О!

Пьеро смотрел на Кенни и видел – чем-то вроде седалища души, – почерневший капюшон в траве. В нём, как ядрышко в скорлупке, белел череп. Левую глазницу пронзал ствол борщевика, туго налитой дурным соком, прущий вверх, в небеса – слепые, неблагодарные.

В небе что-то замкнуло – да так, что всё осветлилось мерцающим судорожно сиянием. Треснуло огромной коленчатой молнией. Пьеро слышался отдалённый грохот крошащегося воздуха. Он прижался к иллюминатору, расплющив бледное, порочное лицо о суровый пластик.

Почему обожествлялась молния? – подумалось Пьеро. – Почему молния – бог? Потому что в ней сила. *Бог силён.*

– Бог силён, Мальвина, – пролепетал он, как бы не замечая руки Арлекина, шарящей у него в панталонах.

Задремавший было Карабас недовольно пошевелился в кресле. Разбудившая его мысль Пьеро показалась ему неглубокой, а приставания маленького педрилки – пошленькими. Он сосредоточился и мысленно ущипнул Арлекина за простату.

– С-скобейда! – прошипел Арлекин, от неожиданной боли сложившись пополам, как перочинный ножик.

Карабас с усилием выдернул своё сознание из чужого. Сконцентрировался на себе. Немного посидел с закрытыми глазами, давая вернуться естественному зрению. Осторожно поднял тяжёлые, набрякшие веки. Стены каюты, качнувшись, встали на место. Тёмно-красная обивка зло сверкнула мелким золотым узором. Потом включился звук – в туалетной кабине капала вода из подтекающего крана, гудели двигатели, наверху что-то потрескивало и шуршало: гондола дирижабля слегка шевелилась в мягкой подвеске. Откуда-то доносилась музыка: Мальвина завела патефон. Карабас прислушался – и услышал заветное песнопенье Круга Ночных Снайперов «Кошка хочет курить».

Раввин улыбнулся. Потянулся к сигаре, медленно засыпающей в пепельнице, сунул её в рот. Сигара проснулась, ожила. Сладкий дым протёк сквозь скрученные листья, протянулся во рту, оставляя привкус мела и засохшей молочной пенки, и закрутился наконец в носоглотке. Бар Раббас немного подержал дым во рту, потом, улыбнувшись, послал это ощущение Арлекину – в качестве своего рода насмешливого извинения за вмешательство в личную жизнь.

Он вновь отложил сигару и кинул взгляд на настенный экран, куда выводились показания с приборной доски дирижабля. Последнее успешное тесла-зацепление с индукторами Оковы имело место три часа назад, аккумуляторы полны на восемьдесят два процента. Импеллеры давали устойчивую тягу в половину штатной и скорость около ста двадцати. Оба баллона были в порядке, температура подъёмной смеси во всех отсеках соответствовала стандарту высоты, дифферент выдерживался, продольный прогиб оболочки не выходил за пределы нормы. Альтиметр стоял на шести километрах.

Единственным неприятным моментом была утечка газа из верхнего клапана – тот подтравливал. Если бы не гроза, можно было бы снизить скорость и отправить пару бэтменов на починку. Но здесь, наверху, бэтменов выпускать было нельзя, даже если сбросить скорость: они замёрзли и свалились бы вниз через полминуты. И в любом случае не хотелось слышать ехидных мыслей Мальвины по поводу его, Карабаса, управленческих способностей. Почему-то именно такие мысли в синекудрой голове читались ясно и отчётливо.

Кто-то осторожно поскрёбся в дверь каюты. Карабас нахмурился, потянулся мыслью к чужому сознанию, ощущал его. Базилио. Старина Баз. И опять его что-то тревожит, что-то спать-почивать не даёт.

– Заходи, раз пришёл, – вздохнул раввин.

Дверь отъехала в сторону, и ночной гость осторожно протиснулся внутрь.

Карабас в который раз подумал, что кот сильно сдал за последнее время. Шерсть на лице посеклась, уши обвисли, морда спала и как-то вдавилась в себя – так что очки, раньше сидевшие как влитые, заметно просели на переносице. Базу нужен ребилдинг, подумал раввин. Но кота трудно уговорить на это. Базилио, со своими гайзерскими имплантами, очень не любил что-то менять в привычном, *пристрелянном* теле.

– Утро доброе, – кот сделал характерно-неловкое движение. – Присесть у тебя можно где?

– Справа откидной стульчик, – сориентировал кота бар Раббас. – Осторожней с когтями: тут обивка.

– Да помню, помню я, – кот осторожно протянул лапу, опустил сидуху и с облегчением уселся, закинув хвост на колени. – Извини, я оптику не выставил. Для меня сейчас тут всё такое... прозрачное.

– Не люблю металл, – согласился раввин. – Сигару будешь?

– Ты много куришь, – осуждающе сказал Баз. – Видел бы ты свои лёгкие.

– И как они? – заинтересовался Карабас. – Пора чиниться?

Базилио потёр лапой нос, поправил очки.

– Пока ничего страшного, – признал он, – но очажки какие-то нехорошие есть. Точнее сказать не могу, сегодня плохое небо, рентгенов маловато. Ладно, давай свою сигару, – внезапно решился кот. – Только не поняшью. Они с кошачьей мятой. У меня от этой дряни крышу сносит.

– Обычная кохиба, без травы, – успокоил его раввин. – Кстати, мы оба нарушаем нормы безопасности.

– Мне можно, – кот судорожно зевнул, блеснули зубы. – Сто лет не дымил.

– Пожар мне тут не устрой, пожалуйста, – попросил Карабас, двигая к нему хьюмидор.

Кот молча запустил лапу в ящик, нащупал сигару и, осторожно держа её за середину, быстрым движением приподнял очки. Тёмные ямы на месте глаз сверкнули зелёным. Один луч срезал кончик сигары, второй – подпалил её с другого конца. Базилио откинулся, прижавшись к тёплой, чуть вибрирующей стене, и с видимым наслаждением втянул в себя ароматный дым.

– Хорошо сидим, – сказал он. – Сколько до высадки?

– При спокойном небе часа за четыре дошли бы, – Карабас посмотрел на экран, на котором вычерчивался курс. – А так не знаю. Сам видишь, гроза.

– Высадимся, а потом? – Баз выпустил длинную и тяжёлую, как грабовая палка, струю дыма.

– Нас встретят, – Карабас поставил голосом точку, обозначив для подчинённого границу компетенции.

– Поня-ятно, – протянул кот. – Кстати, мы над опасным районом. Там внизу древние немецкие базы. У них, между прочим, остались ракеты. И радары. И охранная автоматика.

– Брось. Там всё законсервировано. И включить всю эту машинерию некому.

– У нас бэтмен упал, – сказал кот.

– Не первый, – вздохнул бар Раббас, – у нас на прошлой неделе тоже бэтмен упал. Ну давай попробую, поищу, может, живой... – он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

– Да всё уже, он полчаса назад упал, – торопливо перебил кот. – Я думал, ты знаешь.

– Мне других дел нет, за всякой джигурдой смотреть... Ладно. Это всё too old, как говорят педведы. Ты же не покурить сюда пришёл, так ведь?

– Ну если ты так ставишь вопрос, – кот потёр лапой нос, который смешно расплющился от резкого движения. – Мне кажется, у нас нехорошо. Я чую какую-то гадость, понимаешь? Чую и всё тут.

Карабас оставил в покое хьюмидор и чуть подался вперёд. Базилио был перестраховщиком, как все персы. Однако чуйка на проблемы у него и в самом деле имелась. И срабатывала обычно к месту.

– Я регулярно прочёсываю все головы, в том числе и твою, – напомнил он коту. – Плохое есть, но ничего криминального. Команда как команда, бывало и хуже. Слаженность, конечно, отвратительная. Нет психокинетика...

– Зато есть два мужеложца, – не сдержался кот.

– А тебе не кажется, что твои воззрения на этот вопрос устарели? Лет на тысячу? – поинтересовался Карабас.

– Хоть на пять тысяч, – с гордостью заявил кот, пуша хвост. – Ибо Господь сказал: не ложись с мужчиной, как с женщиной, ибо мерзость сие. Книга Левит, глава восемнадцатая, стих двадцать второй.

– Я, конечно, уважаю твои религиозные убеждения, особенно в той их части, в которой они совпадают с Моисеевой истиной, – голос раввина потёк мёдом, – а всё-таки: как же ты увлёкся той жужелицей? Ну помнишь, с розовым хоботком?

– Она была женщиной! – зашипел кот, шерсть грозно вздыбилась. – Я что, извращенец?!

– Да? А вот мне вспоминается кое-что другое... – Карабас прищурился.

– Это был яйцеклад! Она всё объяснила! Это был яйцеклад! – кот едва не перешёл на крик.

– Может быть и так. Кто их знает, этих насекомых. Хотя вообще-то та штука больше всего напоминала... нечто иное, – бар Раббас уже откровенно забавлялся.

– Это был яйцеклад, – Базилио мрачно насупился и замолчал.

– Это что-то меняет в том, что ты облажал девятинедельную операцию ради какого-то паршивого минета? – забил последний гвоздь Карабас.

Кот издал низкий рычащий звук, показывая, что категорически протестует против развития темы.

Стало тихо. Снова показалась музыка. На этот раз из Мальвинино закутка доносилось песнопение о Голубом Небе и Золотом Городе.

– Ну, допустим, ты прав, – наконец нарушил молчание Базилио. – Это был не яйцеклад. И Пьеро с Арлекином – не главная наша проблема. Хотя Пьеро злоупотребляет айсом, и это очень заметно... Меня беспокоит другая пара, вполне себе гетеросексуальная.

– Мальвина с Артемоном?

– Именно. Мне очень не нравится, что эта баба заняшила нашего первого пилота.

– Ну прямо вот так заняшила... Я шерстил Артёмку. Обычные собачьи страсти, ничего интересного, – поморщился Карабас. – Ну да, она его на себя посадила в сексуальном плане. И сама, кажется, подседа, насколько я могу в этом разобраться. Но управлять им она не может. Ни как женщина, ни как психократ. Артёмка, конечно, тот ещё кобель и не всегда думает головой. Но всё-таки он не бабочка. И не мышка-норушка.

– Тоже непонятно, почему она вдруг с ним так склеилась, – не отставал кот. – Она же садистка, а у нас тут этот... Пьеро. Идеальная, в каком-то смысле, пара.

– Пьеро она и так мучает, – заметил бар Раббас, – как раз тем, что спит с Артемоном. Потом приходит к этому пиздострадалыцу и...

– Не надо подробностей, – чистоплотный кот фыркнул.

– Вот-вот, – констатировал раввин, всё-таки решившись угоститься ещё одной сигарой и протягивая огромную руку к хьюмидору. – Ты просто предвзят.

– Ну, допустим, секс. Но она же явно пытается его подчинить. Зачем?

– Она помешана на контроле, – Карабас развёл руки. – Ты же знаешь, она психократ, но у неё проблемы с разумными. На её месте я бы тоже, наверное, пытался, – признал он.

– Это всё догадки, – кот упрямо боднул головой воздух. – Вот чую: она что-то замышляет.

Музыка сменилась: Мальвина врубила на полную громкость песнопение Тату «Нас не догонят».

– Ну извини, – развёл руками Карабас, – тут я бессилен. Как психократ я могу её контролировать... подожди мне сигару, пожалуйста... спасибо. Как телепат – увы. Не то чтобы у неё был чёрный ящик на плечах, но... У неё странный способ мышления. Не знаю, как тебе объяснить... представь себе часы, набитые песком. Шестерёнки крутятся и перемалывают песок в пыль. От которой я чихаю... – он и в самом деле ощутил свербёж в носу, однако почти сразу отпустило.

– Что бы у неё там ни крутилось, – настаивал кот, – мотивы у неё наверняка самые простые. Давай честно: в Стране Дураков у неё могут быть неплохие перспективы. Если она сможет вертеть электоратом так же, как птичками и бабочками, у неё есть все шансы закрепиться в авторитетах.

– А что, у тебя, что ли, нет таких шансов? – язвительно осведомился бар Раббас. – Или у меня? Мы ж не бежим сломя голову к эсдекам, дудолить электорат?

– Мы – другое дело. Ты предан Его Величеству, а мне нравится моя работа. Кроме того, у тебя всё есть, а мне много не надо. Но Мальве нужен весь мир, а предана она только себе... Ты не пробовал поговорить с Кенни? Он эмпат. Может, он что-то увидит.

– Эмпаты говорят «нащупает», – поправил раввин. – И что он может нащупать? Ауру Мальвины на каком-нибудь предмете. Что это нам даст? Ничего.

– И что нам делать? – спросил кот. – Ждать у моря погоды?

Карабас хотел было развести руками, но не успел. Что-то глухо стукнуло в носовой части гондолы – как будто два молотка разом ударили по корпусу.

Кот вскочил, прижав уши, и уставился в пространство, перебирая диапазоны.

– Так, – сказал он очень спокойно. – Похоже, пиропатроны. Отстрел пилотской кабины. Где Артемон?

Карабас выронил изо рта сигару, лицо его обессмыслилось.

– Не чувствую его, – удивлённо сказал он, возвращаясь в своё тело. – Он или в обмороке, или я не знаю что...

– Они уходят! – закричал кот и сорвал с носа очки. Глазницы замерцали зеленью.

– Нет! – заорал во всю глотку Карабас. – База! Внизу база!

– Я их вижу, – зашипел кот, – я их вижу, кабина падает, пошёл парашют... Я их достану! Отсюда дострелю! Пусти! – последние слова кот прохрипел, пытаясь повернуть внезапно онемевшую шею.

– База! Ракеты! – ещё громче заорал Карабас, ослабляя ментальный захват. – Посмотри, что там происходит!

Кот встряхнулся, упал на пол, очки полетели в сторону.

– Там что-то движется, – наконец сказал он. – Они включили автоматику! Но как? Как?

– Уходим, быстро, – Карабас скрючился над столом, тыкая толстыми пальцами в виртуальные клавиши и пытаясь войти в режим дублирующего компункта. Наконец ему это удалось – как раз когда в низком грозовом облаке разорвалась первая ракета.

Серая туча как будто загорелась изнутри невозможным ярко-малиновым светом, на фоне которого даже молнии померкли.

– Бог силё-о-он... О, о, о, Бог силё-о-н, – застонал обдолбанный Пьеро, цепляясь за трясущуюся стену гондолы.

Карабас, упревая толстые пальцы в виртуальные клавиши, сосредоточенно сбрасывал вниз электромагнитные фантомы, разгоняя импеллеры и собирая мысленными приказами экипаж в верхней части гондолы – всё одновременно. В последний момент он поймал сознания нескольких бэтменов и отправил их за спецгрузом.

Бэтмены как раз добрались до сейфа и увидели, что он вскрыт – когда очередная ракета наконец пробила оболочку пузыря.

И там взорвалась, в клочья разнося переборки.

Глава 1, в которой некий юноша томится, мучимый позывами плоти, однако не унывает

28 сентября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Б.

Верхние вольеры, клетка 56.

Утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 635787

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА ВЫПУСКА: 30 августа 312 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 1 год

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 15 биолет

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС AРIF: 2610

ОСНОВА: бамбук

ПОЛ: мужской

ПРАВОВОЙ СТАТУС: заготовка

ПРИМЕНЕНИЕ: 1. начальное развитие; 2. биологическое сырьё

ЛИЧНОЕ ИМЯ: –

КЛИЧКА: бамбук

Хочешь жить – умей вертеться. Не пропустить утренний тихий мурк просыпающейся Виньки-Пуньки: у неё середина цикла. По утрам ей хоцца траханьки, всё равно с кем, даже с бамбуком. Хотя потом у неё там всё болеть будет, ну да не наша это забота. Зато Винька внутри мягкая, горячая, это тебе не шкурка с абразивом. Ну и самое главное – идут баллы за соцприспособленность. Как говорит Сизый Нос: «Если девочка даёт – не совсем ты идиёт».

Очень правильно говорит Джузеппе. Взять ту же Виньку-Пуньку – заготовка, низкоконкурентная, а поди ж ты у неё допросись, ежели её цикла не знать. Зато мы знаем! Мы наблюдательные! Умненькие-благоразумненькие! И всё у нас будет просто збс.

Потом первое кормление, самое важное: все полезные добавки – витамины, гормоны, минералку всякую – утром дают. Вечером бюджет уже так себе: только комбикорм и маргарин.

Значит, жрать. Основная здесь проблема – Чип и Гаечка. Они хитрые и работают в паре: он дерётся у кормушки, пока она хрючит и в защёку заначивает. Потом он у неё изо рта ест, прямо со слюнями вычавкивает... Хорошо устроился, слюнечки у Гаи вкуснющие.

А драться с Чипом себе дороже. Он бурундук, зато прошит лещиной и хлореллой с грибом заполирован. Хоть и мясной, а твёрдый шо стенка. У нас, правда, в арматуре дубовый кап, даёт вес и прочность. Но с тушлом молотиться всё равно безмазово: бойцовые характеристики у нас тютельница в тютельской одинаковые. К тому же у него зубы лучше наших, тяпнет за палец – пальцу деф. Хотя есть один способ – догрестись до Гаечки. Кинуть в неё что-нибудь, ущипнуть под хвостиком или как-нибудь обидеть. Гая заплачет, Чип к ней – то есть, значит, от кормушки отгребёт. Тут-то нам и жохнуть лишний брикет. Остальные тоже, конечно, суетятся и лезут, да где уж им: нас с Чипом таких бойцов в вольере всего двое, с нами конкурировать без толку, молотки получишь с обеих сторон. И хули, что я доширак, а он тушня. Мы тут власть и нии-пёт! И пусть не плакают, всё по-честному. Во-первых, у нас метаболизм такой, горячий. Во-вторых, не хочешь драться – скажи Джузеппе, чтобы давали жрать отдельно. Ну не получишь ты баллов за активку и соображалку, зато брюхо набьёшь без проблем. Ах тебе баллы нужны? Дерись за еду. Жизнь – она такая.

Дальше – туалет утренний. Тут тоже свои хитрости. Со спины волокна лучше снимать скобой. С живота тоже. С рук – только мачете. Самое сложное – лицо: лоб и щёки – скоба, вокруг глаз – абразивная шкурка, шея – мачете. Главное – чтоб без зарубона. Зарубка на верхнем слое снижает качество покрытия на порядок, это мы выучили. Плавными, плавными движениями стружечку снимать, особенно с шеи. По волокнам, по волокнам. Ровнёсенько так.

Нос пускай у нас растёт. Заточить малость и всё. Это вообще наша фишечка любимая – нос. Бамбуки и прочие дошираки, если на них чё проращивается, обычно режут нахрен. А вот мы своим умишком дотумкали, что длинный нос лучше короткого, особенно в рукопашке. Кончик носа – это же почти чистый бамбук, прочность выше стали, получается этакая пика вроде рога, как у цилиня. Очень полезная штука в ближнем бою. Точить лучше не шкуркой, а бруском с алмазом, у нас есть махонький кусочек, скрысили в лаборатории... Могут, конечно, и обломать, больно ужасно, да и опасно, так можно и хрящи из черепа вывернуть. А вот против таких приёмов надо делать страховочный разрезик сантиметрах примерно в трёх от корешка – так, чтобы при сильном боковом ударе бамбук ломался. Как хвост у ящерицы, типа. Ну подумаешь, пара сосудиков лопнет, да и чёрт бы с ними. Всё равно, конечно, искры из глаз летят, даже при нашем-то болевом пороге. Но – работает, проверено.

Вот Чип себе нос срезает. Пробовал вроде бы отпустить, так эта его водоросль захлорофиллилась, зелёные сопля пошли... Хотя ладно, его проблемы.

В принципе, Чип неплохой парень. Ну а что за еду дерёмся – так это нам же на пользу, больше баллов на двоих получим. Вообще, бамбуки к соперникам относятся нормально, без говнистости. Это у нас гены такие, хорошие у нас гены. Не такие, конечно, как у псовых или кунных, у которых сплошной коллективизм и все друг у дружки под хвостом лизут. Но уж не как гиены и кактусы. У тех просто скобейда какая-то с этим, друг друга ненавидят, если дерутся – в ключья рвут. Надо бы из их генов вычистить эту дрянь, а никак не получается. Кошкам вот солидарность привили, а у этих – никак. Джузеппе говорит, что там стяжка какая-то, которая не просчитывается. Жаль, конечно, а то можно было бы подумать насчёт колючек себе любимому. В случае ребилдинга. Впрочем, это когда ещё на нас свалится – ребилдинг. Тогда, небось, будут другие перспективы, почище...

Так-так-так, а вот в паху надо поаккуратнее. Мошонка-то ладно – чем твёрже, тем лучше, прошёлся разочек сверху и хорош. Всё равно эти железы нам сейчас в хрен не впились. Да и размером они с абрикосовую косточку. Припухлости какие-то, а не семенники. И очень даже збс, что так, а то всякая сволочь целится ударить именно сюда. А вот яюшки, джигурда позорная: ты ударишь – я бля выживу, вот я ударю – ты бля выживи... С елдаком сложнее. Сначала надо забиться в угол, чтобы тот же Чип не подкрался и не ударил под локоть: парень-то он, может, и неплохой, а может и с плохой стороны себя показать, это уж как по ситуации сложится. В общем, лучше не подставляться... Потом надо возбудиться. Типа, представить себе Виньку, или Гаечку, или какую-нибудь киску приятную. Ну, чтоб колышек встал, как лист перед травой. Вялый чистить нельзя: только напортишь, а то ещё и порежешься до мяса. А вот когда встанет – по стволу осторожно ножичком, а потом шкуркой. Со шкуркой не перебарщивать, особенно у самого кончика: сначала кажется приятно, забирает даже, а потом такая боль накрывает – полдня будешь скрюченный ходить, мало не покажется. Плюс баллы за соцприспособленность снимут, как за рукоблудие. И правильно за это дело снимают. Как говорит Сизый Нос: «Если баба не даёт – значит, полный идиёт». А идиётам баллы не положены.

С задней дыркой тоже надо поаккуратнее: там есть такое место, где бамбук переходит в слизистую, вот на этом самом колечке скапливается кал и всякая грязь, а от этого деревяшка подгнивает и чешется. Хочется воткнуть туда мачете и провернуть пару раз, чтобы стружку снять и без проблем. Ага, как же. Однажды так и сделал – потом полдня кровищей дрисстал. Хорошо, что проверяющие не заметили, не то быть бы нам в большущем минусе за дурь. Нееет,

попку надо нежненько. Шкурочкой протирать, а особо критические места – ноготками, ноготками выскрёбывать до стерильности.

Ноготки у нас замечательские, тут генетикам спасидочки. За базовую ткань поставили кошачий коготь, прослоили родным бамбуком и модифицированным моржовым зубом. Получается самозатачивающийся композит с нарастающей режущей кромкой. Штука что надо. Вот если бы ещё на ногах их сделать покороче – они, бывает, по полу стучат и царапают, а нам за это идут минусы. Хотя вроде бы через пару лет, когда у нас очередь на плановый ребилдинг подойдёт, обещали переделать. Ну-ну, посмотрим. Слишком короткие на ногах тоже нафиг не нужны.

Ну вот сделаем все дела и отдыхать. Поспать даже можно, пока не придёт Джузеппе. Который Сизый Нос.

Вообще-то его так звать не рекомендуется, хотя носяра у него и вправду сизый. И голый к тому же. При последнем ребилдинге напутали что-то с клеточным материалом. Ну, страховку ему, конечно, выплатили, предлагали переделку, да он не идиёт, отказался. Во-первых, каждый лишний ребилдинг чёнтё да насрёт в гены, без этого не бывает. А во-вторых, медвежки и прочие мохнатенькие от его сизого хрюкала просто млеют, только успевай огуливать. Вот хотя бы та же Винька-Пунька: как Сизый Нос в вольере – так сразу ластится. Дескать, я вся твоя, возьми меня. Даже если после нашего колышка вся внутри развороченная – всё равно, лезет и лезет к доктору растопыркой-мякоткой. Ну, Виньку ему-то не особо надо: раза два всего попользовался, из вежливости. Да и правильно, вокруг него такие самочки пасутся, это ж яюшки! Особенно лисочка, она с ним часто ходит, рыжая такая красотулька. Вот штучка, такую раскрутить на порево – это ж баллов-то сколько выйдет! Наверное, как за месяц с Винькой-Пунькой. Или даже с Гаечкой. Она ничего, Гаечка, просто уж очень дружит с Чипом, все баллы за свою писечку мохнатую для него придерживает. Когда была надбавка за длительную моногамию, так вообще никому не давала в принципе. Сейчас-то надбавку отменили, так что иногда с ней можно. Она и внутри лучше к бамбукам приспособлена, чем Винька. Как сожмёт этими своими вагинальными мышцами – не вытащишь. Иногда, конечно, приятно бывает, а всё-таки оно как-то... Нет, если уж честно – мяконьких мы любим, мяконьких. Когда нас прошлым летом перевозили, вот уж свезло так свезло: попал на сутки в вольер к лисам. Яюшки! Сто тридцать баллов за социприспособленность нагулял. И ведь что характерно: Винька-Пунька после нашей деревяшки отлёживается, а то и кровит у неё там. А лисонькам хоть бы хны. Хотя с виду у них под хвостом всё такое нежненькое, слизистая розовенькая, влажная... а как до дела дойдёт – дери её десятеро, и ничё так, без всяких проблем, ей по кайфу. Любой размер берёт, даже конский принимает. Если сильно натрёт или много напускают – вылизется аккуратненько, и всё, снова девочка, как ничего и не было. Чип говорил, это только у лис так устроено. Затем их и проектировали – как полевых сестричек. Обслуживать войска во фронтовых условиях.

А правда: зачем ещё лисы, кроме как пороться и раны зализывать? Ну, допустим, нюх. Нюх у них офигительный, что да то да. Ну бошки у них хорошо варят – интуиция там, ассоциативка опять же. Но ничего такого сверх того. Бойцы средненькие. Спецнавыки – ниже плинтуса. С гаджетами почти несовместимы. Ну такой вот у них особенный тип нервной системы: кибриды из них никакие. Хотя кибры сейчас вообще не особо, особенно в поле. Говорят, когда дураки первый раз эту свою пушку электромагнитную применили, так весь Центр был полудохлыми железкиными под завязку забит. Киборгами и кибридами. Этим совсем плохо было: у них-то электроника на клеточном уровне впаяна, это ж ребилдить надо целиком, причём быстро, яюшки что за ужас такой... Ну кого-то перебрали, конечно – у кого заслуги перед отечеством или просто польза от него есть. А кого-то вниз отправили, на препараты. Ну что ж, от этого никто не застрахован. С какой-то точки зрения – лучше вниз, чем к дуракам в руки. Дураки сразу не убивают, обязательно маналулу устраивают, скобейды стыдные...

Эх, ладно, не будем о грустном, нам ещё педикюр делать. Да и на пяткахросло – мачете не берёт. Распарить, может, сначала? Стопа должна быть гибкой, если ходишь в обуви. Мы все в обуви ходим, нам так доктор Джузеппе велел.

Доктор Джузеппе – большой авторитет. От него зависит, кого вниз отправят, кого на общее развитие, а кого на индивидуальное. Бамбуков Джузеппе не очень котирует: и за доширачистость, и что мы не его разработка. Он любит мясо, особенно мохнатеньких, вроде Виньки-Пуньки. Хотя вот тоже: вроде не любит лапшу вроде меня, а если тяжёлое таскать или ещё чего – это, пожалуйста, к нам. И всегда потом нальёт. Вот с этим у него всё хорошо: и спиртяшечку разведёт, и коньячок, если хорошо поработаешь, из сейфа достанет. Сам-то не пьёт. Раньше, говорят, закладывал, а теперь вещества предпочитает. Только про это тсс, молчок. Мы-то знаем, нам Чип рассказывал. Он же доктору и вмазывает. В такое место, куда никто не догадается. Ну а как Сизый вмажется, глазки у него сытые делаются, и ничего ему не хочется, даже пороться.

А Виньке-Пуньке всё равно ничего не светит – она и говорит-то с трудом, да и вообще неперспективная. Вниз её, может, не отправят, но на индивидуальное не возьмут точно. Сам Джузеппе первый и не подпишет индивидуальное. В таких делах не жохают. Говорят, в третьем блоке какой-то большой начальник подписал индивидуальное своей дефолтной разработке – так в вольере бунт был. Ну позорника вызвали на комиссию, отобрали права человека и отправили служить на приграничье, защищать родную Директорию от эсдеков. А лучше бы – вниз его, на препараты. Хотя нет: истрачено на него, небось, бабла дофигища. Не-а, граница – самая тютелька.

Вообще, если так подумать, в мире всё устроено правильно и каждый получает примерно то, чего по жизни заслуживает. Не в деталях, конечно, а по среднему оно как-то проканывает. Такие дела.

Что-то Сизый Нос тормозит. Пора б ему нарисоваться, что ли. Сделать замеры, начислить баллы, почесать за ушком Гаечку... Ну и выписать пропуска в учебку. Сегодня, кажется, у нас три занятия плюс спортзал. Интересно, кого сегодня поставят в спарринг? Мы давно просили какую-нибудь кобылку. У нас недоработка по большим массам, а лошадь – это вес. Лошадку завалить – это, блин, престижно. Ну да, шансов немного: скорее всего, она просто весом сомнёт. Зато если не сомнёт – это же целый мешок баллов получается! Хотя бы выстоять пять раундов – это уже что-то. А если победа? Мы тут недавно кое-что придумали специально для лошадиной шеи. Это будет крутяк... Интересно будет с правом победителя, ни разу лошадь не имел. Вот наоборот случалось: с конём, чуть не помер, и ещё трещина на полспины, еле срастили... А лошадка – интересно. Хотя у неё там сзади, наверное, такие трубы, что лучше минетиком обойтись. Или нет – вон тот же Чип про кобылок рассказывал такое-сякое-этакое...

О-ё, да чёй-то мы сегодня такие озабоченные, просто жуть? Вроде и с Винькой попоролись, а всё равно – все мысли на это дело соскакивают. Может, раз уж Джузеппе задерживается, ещё раз подкатить к девочке? Нет, нельзя, два раза подряд она не выдержит. Тогда кто? Гаечка? Только не при Чипе... А за рукоблудие баллы скинут. В общем, кругом дефолт и обломинго бегают кругами.

Так что лучше отвлечься на что-нибудь осмысленное. Только не на чтение. Вот этого мы не любим. Если честно, терпеть не можем. Ещё бы, с нашими-то ассоциативными полями – нам лучше картиночки, с озвучкой, чтоб как в жизни. А корявки буквенные разбирать – не-а. По этому пункту у нас всегда была, есть и будет полная скобейда и жаба с хуем. И ничего не поделаешь: так уж нас слепили. Мы не обижаемся... ну почти. Ежели вдруг на индивидуальное вырулим да деньги заведутся – первым делом достроим себе в голове это проваленное место.

Ну нет, не первым делом. Ну вторым. Или третьим. Или даже никаким. Потому что если будут деньги – зачем читать? Есть на свете много удовольствий, вот, к примеру, та же Гаечка: хоть и не такая мягонькая, как лиса, а зато как мышцами прихватит, так сразу и...

Яюшки мои, ну вот опять это лезет!
Да где же, наконец, Сизый Нос?!

Глава 2, в которой совершается, а равно и открывается нечто неприглядное

Тот же день.

Институт Трансгенных Исследований, корпус В. 4-й надземный этаж, личный кабинет доктора Карло Коллоди.

Время утреннего кормления.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 34674

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

РОЖДЕНИЕ: 19 мая 264 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 48 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 50 биолет

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 5103

ОСНОВА: медведь бурый

ПОЛ: мужской

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человекообразный, ветеран

ПРИМЕНЕНИЕ: трансгенные операции, исполнитель II класса

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Джузеппе

КЛИЧКА: Сизый Нос

Голос у Карло нехороший, противный, думалось Джузеппе. Рожа – тоже не айс. Причесон как у белохвостого колобуса и усищи чуть не до пупа. Это у него такой выпендрёж: настолько хомоподобный геном сейчас редко встречается, вот и выёживается. Ничего особенного в них не было, в этих Номо Sapiens Sapiens. Голая обезьяна, каламбур эволюции. Ну ладно эсдеки с их статусными заморочками насчёт хомосапости. Но здесь-то перед кем форсит старый мартыхай?

Хотя – Джузеппе вдруг стало слегка неловко – что это он вдруг? Старик Коллоди, прежде чем осесть на тихой работе, ходил в поле, прошёл ногами чуть не всю Страну Дураков, сиживал за столом с ихними авторитетами. Так что ему прямо-таки необходимо выглядеть нулёвкой по всем позициям. Ну по мясу у него, конечно, единичка или двоечка у него есть, иначе бы он бы тут не бегал. Заполировали какой-нибудь мартышкой и все дела. Ну и железа, конечно, в нём достаточно, иначе как бы он работал с секвенсором? Руками, что ли, он вектора лепит? Это вряд ли.

А вот в нём, в Джузеппе, феррума официально на три балла. На самом деле, конечно, уже больше, но статус ему давно не пересматривали. И не надо. Откровенно жохать в этом вопросе себе дороже, хотя и все карты открывать тоже глупо. У него, у Джузеппе, своя голова на плечах, он сам решит, что ему лучше. Хотя кое с чем он поспешил. Надеялся на полноправие, а застрял в человекообразных.

– Коллега, – сказал Карло, – я собираюсь подписать приказ о переводе курируемого вами выводка на общее развитие. Мне очень жаль. Не вас. Материал.

Джузеппе замер. Такого удара он не ожидал.

– Ык... как? – выдавил из себя он.

– Каком кверху, коллега. Я давно хотел сказать, но всё чего-то ждал... Зря ждал. Последние тесты не оставляют сомнений. Вы провалились. Ваши мишки и собачки оказались унылым говном. Генетическим мусором, – последние слова доктор произнёс с таким выражением лица, как будто ему предложили содержимое сливной камеры биореактора в качестве десерта. – Помните, как вы здесь, в этом же кабинете, требовали от меня самый лучший материал? Вы его получили. Что вы с ним сделали? Своим идиотским методом вы испортили десяток вполне

приличных заготовок. Которые теперь, скорее всего, пойдут на общее, а потом в прислугу. Или на границу. Не считая тех, кто отправится вниз.

– Давайте попозже поговорим. Я опаздываю в вольер на кормёжку, – сказал Джузеппе, отчаянно пытаясь выиграть немножко времени. Если сейчас обратиться через голову Карло... рискованно, да, но можно попробовать. Пока приказ не подписан, ещё не поздно...

Карло покачал головой.

– Нет. Сначала покончим с этим. Надеюсь, ваши питомцы не перегрызут друг друга за это время?

– Замеры...

– Коллега, не морочьте мне голову! Вы хотите прямо сейчас побежать к телефону и наобедничать на меня своим дружкам в администрации. Я вас где-то даже понимаю. Однако не сочувствую. Так бездарно перевести на клетки гору хорошего мяса...

– Хорошо, – Сизый Нос ощерился. – Мой метод не сработал, доктор Карло Коллоди. Вы это хотели слышать? Вы это услышали. А теперь снимайте с меня баллы, лишайте прав человека, делайте что хотите...

– Не беспокойтесь, сниму, – Карло прищурился. – Не за провал программы, а за истерику. Умейте проигрывать, Джузеппе.

Джузеппе внезапно захотелось убить доктора Карло Коллоди. Убить по-медвежачьи: сжать лапами хлипкое хомосеящее тельце и взять челюстями за лицо. Приятно жевать лицо. Приятнее только внутренности выедать. Потроха сладкие, пока живые. Кишочки кисленькие. Желудок – это уж кто чем постоловался перед смертью... Да всё, всё там такое вкусное, пока живое, дёргающееся... Зарыться мордой в рану, вытягивать потрошки зубами, выкусывать... рррвяу...

– Всех на общее развитие? – сказал он вместо этого. – Послушайте, доктор, это уже слишком. У меня есть несколько образцов, которых я собирался брать к себе на индивидуальное. Например, эта парочка. Медвежка с крысой и бурундук. Очень высокая кооперация. Практически готовая пара.

– Да, я смотрел отчёты. Чип и Гаечка, если я правильно помню прозвища. Ничего интересного, обычная сексуальная привязанность со стороны самки. И самец, которому нужны баллы и еда. Реальный уровень координации очень низкий. Они даже не могут отстоять монополию на первое кормление. Кто это там всё время отнимает у них еду?

– Не всё время, – Джузеппе постарался быть вежливым. – Один деф из контрольной группы. Бамбук.

– Ага, контрольная группа. То есть вы, по крайней мере, не испортили материал. Вообще, интересное существо. Что-то такое у него было с носом?

– Длинный нос. Он им пользуется как стилетом. Идиотская идея. Хороший боковой удар – и у него вывернутся хрящи из черепа. Я ему говорил, но он только хихикает. Ну что вы хотите, у него PQ шестьдесят четыре.

– Очень интересно... А что, он ни разу не получал хороших боковых ударов? Он у вас что, в учебку не ходит?

– Ходит, конечно. А что?

– То, за что я сниму с вас баллы за сообразительность. Когда я просматривал документы шестьдесят третьей серии, я обратил внимание на этот нос. А потом посмотрел список обращений в больничку. Ничего серьёзного. Ушибы, растяжения, несколько раз – пробой кожного покрова. И ничего насчёт лица. Вообще ничего.

– Да? А я вот помню, этот красавчик пару месяцев назад ходил с обломанным носом. Повезло парню.

– Дочь твою мать, какой же всё-таки кретин. Вы когда-нибудь пробовали ломать бамбук? Вы хоть знаете, что такое армированный бамбук, Джузеппе? Вы можете хоть раз подумать своими тупыми, засратыми медвежьими мозгами...

Джузеппе зарычал и бросился на Карло, раскрыв зубастую пасть.

Через пять минут кривящийся от боли Джузеппе зализывал длинным языком кровавые пятна на полу. Карло Коллоди, бледный, но спокойный, стоял у зеркала и проклеивал органическим клеем содранную кожу, следя, чтобы в швы не попадали волосы.

– Я всегда думал, – подал голос Джузеппе, – что от мошонки надо избавляться. Семенники можно располагать в полости, под костью, и охлаждать каким-нибудь устройством.

– Мы об этом тоже думали, – Карло, осторожно отодвигая липкие от крови пряди, приводел в порядок обгрызенный затылок, – в таком варианте возникают проблемы с теплоотводом. А постоянный перегрев в области крестца – это ещё хуже... Надеюсь, мне удалось оторвать ваши тестикулы? Хотелось бы надеяться.

– Нет, – Джузеппе постарался скрыть удовлетворение, – хотя ушиб, конечно, сильный. У вас хорошая реакция, доктор Коллоди.

– Ну, с реакцией у меня всегда было нормально. А вот увёртливость – не выше троечки. Кстати, – заявил доктор, управившись с последним швом, – я намерен воспользоваться правом победителя. Когда долижете кровь – снимите штаны и примите коленно-локтевое положение.

– Да, конечно, – залебезил Джузеппе, – только мне хотелось бы сначала... я бы отошёл на минутку в туалет. У меня там... не очень чисто.

– Нет, сейчас, – Карло зло прищурился, – именно сейчас. Мне хочется посмотреть, обильно ль вы обосрались, дорогой коллега.

Униженный Сизый Нос, кряхтя, снял штаны и принял надлежащую позу. Коллоди подошёл сзади и, не стесняясь, обнюхал шерсть вокруг плотно сжатого заднего прохода дорогого коллеги. Хотя предательский жёлтый потёк и без того говорил сам за себя.

– Вздриснул, – заключил Карло. – Медвежья болезнь, да? Беда с вами, с мохнорылыми. Никак не вычистим это из ваших генов. Хотя... я, откровенно говоря, ожидал худшего. Вы умеете управлять своим сфинктером. Ну хоть *что-то* вы умеете.

– Если бы я обделался по-настоящему, тут было бы не продохнуть, – попытался огрызнуться Джузеппе, понимая, впрочем, что звучит это жалко и постыдно. – Если вы намерены пользоваться правом, разрешите мне всё-таки сначала выйти в туалет, – капитулировал он. – У меня там внутри кое-что лишнее.

– Ладно уж, одевайтесь. Меня не интересует ваша прямая кишка в качестве сексуального объекта, и я не хочу вас опускать. Если честно, я хотел посмотреть на состояние ваших паховых вен. Что ж, примерно этого я и ожидал. Ваше поведение уже давно меня беспокоит, а уж сегодняшняя сцена... Кто вам, интересно, делает уколы? Кто-то из ваших кукол? Найду – отправлю вниз, на препараты... На чём вы сидите, Джузеппе? Опиаты? Псевдоэндофины? Или всё-таки айс?

Медведь молчал, изо всех сил удерживаясь от того, чтобы не обделаться уже по-настоящему.

– В общем, так. О вас давно ходят слухи, что вы подсели на вещества, но я не придавал этому значения. Так вот – если я услышу... хотя бы услышу, Сизый, что вы продолжаете баловаться наркотиками, я потребую расследования и анализов. И если в ваших тканях найдут что-нибудь запрещённое... В лучшем случае вы отделаетесь потерей прав. В худшем – дефолт и на общее.

Джузеппе понуро поворотил сизую морду в сторону.

– Ладно уж. Вернёмся к прерванной дискуссии, – как ни в чём не бывало продолжал доктор. – Так вот, армированный бамбук не ломается. Эта ваша заготовка делает страховочный надрез на носу. Парень неглуп и сообразителен, а вы это проглядели, потому что он у вас был в

контрольной группе. Типичная для вас ошибка. Пожалуй, я беру его к себе на индивидуальное развитие. Попробую что-нибудь сделать из этого материала. Идите, что ли. Компетентность у вас теперь девятка. Надо было бы снять два балла, но... Но не хочу. Вы довольно толковый специалист, Джузеппе. Хотя нет, всё-таки бестолковый. Однако остальные ещё хуже. Чесгря, я вообще не знаю, на кого теперь можно положиться.

Джузеппе постарался подавить в себе злобу: он понимал, что старик обошёлся с ним куда мягче, чем он того заслуживал. Тем не менее потеря балла была неприятной, поскольку лишала его некоторых привилегий. Перспектива расследования была ещё хуже: Карло по такому поводу был вполне способен поднять гевалт.

Он попробовал утешить себя той мыслью, что у доктора с его скверным характером тоже бывают неприятности с начальством. В сущности говоря, не так уж и прочно сидит господин Карло Коллоди в своём кресле. Если бы он не был таким отменным оператором секвенсора... И если вдруг...

Чёрт возьми! Надо, наконец, решиться. Это дорого ему обойдётся, но он закроет проблему со стариком. Раз и навсегда. Правда, это означает пойти на преступление – ну или оплатить преступление, что одно и то же. Так или иначе, терпеть над собой доктора Карло Коллоди больше нельзя. Хотя, конечно, страшновато...

Под хвостом опять стало тепло и мокро. Сизый Нос мысленно пообещал себе больше не выёживаться и всегда носить обычные медвежьи прокладки.

Доктор демонстративно понюхал воздух.

– Нельзя гадить в штаны, – заметил он поучающим тоном. – Срать в штаны запрещено.

Глава 3, в которой уже знакомая нам компания попадает в затруднительное положение и лишается верного спутника

29 сентября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Около полудня.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Справка-ориентировка. Полоса размежевания («нейтралка») между доменом Шерстяных и Вондерлендом. Ширина – от полукилометра до полутора. Постоянно живущих разумных ($IQ > 70$) существ нет. Несмотря на относительную близость Зоны, тесла-мутанты практически не встречаются, из-за кратковременности и непостоянства тесла-зацеплений.

Сохранились отдельные строения дохомокостной эпохи. Ближайшее крупное сооружение: немецкая военная база Graublauichtung («Сизая Поляна»). Законсервирована; все попытки проникновения извне безуспешны.

Ближайшие населённые пункты: укрепление Гиен-Аул (шерстяные), мини-сити Кавай (Вондерленд). К посещению не рекомендованы.

Карабас бар Раббас лежал на неправдоподобно зелёной, глянцеви́то сияющей траве. Все травинки были ровненькими, совершенно одинаковыми, с плоскими, будто подстриженными, кончиками. Он задумался над этим и решил, что они и в самом деле стрижены – никакая генная модификация не могла бы так выластить газон по ранжиру. Слишком многое тут должно было играть за разнomaстность, начиная с разной освещённости.

Присмотревшись, раввин заметил муравья-листореза, сидящего на кончике листа. Муравей был мёртв – или, если угодно, дохл. Бар Раббас немного подумал, можно ли так сказать по-русски, и решил, что по-русски можно сказать всё и по-всякому.

Он перевёл взгляд чуть дальше – туда, где газон прорезала лента ручья. Вода текла лениво, нехотя огибая мелкие камни. На другой стороне ручья газона уже не было – там дрожали под солнцем неровные листья обычного дикого разнотравья, с неровными белыми пятнами зонтиков-соцветий, теребимыми случайными ветерками. Цикады самозабвенно пилили какой-то огромный бюджет, им подсвистывали и подхрустывали мелкие насекомые.

Дальше были развалины то ли домика, то ли маленькой церквушки. Рядом с ними стояла стройная как свечечка белая башенка – ровная, без единого пятнышка, с гранёной верхушкой, увенчанной чёрным навершием. На нём хорошо смотрелся бы ворон или бэтмен. Однако шпиль был пуст.

Карабас и раньше видел такие постройки. Их строили в последние полвека перед Хомокостом, из непонятных материалов, очень похожих на камень или кирпич, но неразрушающихся. На них почему-то никогда не садились птицы.

Зелёное море рассекала длинная, сужающаяся тень от покосившейся мачты древнего ветряка. С обломка лопасти свисал свинцово-серый кусок оболочки дирижабля с буквами «LED». Дальше было оторвано – если оно вообще было.

Правее располагались какие-то неживописные, потерявшие всякие очертания руины, а за ними виднелись невысокие холмы, поросшие тёмным сердитым лесом. Поверх него – лениво, вразвалочку, как бы цепляясь за неровную стену сосен – плыло огромное облако.

– Пиздец, – сказал Карабас, ни к кому не обращаясь.

– Что-то вроде того, – согласился Базилио, сидящий рядом на расстеленном плаще. Удобно поджав под себя тонкие сухие ноги, он задумчиво ковырялся травинкой в передних кlyках.

– Или ты имеешь в виду что-то конкретное? – уточнил кот на всякий случай.

– Кенни пиздец, – пояснил раввин. – Они сейчас его нашли. То есть Пьеро нашёл. Теперь вспоминает, что вроде бы что-то такое предвидел.

– Дорога ложка к обеду, – вздохнул кот. – Итак, наши дальнейшие планы, герр Шварцкопф?

– Уж лучше – синьор Тестанера или как-то так... пфффф, – Карабас перевернулся на живот и надвинул на лоб раввинский капелюш, спасаясь от припекающего солнышка. – Так что мы имеем?

– Эта скобейда со своим псом нас чуть не кокнула, – сообщил несвежую новость Базилио.

– Со своим псом? Не думаю, что Артемон предал. Предательские мысли прорастают исподволь. На это нужно время. Я бы заметил. Нет, его не спрашивали. Мальвина всё сделала сама.

– Дёрнула за какой-нибудь рычаг? – уточнил кот.

– Уже не помню, рычаг там или кнопка, – признался Карабас. – Вряд ли что-то сложное. В общем, выбрала она свободу – за себя и за Артёмку. Меня интересует другое – как она смогла раскочегарить базу. Туда надо было проникнуть и добраться до пульта управления.

– Запилила всё бэтмену в бошку и отправила вниз, делов-то, – проворчал кот.

– Насколько я знаю эти штуки, там даже мышь не проскочит, – не согласился бар Раббас.

– Мышь не проскочит? А может, она-то и проскочила. Или крыса. Не основа, а настоящая крыса или мышь. *Anima vilis*⁶. Какое-нибудь мелкое животное с перепаянными мозгами. Пробралось к пультам и перегрызло какой-нибудь проводок. Или село на какую-нибудь клавишу. И оппаньки.

– И как ты себе это представляешь? Бэтмен падает с шести километров, держа в зубах мышку? Они оба сдохнут.

– А кто тебе сказал, что она активировала базу перед побегом? Это было бы глупо. Когда мы последний раз парковались?

– У озера Гарда. Никакая мышь оттуда не добежит.

– Кстати, а что нам там было нужно? – вдруг заинтересовался кот.

– Кое с кем переговорить, – Карабас дал Базилио ровно столько информации, сколько тот мог выжать сам из имеющихся данных. Тем более, что вспоминать о разговоре с Тортиллой ему было неприятно.

Послышались голоса – возвращались Пьеро и Арлекин. У Пьеро, судя по всему, начался очередной айс-дефолт.

– Лила, лила, лила, качала, – бормотал поэт, постепенно повышая голос. – Белей лилей, алее лала, была бела ты и ала, Мальва, Мальвина, о нет, в тебе нет ни капли алого, лилового нет, ты вся – поцелуй на морозе, вся белая на голубом. Но песню иную о дальней земле носил мой приятель с собою в седле. Он пел, озирая чужие края: Мальвина пропала, невеста моя! – последние слова он провыл уже в полный голос.

Раздался негромкий, отчётливый звук хлопка одной ладонью: Арлекин отвесил Пьеро смачную плюху. Через пару мгновений звук повторился в другой тональности – автор плюхи решил подкрепить достигнутый эффект подзатыльником.

– Завали ебало, вафел, – завершил он воспитательные действия.

Кот оглянулся на звук, приподнял очки, настраивая дальнюю оптику.

– Они что-то несут, – сообщил он, – вот только не разберу что.

– Кенни, плитку и мой продуктовый мешок, – объяснил раввин. – Нам надо подкрепиться. Ты как насчёт этого?

– Пожалуй, да, – кот нервно зевнул. – А ты как?

⁶ «Низшая жизнь», примитивные существа (лат.).

– Дозволенное в пищу млекопитающее должно быть парнокопытным и жвачным, а ситуации пикуах нефеш я пока не усматриваю, – принялся объяснять раввин. – Вообще вопрос очень интересный и спорный. «Книга ангела Рафаэля» абсолютно запрещает употребление подобного мяса в пищу даже в ситуации пикуах нефеш, хотя Рамбам в «Маахалот Асурот» пишет...

Кот демонстративно поджал уши.

– Ладно, хватит прохлаждаться, – прервался Карабас. – Набери сушняка, а я пойду поищу какой-нибудь камень на могилу. К останкам надо отнестись уважительно.

Раввин вернулся минут через сорок. Пыхтя и отдуваясь, он тащил на спине могильную плиту.

Маленький отряд к тому времени уже сидел у небольшого костерка. Пьеро, скорчившись и закрыв лицо руками, тихо, беззвучно плакал – у него пошла терминальная стадия айс-дефолта. Арлекин возился с внутренностями, копаясь в кишках. Аккуратный кот поджаривал на прутике печёночку.

– Оскоромиться не желаешь? – осведомился он, протягивая раввину прутик с дымящимся кусочком мяса. – Свежатинку знаешь как хорошо?

– Знаю, – раввин осторожно присел, спуская с плеч груз. – Достань из мешка мои крекеры. И воду надо бы вскипятить.

– Не в чем, – вздохнул кот.

– Сбегай к гондоле, – сказал Карабас, глядя на суетящегося Арлекина. – Принеси что-нибудь, только быстро. Кстати, поищи мой хумидор.

– Шеф, ну дай пожрать-то! – возмутился Арлекин, торопливо набивая рот мясом и брызгая соком.

Карабас прищурился. Арлекин – явно против воли – вскочил, вытянулся, правая рука выронила мясо и угрожающе отошла в сторону, сжимаясь в кулак.

– Понял-понял, я ща, я мухой, – забормотал маленький педрилка.

– Кстати вариант, мухой-то! – сообразил кот. – У нас же вроде остался бэтмен? Ты же до него дотягиваешься? Вот пусть и слетает. Заодно и хумидор поищет.

– Он сейчас кормится, – нахмурился раввин, не любящий, когда его распоряжения оспаривают. – Хотя ладно, пусть летит. Сиди, – бросил он Арлекину, – жри.

– А ничего был этот Кенни, – заметил кот, обсасывая прутик после печёнки. – Язык мне поджарь, – обратился он к Арлекину. – Шварцкопф, у тебя в мешке специи?

– Горный перец, должен подойти, – раввин немного подумал. – Слушай, а ты не помнишь, кто был покойник по базе? Свиных генов в нём вроде бы не было... зайца тоже непохоже чтоб было... ничего особенно некошерного не припоминаю...

Арлекин сообразил, что голодный гигант может присоединиться к трапезе, и заработал челюстями с удвоенной силой.

– Напсибыпытреть, – отчётливо, по буквам, выговорил Пьеро. – Нап-си-бы-пыт-реть.

– Чо? – заинтересовался Арлекин, смачно чавкая. – Может, в очо? – решил уточнить он, ответа не дождавшись. – Эт-то мы запросто...

– Напсибыпытреть, – повторил поэт. – Это слово я придумаю завтра. Чтобы все поминать того самого, кто во всём виноват. Напси быпытреть. Пусть он и будет виноват во всём. Ты же, Мальвина, любимая, чиста, ты ни в чём не повинна: так склеились звёзды... – он внезапно выбросил вперёд руку с тонкими длинными пальцами, схватил комок полусырого мяса и, обливаясь слезами, запихнул его себе в рот.

– Смотри-ка ты, оживает, на хавчик пробило, – заметил кот. – Кстати, где мой жареный язык?

– Дык, это... головы нет, – признал Арлекин. – Оторвало взрывом. Не повезло парню. Даже не могу понять, как ему так не повезло. Мы отделались синяками, а он вот так.

– Затем и брали, – Карабас, отбросив колебания, решительно потянулся за очередным прутиком. – Потому и отделались.

– Талисман? – понял кот. – Не знал. Ты не говорил, что у нас есть талисман.

– Так погребали они конеборого Гектора тело, – ляпнул какую-то глупость Пьеро, прожёвывая кусок Кенни.

– Талисман – это чего? – задал куда более осмысленный вопрос Арлекин.

– Это того, – снизошёл до объяснений раввин. – Редкий Дар. Как у обломинго, только наоборот. Стягивает плохие вероятности с других на себя. Такое как бы самопожертвование. Русские гены. Карта генетическая утеряна. Их почти не осталось.

– То есть наш секретный козырь мы истратили в самом начале, – констатировал кот. – Жаль. Я руки помою. Там, кажется, вода? – он повернул голову в сторону ручья.

– Да, там. Я тоже схожу. Приберите за собой и сделайте приличную могилу, похороним объедки, – распорядился Карабас.

Ручей оказался очень мелким и довольно мутным. Кот тем не менее тщательно умыл лицо, расчесал когтями слипшуюся под подбородком шерстку и потом снова умылся.

Карабас присел рядом, показывая, что намерен продолжить разговор, но сам начинать не хочет. Базилио понял.

– Что будем делать дальше? Вернёмся к гондоле? – спросил он.

– Нет. Нужно оставаться здесь. Займём, например, ту башенку. Если сможем открыть дверь. Если не сможем – заночуем в развалинах. К гондоле лучше не возвращаться. Всё равно ничего ценного там нет. Кроме моих сигарок разве что. А вот шерстяные там очень скоро обьявятся. Это их территория, а они нервные.

– Шерстяные – плохо. А что им помешает досюда прогуляться? – осведомился кот.

– Тут у нас есть шансы, – принялся объяснять Карабас. – Смотри, какой расклад. Мы упали на шерстяных, буквально на самый краешек. Тут мы в междоменной зоне. Вон там, – он показал на холмы, – начинается Вондерленд. Раньше его держал Великий Ёпрст Апостасий, а теперь там всё запоняшено. Шерстяные поняш стремятся, зазря на них не лезут. А поняши, хоть они скобейды те ещё, всё-таки понятия признают. В отличие от шерстяных. Они нас пропустят.

Базилио вздохнул.

– Шварц, ну мы же оба не вчера родились и Страну Дураков знаем. Не верь авторитетам, не надейся на авторитетов, не проси у авторитетов. И никогда не говори за понятия, если ты сам не авторитет. Для электората понятий нет, а мы для местных – именно электорат, что бы мы сами о себе ни думали. Лучше подумай о том, сколько нахнахов ты можешь застроить в случае чего. И можешь ли ты застроить хотя бы одну поняшу. Особенно если учесть, что ты, так сказать, самец. Посмотрит она на тебя своими глазками – и всё, пиши пропал.

– Нам всё равно нужен проход до Директории, – напомнил Карабас. – Через шерстяных мы не пойдём. Я не хочу встречаться с Тарзаном и его обезьянами. Подобное общение контрпродуктивно, если ты понимаешь, о чём я. А Царь Зверей нами обязательно заинтересуется. Однако не настолько, чтобы лезть в Вондерленд.

– И как это мы пройдем через поняш? Не говоря уже о том, что нам нужно что-то есть, на чём-то передвигаться и где-то отсыпаться. Всё это требует денег. А наше золото прихватила с собой Мальвина. У тебя что-нибудь осталось?

– Пять соверенов, – вздохнул Карабас, – в кармане завалились. Это на крайний случай. А вообще – ситуация неприятная, но решаемая. Мы будем давать представления. Эмпатетический театр. Пьеро с Арлекином – готовая пара. Наберём ещё местных для усиления эффекта.

– Это то, о чём я подумал? Мерзость какая, – Базилио встопорщил усы. – Никак нельзя без этого?

– Предложи другой вариант, – развёл руками Карабас. – Не забудь, это поняши. Девочки любят слэш.

– Я и говорю: мерзость, – зашипел кот. – Надеюсь, я в этом не участвую?

– Нет. У тебя другое задание. Ты должен выйти на нашего несостоявшегося проводника. К сожалению, он живёт в неприятном месте, но ты там пройдёшь. Тут недалеко.

– Если это недалеко, ты называешь место неприятным и это не шерстяные – остаётся Зона, – кот поёжился. – Я прав?

– К Монолиту я тебя не посылаю, и сталкерских подвигов на Поле Чудес от тебя никто не ждёт, – усмехнулся Карабас. – Просто встретишь одного легендарного персонажа. Который согласился с нами сотрудничать. Болотный Доктор.

– Пиявочник? – кот впал в задумчивость. – Это который тебя из болота вытащил?

– Он самый. Достал меня из самой трясины. В которой я пролежал очень долго. С момента падения Монолита, собственно.

– Всё хотел спросить. А как он тебя нашёл? – поинтересовался кот.

– Случайно, – ответил Карабас. – Тащил оттуда бегемота, ну и случайно зацепил меня. Сначала принял за мумию, потом разобрался. Я где-то год провёл у него в яме с пиявками. Отличное было время.

– И он настолько крут, как о нём говорят? – спросил кот.

– У него сложный характер, но он самый крутой парень по эту сторону Альп. Вы друг другу понравитесь.

– Если я раньше не попаду в какую-нибудь «жарку» или «мясорубку», – проворчал Базилио.

– Ты гайзер, Баз. Ты единственный из нас, кто может видеть тесла-эффекты.

– Некоторые, быть может, – проворчал кот. – Но вообще... в Зону... одному... без единого отмычки...

– Кенни мы истратили, – напомнил Карабас. – Кстати, пошли уже, закончим с ним. Остальное обсудим ночью, когда эти друзья, гм... заснут.

– Вместе, – не удержался кот. Раввин промолчал.

Когда Карабас и Базилио вернулись, объедки Кенни лежали в неглубокой ямке, деликатно прикрытые оранжевой паркой.

– Они убили Кенни, – вздохнул кот, почёсывая когтем под очками. – Сволочи.

– А был ли покойный нравственным человеком? – глупо пошутил Арлекин. Карабас с интересом посмотрел ему в голову и убедился, что классическую цитату занесло туда случайно: Арле в молодости жил с каким-то долбодятлом, вдолбившим ему в голову несколько фразочек.

Раввин поднял плиту. Огромные руки напряглись, рукава сюртука собрались в гармошку.

– Кенни умер за нас и отдал нам свою плоть и кровь. Спаси... – он ухватил тяжёлую плиту поудобнее, – спасидо.

Единственный уцелевший бэтмен с писком пронёсся над ямкой и уронил туда струйку жидкого помёта. Глупое существо тоже чувствовало смерть и по-своему пыталось соболезовать.

Карабас со вздохом уронил плиту на ямку, поправил, потом встал на неё сверху. Мягкая земля просела под тяжестью огромного тела. Раввин прошелся сапогами по краям.

– Могила покрыта, – сказал он. – Ну теперь, наверное, всё. Я бы мог ещё прочесть цидука-дин, но кто это оценит?

– Не я, – решительно заявил Базилио. – Заупокойные молитвы не имеют смысла, так как душа уже получает то, что приуготовала себе своими земными трудами.

– Кенни был единственным, кто меня понимал, – сообщил Пьеро, уставив остановившийся взгляд куда-то в небо.

Арлекин открыл рот, явно собираясь сказать очередную гадость, но Карабас скосил глаза – и рот маленького педрилки судорожно сжался в куриную гузку.

Пьеро встал, подошёл к плите, обнял её мягкими руками. Уткнулся лицом в старый камень, на котором ещё виднелись остатки надписи. Прочесть надпись целиком поэт не смог: шредеры-буквояды погрызли почти все буквы, заменив их, как обычно, на аккуратные пустые квадратики. Осталось только одно слово и хвостик другого – «ПОСТОРОННИМ В». Пьеро попробовал подумать, кто бы это мог быть. Но вместо этого просто поцеловал камень и зашёлся-забился в рыданиях – обильных и сладких, как всегда, когда айс отпускает.

Когда он кончил и поднял голову, то увидел удаляющуюся чёрную спину Карабаса, уверенным шагом идущего к башенке. В очертаниях его фигуры чудилось что-то величественное, судьбоносное что-то.

У Пьеро в спине сладко кольнуло. И тут же растаяло, как ледяная иголочка.

Глава 4, в которой наш юноша обретает жизненную перспективу, а также получает имя

Тот же день, несколько раньше.

Институт Трансгенных Исследований, корпус В.

1-й надземный этаж, смотровая.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 15808

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: естественное

ДАТА РОЖДЕНИЯ: неизвестна

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 100 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 60 биолет

ПОЛ: мужской

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 1205

ОСНОВА: шимпанзе

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человек

ПРИМЕНЕНИЕ: трансгенные операции, наладка и обслуживание
клеточного секвенсора Sherman/KA-5003

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Карло Коллоди

КЛИЧКА: Карло

Доктор Карло Коллоди скептически рассматривал стоящую перед ним заготовку.

С виду – типичный бамбук. Неподвижное зеленоватое лицо со следами мачете. Узенькие глазки-щёлочки. Вроде бы на них плёнка? А, нет, это эпикантус, третье веко. Тогда всем бамбукам зачем-то ставили, концепция у них была такая... Пресловутый нос. Н-да, настоящая пика. Страхочного надреза почти не видно, но он есть... Не то чтобы урод. Но уж точно не красавец. Скорее всего, хороший боец. Наверняка – более сообразителен, чем от него ожидают. Сделан год назад. Биологический возраст пятнадцать лет. В человеческие времена это был бы ещё ребёнок. Или уже подросток? А без разницы.

Развитие мозга по базовой модели два, с модификацией пятнадцать... Вот же ёпть, скобейда ежовая, до чего мы мало всё-таки знаем об этих штуках. Самое мерзотное – мы не знаем даже, чего именно мы не знаем. Из дохомокостного наследия уцелела едва ли сотая часть. И то ещё как посмотреть – уцелела или нет. Например, вот он, Карло, умеет управлять шермановским клеточным секвенсором модели КА. Он даже умеет чинить секвенсор – хорошо хоть, это не часто надобится... Рано или поздно с шарманкой случится что-нибудь по-настоящему серьёзное – ну, скажем, сгорят настроечные платы, которые и так на ладан дышат. И все его, доктора, распрекрасные умения пойдут Джузеппе под хвост. Потому что второй такой машины в Директории нет, как её сделать – неизвестно. Может быть, в Директории освою такие технологии. Лет через пятьсот. Или вообще никогда. Что гораздо вероятнее.

Ладно, об этом мы подумаем завтра, решил доктор. Сейчас надо провести собеседование с этим поленом.

– Ну вот что, – Карло решил не церемониться, – ты, наверное, уже всё понял. Я беру тебя к себе на индивидуальное развитие. Это очень большая честь. Ты её ничем не заслужил. Вся твоя серия никуда не годится. Они пойдут на общее. Скорее всего, ты их больше никогда не увидишь.

– Жаль, – непритворно огорчился деревянный парень. Карло отметил про себя, что голос у него тоже деревянный: высокий и скрипучий, как несмазанная дверь.

Он попытался вспомнить, слышал ли он когда-либо скрип несмазанной двери. Кажется, да, в раннем детстве, когда на пустых территориях пытались наладить какую-то жизнь. Очень смутно проявились в памяти чьи-то мохнатые руки, подсаживавшие его на крутую деревянную лестницу. Потом – гостиная со скелетами в истлевших лохмотьях. Скелетов он не боялся: в каждом доме, где они останавливались, были такие скелеты, укутанные остатками одежды и пахнувшие чем-то сладким. Однажды маленькому Карло попался смешной маленький скелетик в совершенно целом серебристом костюме из какого-то неизвестного материала. Он хотел забрать костюм себе, но старшие отняли добычу, наградив его вдобавок парой затрещин. Впрочем, потом, повзрослев, он сам отобрал у молодого шимпанзёнка тот комби, который сейчас носит, и тоже расплатился с ним парой хороших тумачков. Круговорот несправедливости в природе.

Н-да, послевоенные времена... Найдя новый дом, старшие первым делом выкидывали скелеты, потом располагались в самой большой комнате и отправлялись на поиски еды. Обычно еда находилась: в больших домах тогда ещё работали криосистемы. Как-то раз они нашли целого мороженого поросёнка и зажарили его в саду. Ему тоже достался кусочек мяса с обрывком шкурки. Мясо было абсолютно безвкусным.

– А Гаечка тоже на общее пойдёт? Она ничего так, не глупая, – похоже, деревянный парень набрался смелости. Карло это даже понравилось.

– Гаечка пойдёт на препараты. Она больше ни на что не годится.

Бамбук огорчился: на зеленоватой коже встопорчилась недовольная складка.

– По закону, – продолжал как ни в чём не бывало Карло, – я должен объяснить тебе твоё положение и перспективы. Если они тебя устраивают, ты остаёшься со мной. Если нет – можешь вернуться в вольер. Правда, я что-то не помню случая, чтобы кто-то отказывался...

– Я не откажусь! – заверил деревянный парень, всячески стараясь быть убедительным. – Яюшки, я не откажусь!

– Ну-ну. Значит, так. Вашу серию вёл доктор Джузеппе. Он работал с вами с самого начала. У него была теория... довольно красивая, надо признать, теория, об аксонном обмене. Часть вашей серии была им модифицирована, остальные были в контрольной группе. Ты был в контрольной группе. Соответственно, тебе светило общее. Но, поскольку теория доктора Джузеппе оказалась неверной, на общее пойдут его изделия. Следовало бы отправить туда же всю серию, однако я в ней вижу ряд интересных решений. А я не люблю разбрасываться материалом. У тебя, кажется, есть способности к логическому мышлению. Вот, например, – он неожиданно схватил бамбука за нос и резко потянул.

– Ёоопть! – взвыл бамбук, но было поздно: раздался треск, и заострённый деревянный обломок оказался в руке доктора.

– Неплохо. Как ты догадался делать зарубку на носу?

– Ну а как? Иначе стукнут сбоку, и всё хозяйство из черепа нах, – удивился деревяшкин.

– Я не про это. Как вообще пришла тебе в голову такая идея?

Бамбук пожал блестящими отшкуренными плечами.

– А я почём знаю?

– Интересный вариант аутоагностицизма... Наши с тобой создатели вот тоже много чего напридумывали, не особенно интересуясь, откуда у них такие идеи и что из них последует. Кончилось всё это очень плохо. Во всяком случае для них. Теперь особей вида Homo Sapiens Sapiens нет. И не будет, прошу заметить.

– А я вот не понимаю! – заявил деревянный. – Геном-то ихний остался, так? У нас всех человеческих генов дофигища. Наделали бы людей. Чего с нами-то возиться?

– Если бы дело было в этом, – проворчал Карло. – Наша милая планетка заражена Ясным Перцем. То есть гипервирусом, заточенным специально под хомо. Высокоточное биологическое оружие. Генетически адекватный хомо не проживёт на свежем воздухе и суток. Я сам,

например – шимп третьего типа. И то – есть места, где мне лучше не появляться. Например, в зонах первичного заражения... Да ты меня не слушаешь, паршивец!

Деревяшкин явно не слушал. Глазёнки бегали по потолку, ноги болтались и притоптывали.

Ага, понятно, подумал Коллоди. Рассеянное внимание и неспособность сосредоточиться. Типично для всех боевых моделей этой конфигурации. Зато у них рефлекс хорошие. Вот их-то мы сейчас и проверим.

Карло огляделся в поисках подходящего предмета. Смотровая, как и все вольерные комнаты, была оформлена в спартанском стиле: железная койка, привинченная к полу (на ней-то и сидел бамбук), шкафчик из бронестекла с лекарствами и инструментами и один стул. В углу стояла тяжёлая деревянная палка.

Он схватил её и замахнулся.

Доширак, не думая, ударил. Палка вылетела у старика из рук.

– Вот и збс. Теперь ты будешь меня слушать?

– А чего вы не дерётесь? – с обидой сказал деревяшкин. – Хочу баллы за спарринг.

– Драться с бамбуком? Мне на сегодня хватило доктора Джузеппе. У него были реальные шансы меня заломать, всё-таки медвежья хватка... Так вот, в своё время в Институте приняли решение: развивать только те генотипы, которые адекватно защищены от любого известного нам биологического оружия. Именно от любого известного. Хотя не факт, что завтра дураки не раскупорят какой-нибудь старый склад. И не вытащат оттуда что-нибудь такое, что выкосит нас всех.

– Да, вот я ещё хочу спросить! – у бамбука возник новый вопрос, и он торопился его высказать, чтобы не забыть, – я вот чего не понимаю. Чего дураки на нас тянут? Чего им надо? Потому что глупые, что ли?

Карло Коллоди посмотрел на деревянного парнишку с интересом.

– Ну в большинстве своём они действительно неумны. Средний IQ – где-то пятьдесят. Но руководят ими очень умные существа. В общем, поэтому и тянут. А что нападают – это им не нравятся наши порядки.

– А у нас не так, что ли? – бамбук аж скрючился от умственного усилия. – Дураки идут на общее развитие, умные на индивидуальное, ну и всё такое. А самые умные всем заправляют. В чём разница-то?

На этот раз Карло сделал длинную паузу.

– Некоторые простые вещи очень трудно объяснить, – наконец сказал он. – Попробую так. У нас с дураками разные представления о том, как должно быть устроено общество. Мы в Директории хотим, чтобы все стали умными. Мы копаемся в генах, чтобы повысить коэффициент интеллекта, мы пытаемся выводить новые типы существ... ну и так далее. Дуракам всего этого не надо. Их вполне устраивает, что большинство – полные дебилы. Их интересует только одно – чтобы этими дебилами было легко управлять... Оп-ля!

Он снова взмахнул палкой. Деревяшкин, только что увлечённо разглядывавший трещины на потолке, моментально вскочил на койку, отбил удар ногой. Палка полетела прямо в лицо старика. Тот едва успел уклониться.

Бамбук сложился почти пополам, уселся на корточки и опять начал разглядывать потолок.

– У тебя ассоциативные поля размазанные? – шумно выдохнул Карло. – И, кажется, проблемы с долговременной памятью... Ну и с мотивацией. Похоже, я зря тебя взял...

Деревянный человечек сообразил, что дело поворачивается скверно.

– Я буду умненький! Благоразумненький! – он умильно вытаращил глазёнки. – Буду всё слушать... и понимать... – он не удержался и смачно зевнул, показав острые блестящие зубы.

– Ладно, посмотрим, сколько в тебе благоразумия. Я тебя беру. Пошёл вон отсюда. На выходе скажи, чтобы тебя провели в корпус для эволюционирующих. Запомни – я твой куратор. Доктор Карло Коллоди. Заруби это себе на носу... н-да, это ты уже сделал... Что-то ещё... Ах да, тебе же нужен пропуск, – он кинул деревяшке металлический жетон. – Предъявишь его крокодилу на входе, он тебя пропустит. Твоя комната – 16А.

Бамбук преданно таращил глаза, изо всех сил стараясь быть внимательным и ничего не упустить.

– Так, вроде всё. Гм-гм-гм. Чем-то я тебя собирался доперепрошить... А, Phaeophyceae. Водоросли.

– Йаечки! Не надо водоросли! – завопил деревяшкин. – Сопли зелёные!

– Не зелёные, а бурые, – поправил его доктор. – Зато это тебя хорошенько иммунизирует. К тому же они вырабатывают аминокислоты, которых у тебя в родных генах нет. В общем, прошьём-ка мы тебя бурой тиной... А кстати, так тебя и назовём. Какая кликуха у тебя в вольере?

Деревянный парень разочарованно мотнул башкой.

– Да просто бамбуком все кличут. Я там один бамбук, – пояснил он.

– Есть такой обычай – получать кличку при переходе на индивидуальное. У тебя есть какие-нибудь субъективные пожелания?

Доширак повертел головой: слово «субъективные» не пролезло в его маленькую голову, и он на всякий случай решил отказаться.

– Значит, будет бурая тина... вот и будешь Бурятина... хотя нет, не звучит, пошлятина какая-то. Короче надо. Бур... *Буратина*. Нормалёк. Надо бы отметить. Ты как насчёт этого дела? – Карло щёлкнул себя пальцем по шее.

Деревяшкин радостно осклабился и закивал, всем своим видом выражая готовность к пьянству и алкоголизму.

– А насчёт этого? – Карло щёлкнул по сгибу локтя.

Деревяшкин мотнул головой, уже понимая, что ему, похоже, не нальют, – и хорошо ещё, если не воткнут.

– Ну хоть что-то... Я уж думал, Сизый Нос мог и этим угостить. В общем так: один раз учую от тебя запах спирта, получишь пятьдесят ударов по пяткам. Второй раз – отправлю на общее. Понял?

Бамбук уныло кивнул, понимая, что его развели и подудолили.

– Иди, – махнул рукой Карло. – Вечером тебя заберут на ребилдинг, а пока устраивайся. Комнату запомнил? – Деревяшкин только захлопал глазами. – Шестнадцать-а, бревно. Усвоил? Теперь пошёл, пока ещё что-то помнишь. Быстро! – рывкнул он, видя, что бамбук как-то не вовремя задумался.

Деревянный человечек вскочил, рывком открыл дверь и скрылся за ней. В голове вспыхнула лампочка – надо было бы попрощаться. Однако ему нужно было удержать в той же самой голове, не расплескавши, много всего другого – про жетон, про крокодила на входе, про комнату 16А.

А также и про то, что его теперь зовут Буратина.

Глава 5, в которой все спят, кроме двух старых друзей, которые заняты важным разговором

30 сентября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Около трёх часов ночи.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Информацию, сообщаемую агенту, следует рассматривать как часть материального обеспечения. Как и с материальным обеспечением, здесь действует правило: у агента должно быть всё необходимое и ничего лишнего. Каждый лишний факт занимает место в памяти агента и мешает рациональному планированию его деятельности, подобно тому, как лишняя вещь в мешке увеличивает его тяжесть... Не следует сообщать агенту информацию, которую он неизбежно получит по ходу выполнения задания. Также не следует загромождать его память советами и рекомендациями, объективно полезными, но сковывающими инициативу и отвлекающими от основной цели.

Бибенгаф Н. Введение в планирование специальных операций. Лекционный курс / Пер. с немецк. под ред. полк. Барсукова. ООО «Хемуль», Дебет: Издательство Сенбернар, Зайненхунт и Ретривер, 294.

Верхняя комнатка в башне была крохотной и какой-то игрушечной. Очень гладкие белые стены, плавно огибающая периметр скамеечка. Ровный пол, изрисованный разноцветными линиями и многоугольниками. Сквозь прозрачную часть стены лился лунный свет. Он как бы обволакивал вещи, и они тонули в нём, оставляя лишь тени, длинные и ломкие.

Карабас с трудом уместил часть мясистого зада на узкой полоске скамьи и с завистью посмотрел на удобно примостившегося кота. В тревожном свете луны лицо Базилио казалось ещё старше, чем днём.

– Не нравится мне здесь, – сказал кот.

– Тут спокойно, – заметил Карабас.

– Спокойно. Но неуютно, – кот зевнул, жёсткие вибриссы выпятились, обрамляя тёмный зев пасти. – Ты заметил, что здесь нет пыли? И при этом воздух не спёртый, есть вентиляция. Не кажется тебе это странным?

– Многого мы ещё не знаем, – философски заметил Карабас. – Кстати, а как ты заметил насчёт пыли? Ты же обычно на других волнах?

– Пыль фонит в ультрафиолете, – объяснил кот. – А тут чисто. И эти стены... Знаешь, что там внутри?

– Арматура, наверное, – предположил Карабас.

– Ничего, – вздохнул кот. – Вообще ничего. Даже трещин. Как из одного куска отлито. И звук не отражается. Эха нет. Совсем. Как в подушку.

– Были когда-то у людей технологии, – согласился Карабас. – Ладно, давай по делу. Зада-ние и вводные. *Цабаль'царах. Дим Карабас ма'шерх.* И потом не говори, что не слышал.

– Слушаю и повинуюсь, – серьёзно сказал кот и наострил уши.

– Итак, – Карабас понял, что сидеть на такой узкой лавочке он не может, поэтому встал и заходил по комнатке – три шага туда, три обратно. – У тебя три задачи. Первая – дойти до Зоны. Вторая – найти Болотного Доктора. Третья – объяснить ситуацию и передать кое-что от меня. Дальше – ответить на его вопросы и уйти. Желательно – целым. И по возможности невредимым.

– Вот даже так? Понятно, – пробормотал кот. – А какова была первоначальная договорённость?

– Он обещал нас встретить на месте высадки. И дать проводника. Больше ничего он не обещал, – ответил Карабас.

– Подожди, я не понял, – кот развернулся, как пружина, и сел. – Дирижабль должен был сесть в Зоне? С такими кадрами на борту, как наш Пьероша? И кто же это придумал такой гениальный план?

– Я, – сказал Карабас. – Это был единственный шанс зайти в Директорию тихо. Теперь об этом можно благополучно забыть. Нас там ждут. Потому что первое, что сделала Мальвина – так это слила всю известную ей инфу в Директорию. Если она не дура. А она не дура. Так что теперь мы туда поедём официально, под музыку, с оркестром.

– А понимаю она, по-твоему, не слила? – поинтересовался кот. – Или шерстяным? Чтобы они нас тут прижбулили в своём неподражаемом стиле?

– Я думал об этом. Нет, вряд ли. Смотри сам. Они с Артёмкой сейчас удерживают военный объект... не знаю, как они туда залезли, но это неважно. Допустим, они там засели. Сильная позиция, если учесть, что она способна контролировать низшую жизнь в окрестностях. Её ближайшая цель – стать соборно признанным авторитетом, как ты сам говорил. Так ты говорил?

– Ну да, – признал Базилио. – И сейчас так думаю. Однако замочить нас для неё святое дело и вопрос выживания. Сама она этого не может. А вот местным настучать, что мы тораборские шпионы с хрен знает каким заданием – почему нет, собственно?

Карабас отвернулся от окна, заложил руки за спину.

– Ты погоди-погоди, – сказал он. – Итак: она стремится в авторитеты и законные владельцы базы. Только в её признании никто не заинтересован. Нахнахи сами точили зубы на базу, просто зубки коротки. Поняш база вряд ли интересуется, зато баланс сил...

– Это всё too old, как говорят педведы, – невежливо прервал его кот. – Так с чего она молчать-то будет?

– Ну сам рассуди, – нахмурился Карабас. – Если она расскажет всё как есть, то по понятиям получится, что она сбежала от своего авторитета, то есть меня. Тогда она просто беглая джигурда, и авторитетом её никто не признает. Или вообще никогда, или очень долго, пока она всех не построит. А ей нужно сейчас.

– Очень гипотетическая конструкция, – кот в задумчивости поскрёб когтями подбородок. – А если мы про неё сольём?

– Мы-то сольём обязательно, – ответил Карабас, – но это наше слово против её слова. То есть ей-то, конечно, предъявят...

– Ты опять берёшься говорить за понятия, – кот начал сердиться. – Это бессмысленное занятие. Если ты сам не авторитет, то по понятиям ты всегда неправ.

– Я говорю не за понятия, а за Мальвину, – Карабас снова повернулся к окну, его широкая спина заслонила свет.

– Мыслей которой ты, сам говорил, не понимаешь, – не промолчал кот.

– Хватит! – рявкнул Карабас. – Ты не дослушал вводные, – продолжил он чуть спокойнее. – Что ты знаешь о Зоне?

– Что и все, – кот тщательно выдержал нейтральный тон.

– Нет, ты подумай, – приказал раввин. – Ты именно подумай. А я посмотрю, что ты там надумаешь.

В комнатке повисла тишина, и сразу стало понятно, что она отсюда никуда и не уходила, что она тут хозяйка, а любые звуки – случайные гости, заглянувшие, чтобы её ненадолго развлечь.

– Ну, в общем, всё правильно, – нарушил молчание Карабас. – Хотя по некоторым вопросам вижу я в тебе какие-то сомнения. Давай уточнимся... – он снова затопал по комнате, не обращая внимания на то, как тишина съедает звук шагов. – Итак, Зона. Ожидает на-пря-жённо бес-про-свет-найаааа... – пропел он строчку из заветного песнопенья, отчаянно фальшивя. – Если смотреть сверху – что-то вроде овала, растянутого на рельефе по меридиану. На самом деле он растянут между магнитных полюсов, это для точности. А из-за складок местности получается не овал, а такая кривая клякса, – Карабас покрутил в воздухе пальцами, пытаясь изобразить что-то сложное. Тень руки пробежала по стене огромным пауком.

– Я примерно представляю, – вежливо сказал кот.

– Хорошо. Продолжаем. В северном фокусе Зоны лежит Монолит. Это упавшее на Землю звено Оковы, тесла-индуктор. На золотой шар, – Карабас покосился на Базилио и едва заметно усмехнулся, – он не похож, никакие желания не исполняет. Просто механизм, качающий энергию.

– Откуда? – неожиданно поинтересовался кот.

– Ну ты спросил, – Карабас развёл руками. – Откуда вообще Окова качает энергию?

– Я, например, не знаю, – сказал Базилио.

– Ответ, например, правильный, – закрыл тему раввин. – Так вот, Монолит упал, но из зацепления с остальными звеньями не вышел. То есть он как был часть Оковы, так и остался. Поэтому через него идёт ток, который некуда девать. Он сбрасывает его в пространство. Зона и есть пространство, на которое Монолит разряжается. Там полно тесла-эффектов, в основном электрических, бывают ещё магнитные и всякие другие. Когда Монолит переполняется, происходит всеобщее короткое замыкание, так называемый Выброс. Попадать под Выброс категорически не рекомендуется. Особенно киборгам и кибридам, а если в них какие-то тесла-устройства – тем более. Одно хорошо. Такая радость бывает раз в полгода или реже, а в последний раз это случилось два месяца назад. Так что гуляй смело... но ходи опасно. Да, учти ещё такой момент – твоя навигационная система в Зоне не работает. Наводки.

Кот сидел неподвижно, прикрыв глаза и наострив уши.

– Про мутантов ты что-то слышал, – продолжил Карабас. – Дай-ка я тебе в голову-то гляну... Ну да, всё так, тесла-зависимые существа, завязаны на энергию Монолита. Для тебя они особо не опасны, разве что обожрёшься. Упырей не бойся: обычные кровососы. Проблемы могут быть с мозгоклюями и прочими ментальными.

– А филифёнки там водятся? – вклинился Базилио.

– Этих мутанты сами повывели, – усмехнулся раввин. – Можно сказать, загеноцидили. Не любят их на Зоне, ох не любят.

– И правильно, – удовлетворённо сказал кот.

Карабас усмехнулся.

– Сусанины довольно неприятные... Мандалаек берегись, они такие... Из диких – опасайся слоупоков и белоленточных гнид. Хотя гниды повывелись, но всё равно... Про креаклов сам знаешь: как увидишь, бей первым. Кстати, они вкусные. Ну и с барабаками постарайся не встречаться. В смысле – с баскервилями, – тут бар Раббас помрачнел: видать, что-то вспомнил, и воспоминание его не порадовало. Кот это заметил.

– Про барабаку не слышал, – сказал он. – Это что за птица?

– Это не птица. Это оборотень-вампир. Собственной формы не имеет. И очень хорошо маскируется. Нападает сзади. Я некоторым образом первооткрыватель этой пакости. Губы у неё холодные, – раввин поёжился. – Потом полгода сидеть не мог, всё время чувствовал.

– Интересно, кто был автор, – задумчиво сказал Баз. – Только не говори, что вся эта изысканная джигурда от ветра завелась.

– Некоторые вещи не входят в круг наших понятий, – со значением произнёс раввин.

– А, ты в *этом* смысле, – сморщился кот. – Ну ладно. Как я иду и что делаю?

– Идёшь через нейтралку. Не попадись шерстяным, это главное. К поняшам тоже не суйся. В общем, бойся всех. Сколько ты протянешь на своих батарейках?

– Как обычно. Дней десять нормально могу пройти, с водой и минеральными. Да я по дороге кого-нибудь схарчу, не проблема. Кстати, за Монолит на Зоне зацепиться можно?

– Вот чего не знаю, – с сожалением признал Карабас. – Шерстяные вроде бы пытались, не выгорело. То есть наоборот – именно выгорело. Тебе это не грозит, у тебя же полицейская модель, ещё никто из ваших не сгорел на работе. Если зацепишься – будешь грозой Зоны. А нет – там всякие «жарки» и «электры» есть, от них запитаешься.

Карабас снова попытался пристроиться поудобнее. И снова не поместился.

– Какой-то я сегодня уставший. В общем, так. Мы выходим завтра с утра. Ты остаёшься. Спи сколько влезет и вообще ни в чём себе не отказывай. Вечером собираешься, ночью идёшь. Луна, конечно, не в тему, – он посмотрел в окно, – ну тут уж ничего не поделаешь. Идёшь на полседьмого, вдоль кабеля старого. То есть их там шесть в земле, глубина где-то метра три, не больше, увидишь? Извини, – раввин уловил эмоцию кота, – глупый вопрос... Иди вдоль кабеля, выйдешь к «Щцам». Это заведение считается нейтральной зоной. Там разживёшься стalkerскими примочками и вообще. Обязательно там побывай. Я говорю – обязательно.

– Может, лучше не светиться? – осведомился кот.

– Именно засветись. По полной, – мотнул головой раввин.

– Это ещё зачем... А-а-а. Харчевня – это чек-пойнт Болотника?

– Ну и словечки у тебя. По-людски сказать можешь?

– По-людски? М-м-м... давно не говорил... *гав'вавва зай... ха'н'шем' хумгат*, наверное.

– *Ко'шерх*, – оценил раввин. – Хотя насчёт *ха'н'шем'хумгат* – довольно спорно. Он не то чтобы начальник над болотом. Скорее, смотрящий, если я правильно понимаю его статус. Но не суть. А по сути, если не отметишься в «Щцах» – считай, зря шёл. Сам ты его не найдёшь никогда. Даже со своими возможностями.

– Понял. Сильно пошалить?

– Без особых безобразий. Главное – ничего не жги и не ломай. И не убивай, пожалуйста, кого попало.

– А как тогда? – не понял Базилио.

– В щадящем режиме, – Карабас пошевелил пальцами в воздухе, как бы вылепливая из него какую-то фигуру. – Ну там нагни кого-нибудь, отожми снарягу, *эбаль ба'ан*... Да, очень важно: ни в коем случае ни за что не плати. Уважухи не будет и вообще не принято.

– Я и не собирался, – оскорбился кот. – Хотя... за счёт чего тогда существует заведение?

– За счёт понтов, – туманно объяснил Карабас. – Потом переходишь границу и забуряешься километров на несколько. И просто гуляешь. Можешь подсобрать артефактов, но особо этим не увлекайся. Сроков не ставлю, от тебя тут ничего не зависит. Рано или поздно Доктор тебя найдёт, – раввин замолчал.

– И? – не выдержал кот.

– Подожди, не дёргай... В общем, так. Он любопытный и задаст тебе много вопросов. Ты честно ответишь на все, на которые знаешь ответ. Когда дело дойдёт до того, что мне от него нужно, скажи, что Карабас хочет получить от старой антисемитки заказанную работу и ему нужна помощь. Получить и передать. Лучше, если Доктор займётся этим сам. Если он скажет нет, напомни ему про тот случай в Альпах.

– Какой случай? – уточнил кот, уже понимая, что ответа не дожждётся.

– Неважно. Старая история. Видишь ли, у нас с Доктором за последние сто лет образовались, как бы это сказать... взаиморасчёты. Началось с того, что он вытащил меня из болота и починил. Потом я ему спас жизнь в одной ситуации. Потом он мне... неважно. Короче, за Альпы он ещё не расплатился. И теперь у него появился прекрасный шанс этот должок закрыть. Думаю, он его не упустит.

– А если всё-таки упустит? – поинтересовался кот.

– Исключено. Он не альтруист, но всегда выполняет обязательства и платит долги. Поэтому у него их мало. Но если вдруг заартачится – скажи четыре слова. *Нет уз святее товарищества.*

Кот посмотрел на Карабаса как-то странно.

– Да-да, вот именно так и скажи, русским языком, без людского, – раввин пару раз кивнул. – Теперь дальше. Ты ответишь на все вопросы Болотного. После чего он скажет, что тебе делать. Скорее всего, он захочет, чтобы ты ушёл. Может быть, даст провожатого, а может, и не даст. В любом случае – не пытайся остаться, не пытайся за ним следить, даже не думай. Доктор очень нервно относится к любым формам контроля. И принимает решения сам.

– Ну и? – спросил Базилио.

– Выходить будешь на Директорию. Твоя цель – Институт Трансгенных Исследований. Тебе нужно будет сконтактиться с нашей агентурой, зацепиться и... Подожди... – Карабас задумался. – Жука не надо, – решительно сказал он. – Да нет же, – он опять уловил недовольную мысль кота, – при чём тут эта жужелица с яйцекладом, я о ней даже не думал. Ну даже если у тебя есть склонность к транссексуальным насекомым...

– Я *очень* прошу, – произнёс кот таким голосом, что Карабас осёкся.

– Не прими в ущерб, полубрат, – примирительно сказал он. – Просто мы того жука совсем не знаем. И лучше, если первым на контакт выйду я. На это есть причины личного и религиозного характера. К тому же он слишком важен для нас. Ты выйдешь на другого агента. И вот сейчас говорю серьёзно. Давай на этот раз обойдёмся без этого твоего обычного залипания на всяких левых самках.

– Почему ты думаешь, что я вдруг?.. – кот осторожно пригладил встопорщенную от обиды шерсть.

– Потому что это лиса, – вздохнул раввин. – Ну ты понял, о чём я.

Впервые за весь разговор кот улыбнулся.

– Будем считать, – муркнул он в усы, – что это бонус.

Глава 6, в которой наш юноша существенно улучшается изнутри и снаружи

7 октября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус В.

2-й этаж, комната 226 (операционная).

День.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Входящие /000731297081

ДОКУМЕНТ: справка о проведённой операции (к/у)

ФОРМА ДОКУМЕНТА: стандартная

ТИП ОПЕРАЦИИ: ребилдинг (клеточная перестройка тела) по методу
Выбегалло-Преображенского

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ОПЕРАЦИЮ: л/н 15808 (доктор Карло
Коллоди) ПАЦИЕНТ: л/н 635787 (заготовка)

ЦЕЛЬ ОПЕРАЦИИ: индивидуальное развитие по стандартной
программе

ПРОВЕДЕНО: увеличение мышечной массы, укрепление суставных
сумок, совершенствование нервной системы, инставрация лобных долей мозга,
косметические процедуры

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ: автоклав Выбегалло модели
«С», клеточный секвенсор Sherman/КА-5003; стандартный хирургический
комплекс

ЗАМЕЧАНИЯ: нет

Ребилдинг – это не больно. Это щекотно.

Сама процедура состоит из нескольких этапов. Первый, он же самый долгий и неприятный – автоклав, он же самозапиральник Выбегалло, в котором обрабатываемому приходится провести от недели до месяца. Это скучное времяпрепровождение: тело с торчащими из всех мест трубками и шлангами висит в мутной жидкости, постепенно обрастая слоем своих и чужих клеток – снаружи и изнутри. Особенно неприятно это выглядит снаружи: в момент извлечения из автоклава пациент частенько напоминает бревно, долго гнившее в болоте.

То, что лежало на столе перед доктором Коллоди, было больше похоже на причудливую корягу. Буратина как-то очень уж сильно обмахровел снаружи: похоже, сосна в его коже проснулась и пошла в рост. Во всяком случае, нижняя часть тела была покрыта чем-то очень напоминающим настоящую древесную кору. Руки приросли к бокам, лицо превратилось в сплошную деревянную поверхность, из которой торчал только непомерно удлинившийся нос и чуть ниже – две дыхательные трубки: ноздри утонули в древесине.

Доктор взял скальпель и ловким движением вырезал Буратине дырочку в области уха. Хлынула струйка крови: похоже, там проклюнулся какой-то ненужный сосудик. Доктор поковырялся ещё немного, освобождая ушной проход. Наконец он добрался до затычки, предусмотрительно вставленной перед началом процедуры, и отковырнул её. Посветил внутрь лампочкой. Ушной канал казался воспалённым, но и только.

– Ну что, слышишь меня? Если да, пошевелись.

Коряга на столе чуть шелохнулась.

– Ага, слышишь. Что, надоело?

Коряга шевельнулась сильнее.

– Всё зудит и чешется? Помню, помню. Ничего, сейчас мы тебе лишнееотрежем, будет полегче. Учти, щекотно. Тебе интересно почему? А никто не знает. Болевые центры мы умеем отключать, а вот что делать с этой грёбаной щекоткой, непонятно. Какие-то нервные наводки, что ли... Ты уж не хихикай, когда я тебе рот сделаю. Очень меня раздражают эти хохотки. Сам такой, правда. Когда меня первый раз ребилдили, я так верещал, что весь корпус сбежался...

Доктор имел привычку болтать во время работы. Это помогало ему сосредоточиться.

Он спустил с потолка шуп с фрезой и начал снимать верхний покров, освобождая тело от внешнего клеточного слоя. Через десять минут тушка Буратины стала красной, ободранной, а из десятка криво проросших сосудов брызгала и била фонтанчиками кровь. Пришлось сделать передых и залить всё гелем. Гель стянул поверхность и высох. Тело заблестело, как кусок мяса в пластиковом пакете.

Настало время тонкой работы. Опустив лампу пониже, Карло начал работать с ногами: снял кожу, пережал основной кровоток, обнажил мышцы. В связках обнаружилась какая-то зеленоватая слизь: похоже, чужие клетки начали прорастать не там, где надо. Хотя в целом всё выглядело неплохо: кости стали толще, суставы модифицировались, связки укрепились. В общем, шесть кило препаратов пошли клиенту впрок. Кажется, на препараты пустили кого-то из буратининых приятельниц по вольеру... Надо будет потом посмотреть, кого именно. Вроде бы Виньку-Пуньку: она не прошла тест на общее.

Доктор занимался тазобедренным суставом, когда Буратина задёргался.

– Чего тебе? Колется? Суставы всегда колются. Ничего, потерпишь... Доктор Моро, говорят, вообще без наркоза работал. Не знаешь, небось, кто такой доктор Моро? Эх... Ты ведь не знаешь даже, кто такой Ньютон. Или Эйнштейн. Или Выбегалло. А может, и хорошо, что ты их не знаешь. Все эти великие умы вида Homo Sapiens навывдумывали всякой разной дряни... Ладно, пошли дальше.

Дальше пошла работа с корпусом. Тело Буратины мелко дрожало, как перегревшийся мотор – особенно когда доктор, вскрыв брюшину, занялся кишечником, прочищая его от налипшей изнутри клеточной кашицы. Зато с рёбрами почти не было проблем: они нарастились совсем немного, так что удалять нижние не понадобилось. Лёгкие у бамбуков всегда были хорошие. Из почек вышло по парочке склизких клеточных клубков – обычное дело для первого ребилдинга, сильно нагружающего выделительную систему. Ничего необычного доктор не обнаружил и, зарастив поверхности бионитью, решил, что нижней частью тела можно больше не заниматься. Если там и осталось что-нибудь ненужное, оно само отвалится.

Он пару раз отходил по своим делам, оставив распотрошённое тело на столе. Во второй раз он решил вздремнуть на диванчике возле операционной и проспал четыре часа. Когда он, очумело трясая головой и продирая глаза, вошёл в двести двадцать шестую, его встретил нехороший запах тухлятины: он забыл срастить вскрытую грудину, и оттуда начало пованивать гнивающей клеточной массой. Пришлось, чертыхаясь, промывать рану и потом зашивать вручную.

Самой сложной, как всегда, была работа с мозгом. К сожалению, избыток мозгового вещества нельзя просто срезать. Секвенсор, конечно, в случае чего восстановит нейронные связи. Но в зависимости от качества работы хирурга это может занять от часа до двух недель, и в последнем варианте расстройства психики практически гарантированы. Хорошо, что в мозгах Буратины не пришлось делать ничего особенно сложного: на первый раз доктор Коллоди ограничился стандартным наращиванием коры. Так что, налюбовавшись на чётко прорисовавшиеся извилины и пробормотав традиционное «який гарный хлопец вышел», Карло спокойно закрыл череп, зарастил костные и кожные швы и занялся лицом.

Освободив от лишних тканей веки бамбука, – глаза тут же вытаращились и в ту же секунду крепко зажмурились от света – доктор прорезал сросшиеся губы, отсоединил нижнюю

челюсть и быстренько почистил ротовую полость, в которую натащило всякой дряни. Горло и связки оказались в порядке, так что их трогать Карло не стал.

После того, как челюсть была вправлена на место, а швы зарощены, доктор пошёл в туалет. Вернувшись, он обнаружил, что Буратина каким-то образом дотянулся до скальпеля и, скосив от усердия глаза, остругивает себе кончик носа.

– Опять ты возишься со своей фитюлькой, – недовольно проворчал доктор. – Слушай, давай уберём этот шнобель?

– М-м-м, – замычал Буратина, прочищая горло. – Н-не трогай мой чудесный нос! – выдал он наконец. Голос его был низким и хриплым: свежие швы в гортани ещё не вполне рассосались.

– Да зачем он тебе? На спарринг тебе ходить больше не придётся, да и оружие фиговенькое... – проворчал Карло и примерился было срезать нарост фрезой.

Буратина отчаянно замотал головой, уклоняясь от жужжащего лезвия.

– Ну ладно, – Карло устал, спорить с обрабатываемым не хотелось. – Оставим как есть. Может быть, у тебя формируется индивидуальность? Ладно, посмотрим... Вроде бы всё. Теперь начинаем крутить шермана... – Он нажал несколько тумблеров, и стол с тихим гудением опустился.

Карло сел за пульт секвенсора, включил датчики и начал регулировать настройку.

– Д-долго ещё? – клацнул зубами Буратина. – В-всё чешется ужжасно.

– Лежи и не парься, – не поворачивая головы сказал доктор. – Да, кстати. Это у тебя первый ребилдинг. Есть такая традиция... В общем, можешь теперь называть меня папой. Папой Карло.

– Папа? Это что такое? – бамбук скосил глаза на говорящего, но увидел только ножки стула и тяжёлую, туго обтянутую белым халатом, задницу доктора.

– Хм. Папа – это отец в хорошем смысле. Ну то есть отец – это тот, кто тебе подарил половину генов. А папа – это кто тебе покушать принесёт. Понятно? В общем, так: папа о тебе заботится и кто за тебя отвечает. А также отправит тебя на препараты, если будешь плохо себя вести и не слушаться. Это называется отцовские права, они же обязанности. Теперь понял? Вижу, что ни черта ты не понял. Ладно, проехали. Теперь запускаем шарманку... Срастим клеточки, переберём аксончики, сконвертируем генетику. И постарше тебя сделаем, пора бы уже и взрослеть... Годика на три подтянешься... пока хватит.

Из пола выдвинулись сегменты внешней оболочки секвенсора и сомкнулись над операционным столом.

**Глава 7, в которой мы, обращаясь к уже прошедшим
событиям и как бы смотря назад – что и впредь
мы будем делать нередко – присутствуем при беседе
отважного пилигрима со святым праведником**

5 октября 312 года от Х.⁷

Страна Дураков, междоменная территория.

Поздний вечер, переходящий в ночь.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Можно считать твёрдо установленным, что культ Дочки-Матери в своих наиболее характерных чертах сложился задолго до обнаружения Сундука Мертвеца и вне зависимости от этого события. Основами его стали почитание Матери как идеализированной абстрактной идеи, распространённой прежде всего среди калушат, а также и почитания Человека (*Homo Sapiens Sapiens*) и его генома, распространённого среди хомоподобных авторитетов. Так, центральное для всей системы понятий положение «Мать – это святое» зафиксировано информантами по крайней мере за полвека до обнаружения Сундука. Дискриминация существ, чей облик слишком отличен от идеализированного человеческого, также является частью традиционной культуры Страны Дураков (см. об этом мою работу «Хомосапость как квазиаристократическая идеология: истоки и параллели» – КНСД, вып. 11).

Но, несомненно, именно Сундук с его аудио- и видеоконтентом (в отличие от текстовой компоненты, практически не оказавшей на Страну Дураков заметного влияния, что заслуживает отдельного рассмотрения) стал событием мессианского значения. Почитаемая, но бесплотная абстракция обрела чувственно воспринимаемую форму, а невнятная система верований превратилась в полноценную религиозную систему, с культовыми текстами и изображениями, разработанным ритуалом, и – last not least – кастой профессиональных священнослужителей, контролирующих ортодоксию.

Знайко Н. Е. Ещё о генезисе культа Дочки-Матери // Культурное наследие Страны Дураков: Междисциплинарный сборник. Вып. 14. Тора-Бора: Изд-во Тораборского университета, 108679 день от Конца.

Избушку Баз заметил метров за триста, сразу в трёх диапазонах. В сером мире коротких волн она светилась розовым – там работало какое-то электрооборудование. В чёрно-зелёном инфракрасном она выделялась ярко-салатовым прямоугольником: от неё исходило ровное тепло. В рентгене она ничем особо не выделялась, хотя под землёй просматривался идущий туда отвод кабеля. Возможно, когда-то в ней находился узел связи или трансформаторная будка.

Спрятавшаяся было луна внезапно высунулась и брызнула воровским светом из-под мимоезжей тучи, рассекавшей небо узким клином. Поверху тучи болтались тёмные колобашки – будто волки расселись на ней и поехали срать. Кот совместил диапазоны, наложив

⁷ Вы спросите: как это у нас глава про пятое октября идёт после главы про седьмое? А вот так и идёт, ради пущей плавности повествования. Подробнее см. Примечания и дополнения, раздел «Порядок глав, хронология». Или не см., а просто читайте себе спокойно: вы не запутаетесь, я обещаю. – *Уважающий вас автор.*

радио на тепло, и волки превратились в тающие продолговатые комки, зато вокруг луны появилось трепещущее гало. Избушку тоже окутало свечение – подрагивающее, зеленоватое.

Базилио настроил микрофоны. Стали различимы звуки святых песнопений и треньканье балалайки.

Кот подумал. Строеньице казалось неопасным. Во всяком случае, никакой явной угрозы от него не исходило. С другой стороны, сам тот факт, что его обитатель не прячется, указывал на то, что на лёгкую добычу рассчитывать тоже не стоит. С третьей, было совершенно непонятно, кто посмел открыто поселиться на нейтральной территории – и почему ни понятия, ни шерстяные не обращают на это внимания.

Кот очень не любил непонятного: от него часто проистекали всякие проблемы. Поэтому он решил потратить немного времени на рекогносцировку, просто чтобы не оставлять у себя за спиной неведомо что.

Приблизившись, Базилио различил, что же именно поют. Низкий, хриплый голос караокал – а скорее даже и караочил – заветный шансон Круга Песнопений Ваенги.

Строеньице стояло на невысоком холме, под которым лежали обломки ветряка. В миллиметровом диапазоне можно было различить еле видимую тропинку, ведущую наверх, однако осторожный кот предпочёл подняться по кособоку. Ему почти удалось сделать это бесшумно, только у самой вершины когти со скрежетом соскользнули и комья земли полетели вниз. Кот замер, ожидая какой-нибудь реакции – но песнопение ни на миг не прервалось.

– Снова стою у окна, снова курю, мама, снова, – выводил тяжёлый бас, выделяя святое слово «мама» особенно глубоким профундо, так что кот почти увидел, как неизвестный восклицает Дочери ладан. – А вокруг – Тишина, взятая за основу... – балалайка тренькнула последний раз и умолкла.

Базилио, хотя и не веровал в Дочку-Матерь, невольно подумал, до чего одарены были древние песнопевцы. Представить себе изделие, чьей генетической основой является Тишина – это было возвышенно и непросто. Но к образу Дочки-Матери такие слова шли.

Впрочем, думать о высоком сейчас было не время. Оставив посторонние мысли, кот нашёл прочную опору, подпрыгнул, перебросил тело наверх и оказался под самой стеной домика. Резко запахло подгнившей рыбой и свежим помётом – видимо, эту сторону обитатель домика использовал как помойку. Кот принял. Запах помёта был тяжёлым и непростым. Чувствовалась крепкая медвежатина, но было ещё что-то, не то кроличье, не то лисье. Одно, во всяком случае, не оставляло сомнений: испражнялся мужчина. Об этом свидетельствовала отдушка перегоревшего адреналина и тестостероновая кислота.

Кот посмотрел сквозь стену в рентгене. Волн нанометровой длины ощутимо не хватало. Тем не менее можно было различить какое-то существо с очень массивным скелетом – раза в два больше самого База. В коленопреклонённой позе оно совершало медленные движения перед сложным металлическим предметом.

Базилио осторожно поднялся и, стараясь не подымать излишнего шума, обошёл по узкой тропинке угол, одновременно сводя восприятие поближе к видимому спектру. Очки стали мешать, и он сдвинул их на лоб. Лунный свет заполнил пустые глазницы, ввинтился в объективы и упал на плоскости фотоумножителей, выбивая из них электроны.

Нарисовалась дощатая дверь с кованым кольцом. Из-за неё доносилось песнопение Григория Лепса – трек менее чтимый, чем святые слова Ваенги, но тоже соборно-благословенный.

Дослушав песню до конца – прерывать святое караоке считалось серьёзным косяком, при случае даже и наказуемым соборно, – кот дёрнул за кольцо. Дверь не поддавалась, он дёрнул сильнее, потом сообразил, что она может открываться и внутрь. Тогда он её толкнул – и замер на пороге.

Это была педобирская молельня. Всю противоположную стену занимал многоярусный иконостас. В киотах, освещённых лампадками, покоились распечатки древних изображений

Дочки-Матери. Иконы были сотворены, что называется, пиксель в пиксель, с трудом и тщанием. Это была какая-то малоизвестная серия – не популярные среди авторитетов Страны Дураков «машенькина потаёнка» или «ангельская попка веронички клубнички», а файлы из каких-то дальних закоулков Сундука. Черноволосая человеческая девочка – именно это слово приходило на ум созерцателю – сосредоточенно медитировала на софе, раскинув неправдоподобно тонкие ножки. Крохотное отверстие её Святого Лона было целомудренно заполнено каким-то молитвенным предметом – то ли вибратором, то ли иной духовной вещью из тех, что использовали в таких случаях древние. На непривычно узком лице застыл такой истовый, неземной экстаз, что даже Базилио, относящегося к Соборному Культуре как к заблуждению, пробрало.

– Да благословит Мать и Дочь тебя приветствует, пресвятой депутат Госдумы Пархачик Викентий Виленович, сохранивший для нас сии святыне образы, – почтительно произнёс кот полную ритуальную формулу и поклонился.

– Воистину благословит и приветствует, – раздался низкий голос педведа. Он лежал, распластавшись, перед иконостасом грудой рыжего меха. Рядом с ним валялась балалайка – очень старая, из пожелтевшей кости.

– Ты хочешь почтить Дочку-Мать, странник? – осведомился хозяин помещения. – Если так, то склонись перед Лоном Дочери, и мы вознесём ей святое караоке.

– У меня иная вера, – вежливо ответил кот, – однако я ни делом, ни словом, ни помышлением не посягал на Дочку-Мать и за сей базар отвечаю соборно. Я просто прохожий, зашёл обогреться. Если я помешал твоим духовным занятиям, то прости, я пойду.

– Дочка-Мать любит всех своих отцов и детей, – ответил педобир, поднимая голову, – даже заблудших. Я отец Онуфрий Невротик. Это фамилия, пишется она слитно, – добавил он, явно ожидая от кота пошлой шутки.

– Да будет славен и высокополезен ваш род, – церемонно сказал Базилио.

Педобиру это понравилось.

– Отдохни в соседней комнате, странник, ты устал с дороги, – сказал он ласково. – Мне нужно завершить служение – я не прочёл вечернее правило.

Он снова поднялся на колени, взял в когти чётки и, устремив взор к образам, зашептал святое молитвословие «Я в порядке от Твоей мохнатки».

Кот тем временем тихо проскользнул в соседнюю комнату, куда вёл низенький проход в стене, завешенный рогожкой.

Там было темно и пахло дымом. В светце торчала истлевшая лучина, внизу под ней, в ушате с водой, плавала лёгкая белая зола. Кот нашёл рядом другую, вставил в светец и поджёг левым лазером. Трепещущий огонёк кое-как растолкал темноту в стороны. Та, впрочем, отошла недалеко, но хотя бы стали видны стены – неровные, тёмные. Левую сторону от двери почти целиком занимал огромный сундук с почерневшей от времени крышкой, запертый на огромный ржавый висячий замок. Над сундуком висела иконка из серии «Дочка-Мать С Сосочками». Кот посмотрел на иконку с интересом: насколько ему было известно, у большинства педобиров такие изображения считались too old. Видимо, хозяин дома принадлежал ко вселенско-ортодоксальной ветви Соборного Кulta, почитающего все файлы из Сундука Мертвеца равночестными и лишь по-разному раскрывающими грани Вечного Образа.

Справа у стенки стоял топчан с кучей тряпья, пахнущего немытым телом. Вонь перебивал запах солёных патиссонов: в углу чернела кадушка под гнётом. На грубо сколоченном столе стояла оловянная тарелка с остатками комбикорма, висилась плошка с осетровой икрой, заправленной маргарином, и стальная полусфера с изящно изогнутой веточкой-хоботком на боку. Присмотревшись, кот понял, что это древний электрический чайник с аккумулятором – вещь редкая, дорогая. Но аккумулятор был не заряжен: это кот улавливал своими приборами.

Базилио прикинул, что у него есть. Встроенные тесла-батареи были полны процентов на двадцать: на марш-бросок без единой крошки во рту ушло немало энергии, лазеры тоже приходилось регулярно пускать в ход, а зацепиться за Окову сколько-нибудь полноценным образом ни разу не удалось: самый длительный контакт продолжался полминуты. Тем не менее коту захотелось что-нибудь сделать для гостеприимного педобира, ну хотя бы зарядить чайник. Поэтому он вытащил из-под хвоста резервный провод и подсоединил к клеммам. После чего присел на топчан и задумался о жизни.

Забухали шаги, зашуршала отодвигаемая рогожка. Отец Онуфрий ввалился и уселся на сундук, заполнив собой чуть не полкомнаты.

– Напрасно расходуешься, странник, – сказал он, заметив провод, соединяющий чайник и кота. – У меня есть электричество. У меня нет чая.

– Тут я бессилен, – кот с усилием втянул в себя провод, тот только свистнул в воздухе. – У меня тоже нет чая. У меня вообще нет еды... и она мне не нужна, – быстро добавил он, видя, как педобир подымается, явно собираясь куда-то лезть.

– Еда нужна даже таким, как ты, – строго сказал педобир. – Попробуй всё-таки патиссон. Сам солил, чесночок и гвоздичка тоже свои, – добавил он с гордостью. – Збс получилось.

Кот недолго отнекивался. Вскорости он уже сидел за столом и разделялся с третьим по счёту патиссоном, закусывая икорочкой. Педобир тем временем дозарядил чайник – под топчаном у него обнаружился мощный никель-кадмиевый аккумулятор, запитываемый от тесла-приёмника – и всюду дул кипятком с сахаром вприкуску, смешно поддыхивая огромной пастью на удерживаемое в когтях крохотное фарфоровое блюдечко.

За едой разговорились. Как выяснилось, отец Онуфрий некогда подвизался при храме имени Святой Иконы «Лилечка в гольфиках». Потом он ушёл в личное служение, поселился у какого-то местного озера и погрузился в молитвенное созерцание святых икон серии «Обнажённая Оля». Однако после кончины Великого Ёпрста Апостасия Простатика (тот помер, как принято в его фамилии, от облитерирующего простатита) среди осиротевшей верхушки начались дразги, а потом в лес проникли поняши и довольно быстро подмяли всех под себя своим обычным способом. Отец Онуфрий сопротивлялся овладению до последнего, но увы – большинство педобиров, даже из самых стойких, оказались не на высоте служения. Когда Онуфрий увидел своего брата по послушанию, целующего копыто розовой поняшке, он в ярости обдочерил по матери весь поняший род и пожелал уйти. Поняши ему в том не препятствовали и даже помогли обустроиться на нейтральной территории – неуживчивый педобир был знатоком Песнопений Ваенги, поняшами особенно ценимыми.

Педвед в итоге остался доволен: жизнь на нейтралке оказалась тихой, покойной. Несмотря на редкость и кратковременность тесла-зацеплений, энергии ему хватало – поскольку расходовал её педобир крайне экономно, в основном на разогрев чайника. При ските он устроил огорожок, с которого и кормился, пополняя нехватку белка охотой на одичавшую джигурду. Недавно на холм было настоящее нашествие диких осетров-сороконожек, которые обметали икрой все углы. Педобир набрал пять больших банок этого добра, засалил и теперь кушал с маргаринчиком.

– А почему к нахнахам не ушёл? – поинтересовался кот.

– Дочь твою Мать! – педобир почтительно коснулся лапами ушей, умудрившись при этом не уронить блюдечко. – Я б лучше печень гозмана приям утробно, чем с оными возжаться. Этой дефолтной скобейде место в биореакторе. Они никогда не отличались хорошими манерами, а в последнее время и вовсе страх потеряли.

Кот заинтересовался, попросил объяснений. Выяснилось, что за последние два месяца шерстяные, раньше не показывавшиеся годами, наведывались в избушку трижды. В предыдущий раз стащили патефон и две пластинки со святыми песнопениями, а в крайний свой визит даже вбросили тему про долюху малую, хотя дудолить служителей Дочки извека считалось

западлом. Педобир их наглые требования выслушал, угостил патиссончиками и предложил для очищения души от недобрых помыслов вознести перед Лоном Дочери заветное песнопение о Чёрных Глазах. «Чёрные Глаза» они кое-как исполнили, ушли обозлённые и на прощание сказали, что, дескать, «наш Тарзан саму Дошку-Матёрь скоро жёной сваей сдэлаэт, вах».

– Совсем дефолтнулись, – пробурчал Базилио. – Вообще-то такое наказуемо соборно.

– Мнится мне, неспроста это всё, – педобир покачал огромной головой. – Что-то за всей этой гнилой движухой кроется. Полагаю, оные обрели некую силу или, может быть, козырь. Я думаю, им удалось зацепиться за Монолит... Но всё это too old: мы заговорились, путник, а ты утомлён. Если хочешь, можешь остаться у меня на ночь. Я проведу ночь в молитвах и песнопениях.

– Благодарю, добрый хозяин, – кот бросил скептический взгляд на топчан и встал. – Но я, пожалуй, всё-таки пойду. Спасидо за гостеприимство, и прости, что моя вера не позволяет мне петь для Дочки-Матери.

– Что ж, доброй дороги, – тут педобир посмотрел на Базилио очень внимательно, – ведь ты стремишься на Зону?

Базилио решил не отпираться.

– Туда, – признал он. – Не за хабаром, – сразу подчеркнул он. – У меня там другие дела.

– Не имею достойных причин для дальнейших расспросов, путник, – отец Онуфрий вздохнул так глубоко, что чуть не выпил весь воздух в комнатке, – и не буду поучать тебя в делах, кои меня не касаются. Это не по понятиям. Однако я прожил жизнь вблизи Зоны, и кое-что знаю. Прими совет – не в скорбь и не в ущерб, конечно.

– Я слушаю, – кот приподнял ухо, показывая, что он и в самом деле слушает.

– Первое, – педобир чуть привстал и почесал зад о сундук. Шерсть заскрипела, в сундуке что-то звякнуло. – Монолит на то и Монолит, что не имеет окон и уж тем более дверей. А также глаз и ушей. Это просто камень, набитый электричеством. И не стоит вовсе убеждаться в этом лично.

– Я не собираюсь к Монолиту, – уверенно сказал кот, про себя решив разузнать подробности у Болотного Доктора.

– И второе, – педобир поднял коготь. – Есть место, в котором лежит Монолит, а есть ещё одно место. Так вот – на моей памяти туда стремились многие. Некоторые дошли. Кое-кто даже вышел... Так вот, слышал я, что выходят оттуда только те, кому это было по-настоящему необходимо. Именно по-настоящему. То есть когда другого выхода вообще нет...

На этот раз кот понял.

– Это про Поле Чудес? – уточнил он, и педобир кивнул. – Туда мне не надо.

Педвед задумчиво почесал морду тупым жёлтым когтем.

– Мало кто знает, – изрёк он, – что ему на самом деле надо. И тем более – куда.

Глава 8, в которой наш юноша задумывает и осуществляет некую каверзу, но немного промахивается, что весьма сильно влияет на дальнейшее развитие событий

13 октября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Е.

Поверхность, проходная / ИТИ, корпус Е. Комната 11.

День.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 0071

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: вероятно, изделие

ДАТА РОЖДЕНИЯ: неизвестна

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: неизвестен; вероятно, до Хомокоста

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: неопределим

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 1290

ТИП: инсект

ПОЛ: имаго, актуальный самец (3-й инсектотип)

ПРАВОВОЙ СТАТУС: не определён

ПРИМЕНЕНИЕ: нет

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Грегор Замза

КЛИЧКА: Сверчок

– Несоответствие номера и личного кода, – входной крокодил щёлкнул зубастой пастью. – Извините, но пропустить вас не могу. Не имею права.

– Яюшки! Меня ко мне не пускают! – возмутился Буратина. – Эй, зелёный, ну чё за дела?

– Очень сочувствую, но пропустить не могу, – крокодил был вежлив и даже кроток. Но непреклонен, как типичный крокодил.

Буратина со злости сплюнул на пол. Крокодила он здесь совершенно не ждал. Обычно на дверях стоял или турнепс, или сурикат. Эти пропускали по жетону. Но сегодня ожидался традиционный футбольный матч между тушлом и дошираками, и оба охранника отпросились у начальства – болеть за своих. Буратина об этом слышал, но значения не придал. Кто же знал, что на замену поставят эту хладнокровную рептилию – как же её зовут-то... Что-то связанное с генами. Карло что-то говорил о «русском генетическом материале». Бамбук не очень понимал, что такое «русский», да и не особо заморачивался. Всё это были какие-то старые довоенные дела, когда ещё существовали настоящие люди и их государства. Сейчас-то всё равно остались только Директория и Страна Дураков. Правда, в вольерах рассказывали о какой-то Тора-Боре и её Короле, который якобы скупает у Директории особо агрессивные заготовки. Гаечка, впрочем, на это всегда говорила, что никакой Тора-Боры вообще нет, а особо агрессивные идут обычным путём: вниз, на препараты, а что останется – в цинковое ведро... Теперь она сама пошла вниз: девочка оказалась негодной даже для общего развития. Жаль, конечно: она была мяконькая. Что ж поделаешь: хочешь жить – умей вертеться.

Бамбук с трудом сосредоточился на текущей проблеме.

– Ну чё, зелёный, так ты меня пропускаешь или нет? – попробовал он ещё раз, тряся жетоном. – Мне срочно нужно! Меня папа Карло ждёт!

– Я же объясняю: несоответствие номера и личного кода. Ты из какой комнаты?

– А я почём знаю?! – Буратина машинально потеребил изрядно отросший нос, прикидывая, а не воткнуть ли его зубастой твари в грызло. Решил, что рисковать не стоит: рептилия

имела хорошую скорость реакции, да и дрались охранники не как на спарринге, а совсем всерьёз. Это-то бамбук знал доподлинно. Он уже пытался повыделываться перед какой-то гадо-стью в шляпе, охранявшей лифты. Шляпа в честный бой не вступила, а попросту достала из сумочки тесла-шокер и разрядила ему в мошонку. Хорошо ещё, что у него там ничего особо ценного нет. Но ощущения запомнились надолго.

Оставалось самое неприятное: постоять и повспоминать, пока номер комнаты и личный код всплывут в памяти. Думать вообще и напрягать память в частности деревяшкин терпеть не мог, однако другого выхода не было. Он улёгся на пол и стал крутить шарики в голове.

Личный номер упорно не выскакивал. Буратина решил не мучиться и попробовать проскочить мимо крокодила на скоростях.

Он уже отступил для разбега, но тут его осенила новая идея. Как обычно, она вытеснила из головы все старые.

– Слы, зелёный, у меня чё-та головёнка-то чма-чма... то есть того, яюшки, не помню я этот номер дурацкий... Я, это, во двор пойду, тама подожду. Покеда! – доширак развернулся и зашагал в направлении, противоположном заданному.

Разумеется, серьёзного намерения бежать у него не было. Просто ему давно уже хотелось прогуляться за пределами двора.

Во дворе, конечно, тоже было славно. Например, там имелся газон с настоящей зелёной травой. Буратина мог валяться в ней часами, пока его не прогоняли охранники или кто-нибудь из старших эволюэ. Правда, газон обыкновенно бывал изрядно загажен, особенно после коней: те щипали траву и туда же облегчались. Коням разрешалось срать где угодно – лошадиная задница так устроена, что ничего в себе не держит. Буратина любил запах навоза, сладковатый и пряный. В раннем детстве, ещё в вольере, он собирал конские катышки, подсушивал и ел. Наверное, в организме не хватало какой-нибудь тонкой химии, которая содержалась в этих катыхах. Потом это прошло, а любовь к аромату и вкусу конской сраки осталась.

Но на этот раз Буратина осмелился на большее, чем просто поваляться на газоне. Он решился проникнуть за ворота и поглазеть, что находится за пределами внутреннего дворика. Там он ещё ни разу не бывал, и в ближайшее время ему вряд ли светило. К тому же был шанс попасть на футбол и посмотреть, что это такое. Насколько бамбуку было известно из рассказов старших, обычно всё заканчивалось грандиозным махачем. В таком веселье не грех было бы и поучаствовать.

О том, что его накажут, деревяшкин думал просто, по-вольерному. Контроль пространства двора – дело охранников. С них пускай и скинут баллы за невнимательность. А ему, глядишь, ещё прибавят за сообразительность. За соприиспособленность, конечно, сколько-нибудь срежут – ну да говна-то пирога, ещё наберём.

С баллами у бамбука дела обстояли неплохо, хотя и не блестяще. За пять дней, прошедшие с окончания ребилдинга, он успел многое. Перезнакомился со всеми соседями по крылу. Два раза подрался с конями, и оба раза был бит. Один коняра воспользовался правом победителя, после чего пришлось заехать в больничку: после конского дрына деревянная задница бамбука пошла трещинами. В больничке он снюхался с симпатичной киской и набрал себе баллов. Набрал бы ещё, вот только киска была из старших эволюционирующих, а дорогу на их этаж преграждала шляпа с шокером... Зато после ребилдинга у него в носу завелись шикарные бурые сопли, которыми он измазал рыло у спящей капибары, написал на стене плохое слово и забрызгал халат доктора Коллоди. За всё это в совокупности ему списали баллов по всем статьям и слегка наказали – двадцать ударов палкой по пяткам. Палка была из твёрдой резины, а бил буйвол, но Буратина держался достойно, не скулил, не ныл и сразу же после наказания спиздил с кухни три пакета комбикорма и пачку маргарина. Пойман не был. Комбикорм бамбук схомячил сам, а маргарином поделился с лабораторной мартышкой, которая до этого момента не пускала его себе под хвост, а после подобрела, хотя и не слишком – палка деревяшкина

была всё-таки уж очень твёрдой, а после ребилдинга ещё и пошла сучками, что было явным перебором. Карло в шутку посоветовал срезать сучки мачете, Буратина воспринял это всерьёз и чуть не отхерачил себе всё мужское хозяйство... В общем, жизнь была разнообразна, увлекательна и полна смысла.

Наблюдались и успехи в учёбе. У него улучшились навыки чтения. Во всяком случае, буквы перестали вызывать отвращение. Он даже заинтересовался, почему в слове «комбикорм» слышится «а» и «е», а пишутся «о» и «и» – чем вызвал одобрительное ворчание папы Карло. Правда, объяснений он так и не понял, но лиха беда начало... Короче, всё шло нормалёк, и Буратина решил, что очень уж сильно наказывать его не будут.

Само собой, дворик хорошо контролировался. Но в бедовой голове бамбука случайно встретились целых три мысли. Во-первых, он вспомнил, что знакомую больничку в корпусе Е сейчас как раз ремонтируют, так что всяких пострадавничков носят в корпус В. Во-вторых, что из любой больнички можно легко удрать. И в-третьих, что в корпусе В практически нет внешней охраны. Так что, если всё пройдёт нормально, можно будет выбраться за ворота.

Оставалось попасть в больничку. На этот счёт у него тоже была придумка. Незатейливая, одноразовая, но на один раз – годная.

Буратина дождался, пока папа Карло появится в пределах прямой видимости. Папа сел по двору, куда-то очень спеша. Знаменитый комбинезон был полурасстёгнут, обнажив ослепительно-белую подкладку. Деревяшкин в который раз позавидовал доктору – комбинезон и в самом деле был хорош. Что говорить: уникальная довоенная вещь из непачкающегося и нестирающегося материала. Согласно легенде, Карло добыл её ещё в молодости, во времена скитаний по разорённым областям. По другой легенде, Карло во время очередного ребилдинга специально подогнал своё тело под этот комбинезон. Во всяком случае, сидел он на нём и в самом деле идеально...

Не дожидаясь, пока доктор продефилирует мимо, деревяшкин проделал нехитрую операцию: с силой выдохнул воздух из лёгких, замкнул гортань и перестал дышать. Он знал, что через три-четыре минуты после этого в глазах станет темно, а потом он вырубится. Научил его этому Чип – он таким способом ловил кайф, даже кончал от удушья. Бура от этого никакого кайфа так и не почувствовал и заниматься таким способом самоудовлетворения не пытался, предпочитая в случае чего терять баллы за рукоблудие. Тем не менее сейчас навык самоудовлетворения оказался очень кстати.

Когда Буратина немножечко пришёл в себя, он почувствовал характерное жжение в предплечье: папа Карло успел-таки проковырять его бамбуковую кожу и вкатил дозу стимулятора. Рядом топтались два коня-охранника с носилками: службы работали чётко.

Однако бамбук не спешил показывать, что с ним всё в порядке. Наоборот, он закатил глаза и сделал вид, что ему совсем хреново.

– Не пойму, что у него с мышцами, – доктор Коллоди прощупал жёсткую руку деревяшкина. – Несите в больничку, там разберутся... – Коняги легко закинули деревянное тельце на носилки и понесли к корпусу Е.

Буратина тихо ликовал, когда доктор внезапно заявил:

– Нет, постойте. Что-то с ним не так. Несите его в старую лабораторию. В одиннадцать-бе. У меня тут дела, потом сам подойду и разберусь.

Старая лаборатория располагалась в подвале корпуса, под лестницей, ведущей в цокольный этаж.

Находилась она в одном из старейших зданий всего комплекса, а уж подвалы и подавно считались историческими: если верить слухам, сам доктор Моро проводил свои опыты где-то в этих самых катакомбах. Деревяшкин, правда, об этом ничего не слышал – а даже если и слышал, то немедленно забыл. Из-за скверно простроенных связей между кратковременной

и долговременной памятью и размытых ассоциативных полей мысли в его голове были коротенькие и по большей части пустяковые.

Поэтому он не слишком огорчился из-за краха своего плана: подумаешь, не очень-то и хотелось. В конце концов, побывать в старой лаборатории доктора Коллоди – тоже, если вдуматься, не хухры-мухры. Будет о чём рассказать старшим: из них, кажись, никто такой чести не сподобился.

Правда, сколько Буратина ни вертел головой, ничего интересного ему на глаза не попадалось. Лаборатория оказалась небольшой уютной комнаткой с единственным подпотолочным окном, замазанным белой краской. Из мебели имелась узенькая пластиковая койка, застеленная клеёнкой (на неё-то и положили бамбука), две рахитичные табуреточки и лабораторный стол, уставленный запылёнными приборами непонятного назначения. В углу, за грязной пластиковой занавеской, можно было разглядеть унитаз и крохотную раковину. Освещалось всё это двумя старыми люминесцентными лампами, гудящими и потрескивающими.

В комнате был, правда, и другой источник света – анимированная голограмма на стене. Она изображала огонь в очаге. Над ним был подвешен котелок. Голограмма была хорошей, годной: пламя выразительно лизало закопчённый бок котелка, из-под крышки время от времени вырывался кудрявый пар. Не хватало только звукового сопровождения – недовольного кряхтения горящих поленьев и позвякивания крышки.

Буратина долго пялился на живую картинку, потом ему надоело. Он повернулся на бок с твёрдым намерением заснуть.

От подступающей дрёмы его отвлекло странное поскрипывание. Звук был такой, как будто кто-то осторожно подпиливал доску.

Осторожно оглядевшись, бамбук заметил странное существо, напоминающее большого жука. Оно сидело на стене, метра на два выше очага, пошевеливая длинными усами, и тихо потрескивало – «крри-кри».

– Эт-то что такое? – вытаращился на редкостную тварь деревяшкин.

Существо вопросительно подняло усики.

– Это вы мне, я полагаю? Что ж, представляюсь. Меня зовут Замза. Грегор Замза. К вашим услугам. Взаимообразно позволю себе поинтересоваться, с кем имею честь.

– Ч-чего? – не понял бамбук.

– Ах, ну да, конечно, как я мог рассчитывать на иную реакцию? Ваши предельно упрощённые манеры делают наше общение затруднительным – как для вас, так и для меня. Видите ли, я привык к более обходительному обращению. Я воспитан в иное время, когда хорошее воспитание было в цене. Даже сеньор Коллоди, интеллекту которого я воздаю должное, с моей точки зрения, бывает несколько вульгарен... хотя вы, разумеется, являетесь собой качественно иную ступень деградации. Хорошо, я ставлю вопрос иначе. Ваше имя?

– Буратина, – ответил бамбук, садясь на койку.

– Гм, запомним... И, насколько я понимаю, в вашем индексе много генов растений. Эта ваша кожа... кажется, какое-то дерево? Или трава? Впрочем, мне это безразлично: я чужд предрассудкам, как и они – мне. Важно только то, что находится внутри черепа. Но, скорее всего, там тоже дерево или трава. Вы – уж простите старого физиономиста – не производите впечатления интеллектуала. *Exactly du bist a штик голц вос кен редн*⁸. К тому же вы, скорее всего, несколько *недогидахт* – если вы понимаете, о чём я⁹.

Буратина почувствовал, что его каким-то образом оскорбили, но не понял как.

– Да ты сам такой, – прибег он к простейшему риторическому приёму.

⁸ Сверчок называет Буратину говорящим поленом.

⁹ Недогидахт (*идиш*) – буквально «недоделанный». Сверчок, в общем-то, прав.

– Вот как? – насекомое немедленно обиделось. – Я, значит, вызываю у вас негативные эмоции? Вас что-то смущает в моём облике или поведении? Надеюсь, вы не страдаете инсектофобией? Или, может быть, – тут усики затрепетали особенно сильно, – вы антисемит?!

– Не понял, – перебил его Буратина. – Ты вообще кто? Чё ты тут делаешь?

– Так я и думал, – грустно сказала насекомое. – Вульгарность и дурновкусие – причиной коих, вне всякого сомнения, является постыдно низкий интеллект и усугубляющее данное обстоятельство отсутствие должного воспитания! Однако я всё-таки удовлетворю ваше любопытство. Что я тут делаю? Я тут живу. Если быть совсем точным, то я обитаю в этой комнате более ста лет. Что касается моего фактического возраста, то, как я говорил в своё время профессору Преображенскому, он совершенно напрасно отказался от работы с высокими концентрациями генов насекомых. Некоторые их комбинации весьма способствуют долголетию.

– Сто лет? – Буратина вытянул шею, пытаясь разглядеть собеседника подробнее. – Ничёсики! Хотя погоди, сто лет это ладно. Преобро... прибра... этот, как его, живодёр, он же раньше был? Ты правда с ним разговаривал?

– Уж не подозреваете ли вы меня в сознательной лжи? – насекомое возмущённо вздело усы в зенит. – О да, разумеется, я неоднократно беседовал с профессором. Это был интеллигентнейший человек, истинный аристократ духа. Общение с ним приносило мне ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение. Даже странно, что он не был евреем. Хотя порой меня терзают смутные сомнения...

– Он вроде ж собаками занимался, – выплыло откуда-то из дальнего закоулка памяти Буратина, – а не этими... как их... тараканами?

Грегор слегка пошевелился на стене, поудобнее растопырив тонкие лапки.

– А вы небезнадёжны... Рассею ваше недоумение. В начальный период исследований профессор занимался именно насекомыми. Собственно, изучение некоторых особенностей их генетического аппарата и позволило ему создать клеточный секвенсор. Просто опыты с собаками оказались более востребованы. Его заказчикам, как всегда, нужны были солдаты. А существа, подобные мне – то есть с высоким I в APIF, иначе говоря инсектоиды – обычно испытывают глубочайшее отвращение к насилию и внешней дисциплине. Даже существа с генами муравьёв и термитов, на которых возлагалось столько надежд, оказались более чем посредственными военными... Но, кажется, вы меня не слушаете?

– Яюшки... – пробормотал Буратина. Занудный голос насекомого навевал сон, удерживать внимание было трудно.

– Н-да, – насекомое неодобрительно качнуло усами, – ваши коммуникативные навыки тоже оставляют желать лучшего.

Это тонкое оскорбление Буратина почему-то понял.

– Да у меня по соцприспособленности знаешь сколько баллов? Тебе столько в жизнь не заработать! – выдал он.

– Меня не интересуют эти ваши баллы, ибо я считаю местную кастово-иерархическую систему аморальной и неэффективной, – Грегор горделиво поднял усы. – Однако вернёмся к высказанному вами ложному мнению относительно моей генетической принадлежности. Вы поименовали... ах да, лучше сказать – назвали, у вас ведь такой скудный словарный запас... так вот, вы назвали меня тараканом. Вас извиняет только незнание с миром насекомых, существовавших до Хомокоста. Я не имею ни малейшего отношения к Blattoptera. Некоторые ещё имели наглость сравнивать меня с вошью. Я уверен, что сравнения с кровососущим насекомым являются одной из форм кровавого навета. Ответственно заявляю, что ни к воши платяной, ни, легавдл¹⁰, лобковой я не имею ни малейшего отношения. Как и к иным синантропным насекомым. Впрочем, возможны разные понимания синантропности... хотя эту тему пока

¹⁰ Легавдл (*идиши*) – «не будь рядом упомянуто». Увы, Замза был отнюдь не лишён расовых и национальных предрассудков.

оставим, как слишком сложную для вас. Основу моего генетического профиля составляют гены так называемого сверчка домашнего, то бишь *Gryllus domesticus*. Образ сверчка, в отличие от таракана, в человеческой культуре коннотирован сугубо позитивно. В конце концов, само солнце русской поэзии... но так мы уйдём слишком далеко. *Summam facere*, я сверчок и горжусь этим. Прочий генетический материал заимствован у... – тут насекомое произнесло что-то настолько невнятное, что Буратина не разобрал и полслова. Деревяшкин с трудом вспомнил, что нечто подобное иногда бормотал себе под нос папа Карло и называл это «латынью». Насколько он помнил, латынь – какой-то мёртвый человеческий язык, на котором разговаривали во времена Выбегалло.

Чтобы не заснуть, Буратина изо всех сил уцепился за коленку.

– Что касается присутствующего во мне генетического материала Ното... – продолжало тем временем насекомое. – Я, если вы заметили, еврей. Ах да: вы, скорее всего, не знаете, кто такие евреи. Вряд ли вашему слабенькому уму доступна сама концепция богоизбранного народа. Я, наверное, не самый характерный представитель своего племени, по крайней мере внешне – так что не стоит судить по мне о нашей великой нации, столь трагически исчезнувшей в этой гойской заварухе. Однако даже такое скромное насекомое, как я, всё же заметно отличается от гоев, в особенности умственными и нравственными качествами. У меня, прошу заметить, таки имеется офене аидише копф, то есть светлая еврейская голова. Полагаю, вы уже почувствовали некоторый интеллектуальный дискомфорт в ходе нашего общения? Увы, высокий интеллект – не только дар, но и бремя. Как, впрочем, и любой другой дар. Впрочем, это всё так банально...

– Так чего ты тут делаешь? Какое у тебя применение? – Буратина решил всё-таки добиться от странной твари понятного ответа на простые вопросы.

– Ах, это... Увы, никакого применения у меня нет. Я – артефакт прошедшей эпохи и сохраняюсь как ископаемое. У меня высокий ай-кью, но практической пользы от меня, признаться, немного. С другой стороны, ем я мало, места практически не занимаю. Меня терпят, поскольку я не приношу вреда, а иногда могу быть полезен... ну хотя бы как независимый эксперт-консультант по историческим вопросам.

В коридоре послышались шаги.

– А вот и доктор Коллоди. Пожалуй, я вас на время покину. Судя по звукам, сопровождающим его передвижение, он сильно не в духе. Рискну даже предположить, что... – Замза, не договорив, ловко влез внутрь голограммы с огнём и котелком и там затаился. Из огня торчал только кончик длинного уса.

Через минуту в комнату вошёл доктор. По его лицу Буратина понял: стряслось что-то очень скверное.

– Как ты? Живой? – спросил папа Карло без всякого интереса.

Деревяшкин попытался что-то рассказать, но доктор только махнул рукой.

– Плевать. Теперь на всё плевать. Шарманка сдохла, – выдавил он. – Настроечные платы тю-тю.

Глупый бамбук не сразу сообразил, что отец говорит про секвенсор.

Глава 9, в которой мы чуть было не становимся невольными свидетелями совершеннейшего неприличия

3 ноября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Полдень.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Обычно под *няишностью* понимается способность вызывать у других существ прилив фокусированных на объекте эмоций тона XI 2,5 – 4.0 по обобщённой шкале Бруно (безотчётная симпатия – нежность – энтузиазм – преклонение), вызываемых окситоциновой атакой, часто на фоне резкого повышения уровня андрогенов (у самцов).

В отличие от других паранормальных способностей, Н. наследуется с коэффициентом 0,5 и выше в случае подходящей основы. В настоящий момент устойчиво воспроизводимая Н. известна у поняш, котегов, филифёнок и нек. др. основ. Имеются косвенные свидетельства о том, что Н. обладали даже некоторые дохомокостные существа.

У поняш Н. блокируется Y-хромосомой, что делает её носительницами исключительно самок.

Балтимор Е., Купер Н. Паранормальные способности. Краткий справочник-определитель. 23-е издание, стереотипное. Директория: Наука, 289.

Три! Только лишь три! Три проблемы делали жизнь Пьеро невыносимо ужасной:
любовь к девочке с голубыми волосами;
айс-дефолт;
резь в желудке.

Самой невыносимой была третья. Во всяком случае – здесь и сейчас. Она пришла, остальное отгёрла и одна безраздельно стала близка. О, как тягостна была её близость! – нет, это не передать словами.

Отравился Пьеро по глупости: схомячил какую-то падаль, найденную в траве. Кажется, это была недоеденная тушка какого-то мелкого зверька вроде дикой крысы. От неё отчаянно воняло, но Пьеро был под айсом. То есть находился в состоянии полного неразличения добра и зла.

В этот день они прошли километров тридцать, по жаре, по сильно пересечённой местности. Карабас с командой не церемонился и всю использовал свои возможности психократа. Пьеро даже не чувствовал своих рук и ног – они двигались сами, повинаясь чужой воле. Всё, что можно было делать самому – утирать пот со лба. Вместо этого Пьеро пил солёные капли, стекающие на губы, и шептал имя возлюбленной. В сочетании с набирающим силу айс-приходом оно полностью выносило то небольшое, что осталось от мозга. Это было состояние не то чтобы даже приятное, а балдёжное – он был как бы подвешен внутри себя, будто его сердце лежало, скрючившись, в гамаке, над какой-то шевелящейся, движущейся бездной, пробитой навывлет мутным дневным жаром. Потом и это прошло, осталась только блаженная зупа подступающего небытия, – и вот тут-то его и пробило на хавчик. Да так пробило, что он даже вывалился на пару секунд из ментального захвата Карабаса и прихватил ту дохлятинку.

Теперь он лежал в рододендроновых зарослях и тихонько постанывал, пытаясь проблематся. К сожалению, блевать было решительно нечем: всё содержимое желудка Пьеро уже оставил на прошлой стоянке. Ещё хуже было то, что рвотные позывы сопровождались некон-

тролируемыми эмо-выплесками такой силы, что даже Карабас не выдержал и со словами «полежи пока тут» куда-то ретировался, унося на руках потерявшего сознание Арлекина.

– Я люблю тебя, о Мальвина, – стонал Пьеро, борясь с тошнотой, – я люблю тебя до смерти своей... нет, больше смерти своей. О смерть, этот старый немецкий маэстро, глаза голубее небес – смерть, отсроченный час, о-о-о-о! – он видел, как никнет трава, убиваемая его эмпатией, как оголяются и чернеют ветви рододендрона, и что-то внутри него просило муки ещё чернее и безысходнее, чтобы облако страдания накрыло весь мир и погасило солнце, опаляющее веки.

От наполнившей поляну нестерпимой тоски умерла в полёте огромная муха и шлёпнулась Пьеро в рот. Тот пососал её и выплюнул, но сил на плевок не было – муха приклеилась к губе и повисла на ней.

Потом стало ещё хуже – страдание переплавилось в ровную серую немочь. Психоспособности как будто начисто отрезало: в этом состоянии Пьеро не мог даже самовыражаться. Оставалось читать заветные стихи. Они немного помогали, оттягивали немощь, давали минутную силу на полвздоха и забвение печальной смерти на полшишечки.

– В тёмной земле упокоился странник блаженный, – шептал он пересохшими губами, откинувшись навзничь и зажмурив глаза. – Бог с его уст принял горькие песни увядания до рассвета, цветком голубым слово его остаётся в обители боли, Георг Трактль, «К Новалису», вторая редакция, надо ж, блядь, я ещё что-то помню... О Русь моя – жена моя до боли, Александр Блок... Нет, Мальвина, нет, не надо, не надо про боль... Что ты заводишь песню военную, флейте подобно, милый снегирь... а-а-а, снегирь, милый, милый, – его неожиданно пронзила острейшая, разрывающая душу жалость к снегирию. Он рыдал и рыдал, а на лицо его медленно осыпались мёртвые лепестки цветов.

Приходил Арле, бил ногами по рёбрам – не помогало. Попытался присунуть – ничего не вышло: вечно бодрый Арлекинов петушок наглотался следов негативного эмпатия, поник головёнкой и не вставал. Арлекин плюнул и оставил Пьеро в покое.

Потом прилетел бэтмен с распученным пузом – видимо, где-то нашёл ручей и из него наклепался. Пьеро со стоном выпил из него грамм сто почти чистой воды, но лучше не стало.

– Как мечтаю услышать я песню дрозда, – лепетал Пьеро, пытаясь, как обычно, вообразить себе собеседника, который мог бы выслушать его и понять. – О дрозд! Пророческая птица, символ магической силы, страж королей и деревьев. Соловей – разновидность твоя. Среди безмолвия зелёных лесов ты поёшь свою песню. О томление вечной любви! Счастье – идти сквозь лес... буээ... вместе с возлюбленной, чело увенчав полевыми цветами, дышать золотом лета... Завиток голубых волос из-под платка... буээ... острые позвонки под одеждой... обещание тёплого запаха шеи... буээ... никогда не вижу лица твоего, о Мальвина, Мальвина, Мальвина, буэээ! – тут его наконец вырвало мочой бэтмена и он потерял сознание.

Очнулся он от того, что солнце напекло голову. Как ни странно, всё остальное было почти в порядке, если не считать растрёпанных чувств и мокрых панталон. Тем не менее он пришёл в норму, если его обычное состояние можно было назвать нормальным. Во всяком случае, он понял, что вполне способен открыть глаза. Он это сделал – и обомлел.

Над ним склонилось чудесное создание – маленькая, почти игрушечная лошадка. Пышная гривка цвета молодой пшеницы ниспадала волной на сияющую голубую шерсть, от которой исходил тонкий аромат вербены. Огромные серые глаза, обрамлённые пышными ресницами, смотрели робко и обещающе.

Пьеро ощутил сладкий холод в груди – как будто он медленно тонул в колодце с волшебной водой, пронизывающей его тело насквозь, и это была вода жизни, и в ней утонуть означало родиться – родиться по-настоящему, не здесь, а в серебряном саду по ту сторону печалей и бед, в стране наслаждений, в облаках среди радуг. Это было верное знание о немыслимом, невозможном счастье – и это счастье было перед ним, сладко позёвывало и моргало.

– Мальвина, – прошептал он лучшее слово из всех, которые когда-либо знал. – Ты Мальвина моя.

– Тихо-тихо, маленький, сейчас не нужно ничего говорить, – голос волшебного создания был медовым и мятным, ещё слаще было дыхание, омывшее лицо Пьеро. Оно было столь дурманящим, что поэт не выдержал и с мучительным стоном потянулся навстречу этому прекрасному лицу – он жаждал его, жаждал её глаз и губ, как родниковой воды, как вина, как айса, больше айса.

Чудесное создание чуть отстранилось. В бездонных серых глазах заискрилось лукавое озорство.

– Лежи смирно, маленький! – изящнейшее копытце слегка нажало на грудь поэта, который тут же попытался обнять эту прелестную ножку, которая – ах! – тут же исчезла, а попытка поймать её в воздухе и осыпать поцелуями была пресечена безмолвно-строгим приказом серых глаз.

– Я Пьеро, я пришёл с Карабасом, я люблю тебя, люблю, как Мальвину, ты Мальвина, – выговорил поэт, пытаясь сладить с заплетающимся языком.

– Маленький, расскажи больше, а то я ничего не понимаю, – и снова прикосновение волшебного копытца, дразняще-сладостное, и ножка опять исчезла раньше, чем Пьеро успел насладиться ею.

– Я Пьеро, член тора-борской разведывательно-диверсионной группы, нахожусь на задании, нас трое и бэтмен, лидер – Карабас бар Раббас, боевой раввин... – какой-то частью мозга Пьеро понимал, что говорит лишнее, но сердце его рвалось открыться, рассказать всё, больше чем всё, вынести на свет самое сокровенное, ибо только так он может заслужить благосклонность небожительницы.

– Пфуй, как неинтересно, – недовольно сказала поняша, отворачивая мордочку.

Пьеро глухо зарыдал: он понял, что всё испортил. Ему нужно было сказать о главном, о своей любви – а он оскорбил слух прекрасной дамы каким-то нелепым отчётом о ненужных, неинтересных вещах.

– Не волнуйся, маленький, я тебя возьму с собой, ты всё расскажешь кому следует, тебя выслушают, – подарила она ему тень надежды.

Несчастный поэт закричал, как стрелой пронзённый: истерзанная душа его разрывалась между желанием служить няше и желанием обладать ею, овладеть ей прямо здесь, сейчас, на этой поляне, вмять своё тело в её, вознись свой хуй в её плоть, в сладчайшее лоно, сплестись в единый клуб, ебать, ебать, ебать, ебать – а если это почему-либо невозможно, почтительно служить ей всю жизнь, отдать ей всего себя, чтобы когда-нибудь заслужить величайшую милость: быть растоптанным её пресвятыми копытцами.

Поняша недоумённо повернула изящную голову, склонилась над ним – и лицо Пьеро снова обдало лёгкое дыхание.

– Ох, маленький, как же это – мы ведём себя нехорошо, огорчаем нашу хозяйшку? – и опять этот медовый голос, мучительно ласкающий слух. Пьеро уже не мог сдерживаться, он открыл своё сердце навстречу этому голосу и выплеснул наружу свою боль и неистовое желание.

Эмо-импульс накрыл и затопил увядающую поляну. Зашуршала, распрямляясь и вставая, поникшая было трава, оглушительно застрекотали-зазвенели цикады. В кустах, наполнившихся движением, завозились насекомые и птицы, прыгая друг на друга в неистовой жажде сношения. Даже прилипшая муха ожила и попыталась согрешить с трещинкой на губе поэта, но не смогла – и упала во вздыбленные травы, похотливо суча лапками.

Лошадку тоже проняло – да так, что она буквально слетела с копыт. Тело её осело в траве, чем и воспользовался воспрянувший поэт. Со страстным стоном он обнял её за шею и зарылся лицом в гриву, покрывая нежную кожу лобзаниями, жаркими до боли.

– Не надо так... ну позязя... – простонала сражённая поняша.

Горячий язык Пьеро прошёлся по её шее, оставляя на нежнейшем голубом подшёрстке трагически-влажный след.

– Что ты со мной делаешь... – только и смогла выговорить пони, когда Пьеро добрался до тугого животика, где розовело маленькое упругое вымя с напряжёнными сосками.

Вконец разомлевшая поняша закатила глаза. С опустившейся в страстной гримаске губы потекла слюна, хвост сам собой задрался и отодвинулся в сторону, открывая сокровенные уголки. Из горла вырвалось хриплое, призывное ржанье.

Пьеро оторвался от вымени и бросился, как на амбразуру, на круп любимой, срывая с себя одежду.

– С-скобейда! – только и сказал Карабас, встряхивая головой и пытаясь удержать чих. Не получилось: механизм заработал, в груди бухнуло, тело раввина содрогнулось.

Арлекин, сидящий у корней пинии и от нечего делать крутящий в руках бэтмена, ища у того хоть какую-нибудь дырку, чтобы присунуть, поднял голову и ухмыльнулся.

– Шеф, чё стряслось?

Карабас не отвечал, раскачиваясь и громогласно чихая. Из бороды раввина сыпалась то ли перхоть, то ли дорожная пыль.

Наконец приступ кончился. Вспотевший, вымотанный бар Раббас утёр пот со лба и со вздохом уселся на повалившийся сосновый ствол.

– Влип наш Пьероша, – сказал он Арлекину. – Хочешь, покажу, что сейчас у него делается?

Арле кивнул – и через секунду подпрыгнул на месте, схватившись обеими руками за причинное место.

– Буэээ! Шеф, ну нельзя же так... – простонал он. – С кем это он?

– С поняшей, – вздохнул Карабас. – Рановато мы их встретили, я думал, они далеко от Кавая не уходят... Дай-ка я её голову посмотрю... – Ффффу, никак не могу прорваться через хочку, – пожаловался он через некоторое время. – Ладно, мы с подсознанки зайдём... А, поняша непростая. Грациозность – двести с гаком, не меньше. То есть это почти пуся, ей бы в балаклавке ходить... н-дя...

– Чего? – не понял Арлекин.

– Ну смотри, – Карабас, как всегда после чихания, был крайне благодушен и даже позволял подчинённым задавать глупые вопросы. – У поняш – естественная иерархия по уровню няшности. Обычная няшность – граций сто. То есть это, конечно, прелесть, но не прелесть-пре-лесть. Хотя эффект накапливается. Если находиться рядом с поняшей, она тебя со временем подчинит. Но чтоб вот так размазать, подмять и в себя влюбить – это могут только девочки за двести граций. А бывают и выше. Которые образуют Высший Полусвет и имеют право посещать Пуси-Раут. Что такое раут, слышал, задрыва?

Арлекин помотал головой.

– Званный вечер без танцев. Что такое званный вечер, тебе хоть понятно?

– Поебушки, что ли? – сообразил Арлекин.

Карабас усмехнулся в бороду.

– Не совсем. Они там решают вопросы. Можно сказать, что это высший совещательно-консультативный орган, с некоторыми правами законодательного. Но не то чтобы парламент... – раввин задумался, копаясь в бороде. – В общем, там всё определяет не подсчёт голосов, а интриги. Что такое интрига, знаешь?

Арлекин утвердительно закивал.

– И что же это, по-твоему? – не отставал Карабас.

– Ну... когда ты чем-то занят, вокруг не смотришь, а кто-то сзади подобрался и присунул, – объяснил тот.

– В чём-то ты прав... – задумчиво протянул раввин. – Только они это делают словами. И няшем. А чтобы друг друга не обнять в патоку, они носят балаклавы, такие мешки на головах, что ли. Если мордочки у поняши не видно, няшность снижается до терпимой. Ну хоть это тебе доступно, педрилка картонная?

– А что такое картонная? – недоумёл Пьеро.

Бар-Раббас только рукой махнул – потом, мол, не в этом соль.

– Так вот, на нашего Пьерика набрела поняша. И включила на него теплоту, причём успешно. Вот только он её, паршивец этакий, своим эмо-полем накрыл. Они и склеились. То есть смотри, что получается: она его няшит, он её любит и хочет, накрывает чувствами, она от этого плывёт и ещё сильнее няшит. В общем, замкнутый круг. И теперь они будут любить друг друга до отвала. Чёрт, как же мне сигары не хватает...

– И чего? Мы будем тут ждать, пока они наебутся? – не понял Арлекин.

– Spiritus quidem promptus est, – пробормотал раввин. – Наебутся и отрубятся. Главное, чтобы мозолей себе не натёрли. Хотя и натрут – невелика беда... А с этой пусей я потом сам поговорю. Всё равно идти через них, не так ли? Нам нужен легальный статус и источник средств. Ты же не хочешь топтать до Директории своими ногами? И, наверное, тебе нужен ежедневный завтрак, обед и ужин, в отличие от нашего дорогого Базилио? Так вот, мы заявим себя артистами. По понятиям у артистов есть право свободного прохода. Я буду директор труппы, вы с Пьеро – актёры, устроим эмпатетический театр. Девочки любят слэш. Будут течь с брызгами и нести нам маленькие золотые кружочки, кои мы все так любим, – раввин зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Эмо-театр? Слэш? То есть мы с Пьеро со сцены? – дошло до Арлекина. – А что, шеф, нехилая идея. Если это будет такой же отвал башки, как сейчас... А всё-таки Мальвина – скорбейда, схуялую крытая, – нелогично завершил он.

– Кто бы спорил, только не я, – раввин вытянул из травы упругую былинку, сгрыз мягкий кончик и принялся ковырять между зубами, пытаясь достать застряшку.

– Шеф, извините, я вот что подумал, – забеспокоился вдруг Арлекин. – А на вас их няшность действует?

– Увидим, – неопределённо сказал раввин. – А сам не боишься?

– Вот ещё, – усмехнулся Арлекин, – чтобы меня обаяла какая-то гадина двужопая? Если бы мальчишка – другой разговор.

– Мальчишки там есть, – усмехнулся в бороду бар Раббас. – Правда, у них с няшностью проблемы. Да и мало их.

– Ну я и говорю, бабы – гадины двужопые, – вывел мораль Арлекин. – Так что там у Пьера? Он кончил или как?

Карабас закрыл глаза, сосредоточиваясь.

– Кончил уже раз пять, – сообщил он. – И продолжает наяривать... Ого, ну и даёт лошаденция! Даёт и даёт...

– Обломинго ей в хвост и в гриву, – недовольно проворчал Арлекин. – Пьерошечка теперь от неё вообще не отлезет. А как же я? Ах да, театр же... Пьерчик по жизни деф, зато когда припрёт – жопу порвёт, а задание выполнит, – признал он.

– Да, это у него есть, – согласился Карабас. – Так что считай, что наш коллега при исполнении. Делает нам рекламу.

Глава 10, в которой наш юноша наживает себе врага в собственном доме

14 октября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Е.

Комната 11.

Ближе к вечеру.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Входящие /000768041630

ДОКУМЕНТ: запрос на изменение данных личной карточки

ФОРМА ДОКУМЕНТА: стандартная

ИНИЦИАТОР ЗАПРОСА: Ib 34674 (Джузеппе Сизый Нос) с
разрешения Научного Совета

ИЗМЕНЯЕМАЯ КАРТОЧКА: Ib 15808 (Карло Коллоди)

ИЗМЕНЯЕМОЕ ПОЛЕ: Применение

БЫЛО: мастер-оператор клеточного секвенсора Sherman/KA-5003

СТАЛО: лаборант

Пакет принесла мышка, очень похожая на Гаечку, в розовых шортиках под цвет кончика хвоста. В другой момент Буратина непременно попытался бы в эти шортики залезть. Но сейчас было не до того: пакет был из Центра и в нём лежала судьба папы Карло, а вместе с ним и его собственная. Поэтому он отправил мышку восвояси, а пакет вскрыл, откусив от него уголок и потом разорвав.

Извещение он прочёл пять или шесть раз подряд, с трудом шевеля деревянными губами – буквы плыли перед глазами, слова не складывались в предложения, смысл ускользал. В конце концов он сосредоточился на последних двух строчках, и тут до него дошло.

Когда папа Карло вернулся, Буратина сидел на полу и рыдал бурными слезами, размазывая их по физиономии.

– Яюшки, яюшки, скобейда дефолтная, – бормотал он, раскачиваясь, как педобир на молитве. – Ну это же так нельзя! Это... это... – он попытался вспомнить слово, отсутствующее в его актуальном лексиконе. – Это говнище какое-то! – обошёлся он привычным оборотом.

– Ты хочешь сказать, что это несправедливо, – печально усмехнулся Коллоди. – Ответ неверный. Смотри сам. Моя работа была целиком завязана на секвенсор. Точнее, на конкретную модель. Sherman/KA-5003. Я профессиональный шерманщик, за что и был ценим. Шарманку я знал как свои пять пальцев. На другом оборудовании я работать не умею. То есть умею, но паршивенько. На лаборантском уровне. С компетентностью где-то на троечку. Вот меня и понизили в лаборанты. Из отдела меня, соответственно, погнали, ключи от лаборатории отобрали. Хорошо хоть оставили эту каморку. И то – потому, что она на хрен никому не нужна. Ну, конечно, кроме... – тут доктор как-то очень уж резко прервался.

– А со мной как? – бамбук, пережив первый шок, вспомнил о самом важном на свете – о себе.

– С тобой сложно, – вздохнул Карло. – Джузеппе настаивает, чтобы тебя отправили на общее и потом в прислугу. Или вниз на препараты, если ты окажешься не годеи для службы. Я его отчасти понимаю. С его изделиями я поступил именно так, ему хочется поквитаться. Может быть, я бы даже не возражал, пусть спустит пары. Но ты уже прошёл первый ребилдинг. И стал несколько умнее. Я настоял на том, чтобы ты остался при мне в статусе эволюэ. Жить будешь пока здесь. Потом что-нибудь придумаем.

– Спасидо, папа, – только и смог выдать из себя Буратина.

– Спасидо на хлеб не намажешь. Учти, мне сейчас не до тебя. Нужно решить ещё несколько вопросов. Располагайся пока. Убери, что ли, со стола... Хотя нет, я сам разберусь. Сиди тут, короче. Покедова.

Он развернулся и ушёл, хлопнув дверью.

Буратина не помнил, сколько времени просидел на койке, уставившись в пол. Внутри у него было очень скверно – ну примерно так скверно, как будто с него сняли по сотне баллов за соцприспособленность и сообразительность, а потом ещё он был побит на спарринге конём, и тот конь хорошенько прочистил ему задницу по праву победителя... Нет, даже хуже. Буратина не знал, как это называется, но ему было очень плохо.

– Я всё слышал. Сочувствую, – раздался почти что над ухом голос сверчка. Тот, оказывается, выполз из своей щели и снова устроился на прежнем месте, уцепившись за едва заметные неровности стены.

– Вообще говоря, насколько я знаю эту вашу социальную систему, которую – повторю это ещё раз – я считаю аморальной и неэффективной, положение доктора Коллоди не столь уж плачевно, как может показаться. Его лишили статуса, потому что сломалось оборудование, на котором он работал. Однако наш доктор стрессоустойчив и не лишён определённых волевых качеств. И к тому же вполне способен обучаться. Конечно, после шермановского секвенсора осваивать более примитивную технику тяжело. Тем не менее у него есть шансы со временем вернуть себе утраченное положение. Важно вот что: пока у него остаётся на попечении хотя бы один эволюционирующий, они не могут совсем лишить его доступа к трансгенным исследованиям. А вы, насколько я понимаю, и есть его... как бы это выразиться... питомец?

– Ну, – буркнул Буратина. – Папа он мой, – добавил он зачем-то.

– Хмм. Отец? Вы хотите сказать, что являетесь носителем его генов? Никогда бы не подумал, – сверчок скептически повёл усиками.

– Он меня ребилдил, – объяснил бамбук.

– А, в этом смысле. Так вот, послушайте меня. Сейчас ваша дальнейшая судьба висит буквально на волоске. Достаточно доктору Коллоди... ах да, теперь он всего лишь лаборант, и звание за ним сохраняется только символически... так вот, достаточно вашему отцу сделать хотя бы одну маленькую ошибку, и его отстранят от трансгенных работ. Для вас это будет означать... впрочем, к чему эти уводящие вдаль недоговорки? Вас просто вернут в вольтер. Где вы окажетесь во власти господина Джузеппе, с некоторых пор не питающего к вам особых симпатий. Вы улавливаете мою мысль? Вы хотя бы слушаете?

Буратина кивнул: он и в самом деле слушал и даже старался понять, что говорит Замза.

– Ага. Вижу, даже ваши деревянные мозги зашевелились... Что ж, в таком случае постарайтесь понять, что я вам скажу. Вам необходимо – да-да, жизненно необходимо! – продемонстрировать убедительные успехи в автоэволюции. Дальнейший ребилдинг и обучение в Центре вам, скорее всего, будут какое-то время недоступны. Вам наращивали мозг?

– Ага. Лобные доли. Давно уже, – добавил бамбук, тщетно пытаясь вспомнить, когда, собственно, это было. С чувством времени у него было тоже неважно.

– Давно? Непохоже что-то. В любом случае, терять время вам нельзя. Без интенсивного обучения новые клетки просто отомрут. Дефолт мозга – вот ваша судьба, если вы немедленно не возьмётесь за интенсивное обучение. Попробуйте уговорить вашего, так сказать, отца, отдать вас в хорошее частное училище. Это, конечно, требует вида на жительство вне Центра. Не знаю, насколько сложно его сейчас получить. Лет десять назад, насколько я помню, это не составляло большой проблемы. С платой за обучение могут быть разные накладки. Хотя, наверное, у Карло остались какие-нибудь сбережения... Впрочем, это мы обсудим подробнее, когда он вернётся, – насекомое, тряся усиками, спустилось пониже, с явным намерением устроиться на полу.

– Погодь-погодь, – прервал его Буратина. – Ты-то тут каким боком? Папа сам разберётся. И вообще, – у деревяшкина проснулся наконец инстинкт защиты личного пространства, – что ты такое говорил насчёт того, что ты тут живёшь? А по какому праву? Кто тебе тут ползать разрешил, чмошник?

Насекомое резво попятилось вверх.

– До сих пор моё право на пребывание здесь никем не оспаривалось, – зашипело оно, разинув жвалы.

Это Буратина понял правильно.

– Значит, никто не разрешал. Прижился тут, ещё и хозяйничает. Ах ты столетняя букашка-таракашка, – последние слова деревяшкин произнёс с особенным удовольствием. – Так вот, меня здесь поселил папа. Здесь я хозяин. Убирайся отсюда.

– Вы... вы унизились до демонстрации примитивных собственнических инстинктов! Одумайтесь! Вы не в вольере! – задохнулось от возмущения насекомое.

– Тогда дерись. Вызываю тебя на спарринг, – оскалился бамбук и поднялся с койки.

– Ах вот вы как... Угрозы и грубое насилие, как это по-гойски... Что ж, я не в силах противостоять открытой агрессии. Я уйду, хотя мне грустно покидать комнату, где я прожил целых сто лет, – быстро проговорил жук, подрагивая тельцем и осторожно переставляя лапки. – Однако, прежде чем я уйду, послушайте всё же один полезный совет, – голос жука стал сладким, но с издевательской ноткой. – Попробуйте всё же как можно скорее попасть в хорошее училище. Я бы рекомендовал Хогвардс или Аусбухенцентрм, там по крайней мере чему-то учат... И поторопитесь. То есть поторопите своего любезного папочку. В противном случае вас ждут, да простится мне подобный оборот речи, ужасные опасности и страшные похождения. Мне будет, разумеется, очень жаль, но в случае промедления вам придётся пролить горькие слёзы. Ибо, – тон господина Замзы стал откровенно угрожающим, – если вы не уберётесь отсюда вон в сколько-нибудь приемлемые сроки, я не дам за вашу жизнь и дохлой сухой мухи.

– Почччему? – у Буратины слегка заклинило челюсть.

– Потому что у тебя пойершер холцкоп¹¹! Францн зол дих уфэсн ун ди нос зол дир аропфалн!¹² – злобно прошипел сверчок и клацнул жвалами.

Буратина не понял ни слова, но интонацию воспринял однозначно. Он вскочил на стул, со стула на стол, схватил первый попавшийся предмет потяжелее (им оказался молоток) и со всей силы запустил его в Грегора Замзу.

Бамбук целил в головугрудь. Однако Замза, проявив неожиданную резвость, спрыгнул на пол. Молоток просвистел над ним, ёбнул в стену, отлетел и зафиндился под койку.

Буратина, не утоливший ярости, с диким воплем бросился на сверчка.

Замза, однако, оказался не такой уж лёгкой добычей. Деревяшкин не успел спрыгнуть со стола, как Грегор резво вскочил на ножки, сиганул прямо в голограмму и пропал. Из-за пламени очага донесся хитиновый скрип – видимо, сверчок протискивался в какую-то узкую щель, – задыхающееся «антисемитизм кругом!» и шум падения.

Бамбук вздохнул. Преследовать юркого сверчка не имело смысла. Оставалось надеяться, что неприятное насекомое навсегда убралось из этой комнаты.

¹¹ «Глупая деревянная голова» (*идиши*).

¹² Сверчок желает Буратине (тоже на идише), чтобы его пожрал сифилис и у него отвалился нос.

Глава 11, из которой мы кое-что узнаём о властях Директории и их управленческом стиле

13 октября 312 года от Х.

Директория. Резиденция губернатора. Малый приёмный зал.

Утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 1209

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: неизвестно

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: неизвестен; вероятно, более 100 лет

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: около 60 биолет

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 8210

ОСНОВА: гиппопотам

ПОЛ: мужской

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человек

ПРИМЕНЕНИЕ: общее руководство системой исполнительной власти в

Директории

* SPECIAL ABILITIES: телепат, психократ

* НАГРАДЫ. Великий Мастер и Гранд-Кавалер Ордена Третьего Глаза

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Наполеон Морган Гейтс Пендельшванц

КЛИЧКА: [...] (известна только *братьям*)

Белые атласные соцветия звёздчатого остролиста вокруг бассейна губернатору были не по нутру. Он недолюбливал эти мертвые, холодные цветы, чья форма безупречна, пронзительная белизна не имеет изъяна, одеколонный аромат хищно заполняет помещение любой кубатуры. Однако выбора не было: остролист дезинфицировал воду и воздух, а плоть губернатора была восприимчива к последним версиям древнего как мир гриппа.

Разумеется, простейший ребилдинг с коррекцией генома навсегда избавил бы господина Наполеона (а также Моргана и Гейтса) Пендельшванца от этой напасти. Но губернатор категорически не желал каких бы то ни было лишних вмешательств в свои гены. Он боялся потери способностей психократа. Увы, опасения были небеспочвенны. Даже Принятие Третьего Глаза – обряд необходимый, даже неизбежный в его-то положении – обернулось двухмесячным бессилием и не вполне полным восстановлением... К тому же остролист хорошо помогал от газов в желудке.

Губернатор с шумом вынырнул из воды, отфыркался, положил передние лапы на край бассейна. Решил, что пора сменить воду: он только что обильно помочился, и влага приобрела неприятный привкус. Сделал ещё одно усилие, подтянулся и вылез на подиум. Прижмуриив верхний глаз, нажал на педаль и включил душ. Сверху с шипением ударили струи воды, оmyвая складки тяжёлого розовато-бурого тела.

Пендельшванц вытянул массивное рыло и с наслаждением почесался о металлический кронштейн. Нижние глазки его блаженно сощурились.

Начальник полиции, сидящий на гостевом месте, посмотрел на губернатора с тоскливым нетерпением.

– Надо что-то решать, – напомнил он.

Полицейстеру было жарко. Хотелось лечь на холодный пол и вывалить язык. Вместо этого он сидел, оттопырив волосатые локти, за мраморным столиком с подагрическими ножками и облупившейся столешницей, на которой можно было разобрать остатки инкрустации: циркуль и наугольник.

– Я не уверен, что надо что-то решать сейчас, в данный момент, – голос господина Пендельшванца был низким и хриплым, каким и полагается быть голосу большого начальника. – Что нам, собственно, известно?

– Нам известно, что на нашей территории действуют агенты Тора-Боры, – ответил полицеймейстер.

– Во-первых, не на нашей, – поправил бегемот, зыркнув на него левым чёрным глазиком.

– В непосредственной близости, – поправился полицеймейстер, сдерживая рвущееся из глотки рычание.

– Так-то лучше. Devil in the details. Во-вторых, откуда нам это известно? От них же. Что делает исходное утверждение сомнительным.

– То есть? – не понял честный служака.

– Смотри. Что мы знаем точно? Что старая военная база, в которую до сих пор никто не мог проникнуть, занята двумя существами. Которые связались с нами и заявили о себе как о бывших агентах Тора-Боры. Насколько это соответствует истине, мы не знаем. И проверить не можем. Мне эта версия кажется маловероятной. Хотя бы потому, что пресловутая тораборская группа должна пройти или через поняш, или через шерстяных. И тот и другой путь заканчивается примерно одинаково. Правда эта, как её...

– Мальвина, – подсказал полицеймейстер.

– Мальвина, да, – бегемот задумчиво поскрёб пузом о подиум. – Мальвина утверждает, что группа состоит из очень сильных паранормов, включая психократа вне категорий. Тем не менее даже очень сильный паранорм сделан из мяса. Против достаточно грубой физической силы у них нет шансов. А шерстяные умеют быть достаточно грубыми. Точно так же я не представляю себе, как можно пройти мимо поняш, не подчинившись им. Разве что идти с завязанными глазами и заткнутыми ушами... и то вряд ли. Но, допустим, они пройдут. Это значит, что они не просто сильны, а *очень* сильны. Настолько сильны, что нам лучше обращаться с ними максимально предупредительно.

Пёс ощерился. Из-под самого носа, где сходились чёрные подрагивающие брыли, высунулся кончик лидокаинового жала.

– Не психуй, – Пендельшванц зыркнул на полицеймейстера верхним глазом. – Я не сказал, что мы должны им стелить ковровую дорожку. Я говорю о том, что не стоит начинать с конфликта. Мы относимся к тораборцам настороженно. Не враждебно. В конце концов, мы с Тора-Борой – соперники, но не враги. Мы находимся слишком далеко друг от друга, и у нас разные интересы.

– Прошу прощения, шеф, – полицеймейстер сказал это сквозь зубы, потому что отчаянно боролся с желанием почесать себя ногой за ухом, – но наша ситуация кардинально изменилась. Вблизи нашей территории действуют как минимум четверо агентов Подгорного Королевства. Все они – паранормы. У нас есть свои паранормы?

– Ты не хуже меня знаешь, что все наши, кроме меня – перебежчики из Страны Дураков, – просипел бегемот, осторожно прихватывая губами соцветие остролиста. – Третий сорт. Несколько телепатов, довольно много эмпатов. Ни одного психократа...

– Кроме вас, – заметил полицеймейстер.

– Кроме меня, оуёёо! – Пендельшванц смачно зевнул огромной пастью, показав жёлтые клыки. Подбородки затряслись, из розовых щёчных складок показался почерневший обломок рудиментарного рога. Откуда в генах господина губернатора взялась носорожинка, никто толком не знал. Да и не взялся бы выяснять: интерес к генетической карте господина Наполеона Пендельшванца считался весьма предосудительным.

– На самом деле, – продолжал бегемот, – я довольно посредственный психократ. По нормативам Тора-Боры – второй категории, хорошо, если не третьей. Правда, я неглуп. – Это было сказано без рисовки: губернаторский ПҚ переваливал за полторы сотни, и все это знали. –

Благодаря этим обстоятельствам я могу плескаться в бассейне, а не чистить отстойники, как прочие изделия моей основы. Но по сравнению с отборными агентами Тора-Боры я мало чего стою. Поэтому мы не будем с ними ссориться. Э-кхх-ыыыы, – бегемот трубно рыгнул, напустив в воздух крепкой вони из желудка. – Что-то у меня с пищеварением проблемки... Слушай внимательно. Наша задача – защитить Центр. Но не переусердствуй. Никаких изменений режима. Никакого замазывания щелей, входов-выходов и прочей потетени. Всё, что нужно – больше глаз и ушей. Если они в самом деле что-то задумали, рано или поздно они выйдут на связь со своими агентами в Центре. Если агенты будут выявлены – никаких арестов, никаких телодвижений, вообще ничего. Ни-че-го. Может быть, мы вообще не будем им мешать. Или будем. В зависимости от того, чего им у нас надо.

– Вот в том-то и вопрос. Что им надо? – сказал полицмейстер.

– Я не знаю, и ты не знаешь, – констатировал Пендельшванц. – Однако чует моя старая жопа, что они собрались чего-то найти. Очень конкретное. И очень ценное для них. Не факт, кстати, что это представляет ценность для нас тоже... Я не исключаю возможности, что они придут поторговаться. Поэтому нам нужна – что?

Начальник полиции почувствовал, как его гортань немеет, а язык начинает сам шевелиться во рту, как змея, заползшая в горло.

– Сдер... жан... ность, – выдавил из себя он, хотя и не желал произносить этого слова.

– Пфффу! – сказал Пендельшванц, поскользнулся и плюхнулся в бассейн, подняв тучу брызг. Не очень чистая вода выплеснулась, прокатилась по полу, облизала чёрные туфли полицмейстера и отхлынула.

– Ты не слишком сопротивлялся, – попенял губернатор псу, выныривая, – хотя и я не особо напрягался. Неприятно, когда тобой управляют? Теперь прикинь: против психократа вне категорий у тебя нет ни одного шанса. Поэтому – осторожность во всём. Наша политика – оборонительно-выжидательная.

– А если они намерены свергнуть *вас*? – нашёл в себе мужество полицмейстер.

– На определённых условиях я принял бы и это, – спокойно сказал бегемот, осторожно приподымая переднюю часть туши. – Скажу больше: если Тораборский Король решил бы взять на себя ответственность за Директорию, я бы, вероятнее всего, согласился. Поскольку знаю, что такое решение он может принять только по воле и с согласия Братства. К тому же я ничего не теряю, кроме постоянной головной боли. Убивать меня им незачем. Я кое-что могу и очень много знаю. Деньги у меня есть. На персональный бассейн и сечку с дрожжами – хватит. В самом крайнем случае меня куда-нибудь сошлют. Что ж. Пожить в тихом затоне – не такая уж плохая идея. В последние годы я и сам подумываю о чём-то в этом роде...

Пёс недовольно стукнул хвостом по полу и потряс им, рассыпая в воздухе мельчайшую водяную пыль.

– Но Подгорный Король такого решения не принимал, – гнул свою тему бегемот. – Потому что если бы он его принял, он связался бы со мной и поговорил как с *братом*... Нет, тораборцы пришли не ко мне. Им что-то здесь нужно, рог даю на отсечение... Гены, оборудование, какая-то информация? – он уставился красным глазом в потолок. – Нет, не то. Всё не то, – решил он. – Пожалуй, я знаю только одну вещь, за которой стоило бы посылать такую экспедицию. Хорошо, что я не верю в эту вещь. Это было бы слишком.

– Слишком чего? Слишком хорошо или слишком плохо? – не понял начальник полиции.

– Просто – слишком. Наш мир – дерьмо. Однако мы сумели в этом дерьме как-то устроиться. Но если *аркан шем тарот* действительно существует, это значит... это значит... – бегемот умолк.

– Значит что? – не выдержал электрический пёс.

– То и значит. Например, решится масса проблем. В том числе и проблема существования Директории в её нынешнем виде. Ладно, сейчас не до этого. У нас есть ещё один вопрос, и

тоже связанный с базой. Я намерен подписать разрешение на поисковую экспедицию в этот район. Роджер давно туда рвётся, а у нас, кажется, образовалось прикрытие.

– Роджер? Этот психованный заяц? – полицеймейстер хищно поддёрнул брыли. – После каждой экспедиции он заваливает меня кляузами.

– Не заяц, а кролик. Кролики обижаются, когда их путают с зайцами. Да, он психопат. Но он наш лучший археолог и добыл много ценного. У него есть чутьё, это главное. А сейчас он уже подготовил партию и собрался копать. Ничего, пойдёт в другую сторону. Думаю, он будет не против. Эта местность его давно интересовала, но мы не могли рисковать. Туда мог заявиться кто угодно.

– То есть шерстяные, – договорил пёс.

– Да. Но через расконсервированную базу они не пройдут. Не станут и пробовать. От лёгкой добычи они не откажутся, да. Но лезть под управляемые ракеты? Нет.

– Если только Мальвина их не пропустит. И сама не захочет поживиться, – заметил полицейский.

– Мальвина никого не пропустит. Для неё контроль территории – вопрос выживания. Она может уничтожить экспедицию, но зачем? Устроить набег, отнять интересные находки? Ей-то они к чему? К тому же для нападения нужна живая сила, а их всего двое... Пока двое, – поправился губернатор. – Кстати, это повод, чтобы поторопиться. Подпишу сегодня же, и пусть наш храбрый кролик выдвигается так быстро, как сможет.

В дверь постучали. Господин Пендельшванц слегка повернул голову. Шейные складки дрогнули.

– Это по нашу душу. Нефритовое Сокровище, – сообщил он полицеймейстеру. – Что-то он зачастил с визитами.

– Семнадцать Дюймов, что ли? – уточнил пёс.

– Он самый, – вздохнул бегемот. – Наш хороший, наш любимый рогоносец. Денег будет просить, я полагаю. А я постараюсь ему их не дать. Выйди пока... Хотя нет, постой, ты мне нужен, – бегемот принял какое-то решение. – Мы потребуем от него внеплановой проверки сотрудников Института. Пусть их безопасники заново прошерстят всех, кто имеет хоть какое-то отношение к перспективным исследованиям. Всех, включая старые кадры. Вплоть до обысков и прослушки.

– Без всяких оснований? Нефритовое Сокровище доверяет своим сотрудникам, – напомнил пёс, качнув полувысунутым жалом.

– Основание будет. Скажешь, что у тебя есть агентурная информация об утечках материалов и оборудования. А я скажу, что не подпишу его счета, потому что не хочу класть деньги в дырявый карман.

– А если они ничего не найдут? – с сомнением в голосе спросил полицеймейстер.

– А тогда этим займёшься ты лично. Фффухх, – бегемот с шумом провентилировал лёгкие.

Стук в дверь повторился.

– Ладно, не будем заставлять ждать почтеннейшего. Открой ему.

Полицейский встал, пошёл к выходу, остановился.

– Шеф, – сказал он. – Вы уверены, что это необходимо?

– Не знаю! – рявкнул бегемот, разинув пасть и показывая клыки. Все три глаза налились дурной кровью. – Считай, что я просто прикрываю задницу, – сказал он уже спокойнее, сполз вниз и с облегчением пустил ветры, вызвав в бассейне маленькую бурю.

Глава 12, в которой две благородные души мучительно разрываются между страстью, честью и долгом

25 октября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Е.

3-й надземный этаж, общежитие для сотрудников, комната 311.

Позднее утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 318461

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 25 августа 288 г.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 24 года

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 24 года

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС AРIF: 8110

ОСНОВА: лисица

ПОЛ: женский

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человек

ПРИМЕНЕНИЕ: трансгенные операции, вектор-мастер 1-й категории

* SPECIAL ABILITIES: векторная проказа 1-й степени; неизлечимо, поддерживающие процедуры; особые ограничения (см. Приложение 3)

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Алиса Зюсс

КЛИЧКА: Алиса

Алиса проснулась от судорожных сокращений матки. Ей снилось, как на неё навалился огромный дракон со многими членами, и она должна была принять их в себя все сразу. Она беспомощно распяливалась, раздвигалась, чтобы они вошли, уды не лезли, хотя она с воем насаживалась на эту связку мясных поленьев, пытаясь запихнуть её в своё горящее нутро. «Порви, порви меня!» – кричала она беззвучно, но драконья туша только наваливалась и давила, мешая ей отдаться по-настоящему. И когда наконец самый толстый уд всё-таки проник в её лоно, сон кончился.

Лиса шевельнулась, и тут же включился патефон-будильник с заветным песнопеньем Круга Наутилуса:

Я очнулся рано утром,
Я увидел небо в открытую дверь.
Это не значит почти ничего,
Кроме того, что, возможно, я буду жить...

Лиса со стоном открыла глаза. Увидела белые стены, серые жалюзи и тумбочку, на которой лежали её вещи – пневмошприц с ингибитором векторной активности, капсула с прогестероновым препаратом и фалло-имитаторы, анальный и вагинальный. Как обычно, она подумала, какую вещь из этого набора она ненавидит больше всего. И, как обычно, не пришла ни к какому определённом выводу.

– Я буду жить еще один день, – пел человеческий голос из запредельной дали времён. – Я не смертельно болен...

– Я больна, – вспомнила Алиса то, что всегда вспоминала, просыпаясь. – Я почти не смертельно больна.

Она осторожно подвигала лапами. Ничего не почувствовала. Потом ступнями – вроде бы тоже всё нормально. Но когда она попыталась согнуть колено, его пронзила острая боль: похоже, взбесившимся векторам вздумалось что-то переделывать в суставной сумке. Оскалившись, она дотянулась до пневмошприца и вбила себе под колено две дозы анальгетика.

Лиса сделала глубокий вдох, ещё немного подвигалась, поёрзала, пытаясь понять, есть ли другие проблемы. Вроде бы ничего не обнаружилось: поджелудочную не кололо, почки не тянуло, печень не подавала признаков неудовольствия, сердце вроде бы тоже работало бесперебойно. Только матка, как обычно, тряслась от возбуждения – лисьи фолликулы выбрасывали в кровь zapредельные количества эстрогенов.

И не выйду отсюда, пока не придет,
Не выйду отсюда, пока не придет
Доктор твоего тела,
Доктор твоего тела.
Доктор твоего тела,
Доктор твоего тела... –

пел голос.

Алиса протёрла глаза, облизнула пересохшие губы и взяла капсулу. В принципе, желательнее было бы сначала помастурбировать, но ей было противно начинать с этого день. Она открыла рот, кинула капсулу на корень языка, проглотила, подождала. Легче не стало: матку по-прежнему корёжило, колбасило и плющило.

Я не буду лгать врачу:
Это было и раньше, мой приступ не нов.
Это не значит почти ничего,
Кроме того, что, возможно, мы будем жить, –

древнее песнопение отдавалось где-то под хвостом, в пахучих железах. В какой-то момент стало так плохо, что она не удержалась и выпустила лисий запах – пустой, ненужный запах течной самки. Которая не может, не смеет делать то, для чего предназначена её основа, её порода.

Я буду жить еще один день,
И будет еще одна пьяная ночь,
Как пыльная моль на подушку присела... –

пел голос.

Матку скрутило так, что у Алисы потемнело в глазах. Несчастная лиса схватила фаллоимитатор и со стоном вогнала его в распухшее, страдающее лоно. Плоть покорно хлюпнула. Она привычно подвигала латексной палкой, достала до шейки матки и принялась ожесточённо долбить её, ожидая оргазма. Безрадостного, как все её оргазмы.

– Я пытался уйти от любви, – запел голос из бесконечно далёкого прошлого. – Я брал острую бритву и правил себя... Я укрылся в подвале, я резал кожаные ремни, стянувшие слабую грудь... Я... хочу быть с тобой...

– Я хочу быть *собой*, – простонала лиса и кончила. Струйка мутной жидкости брызнула из неё вверх, окропляя смятую постель.

Лиса выдернула из себя ненавистный предмет, перевернулась на живот и больно укусила подушку.

«Почему я?» – в который раз подумала Алиса. Почему не мышка, не птичка, не какая-нибудь рептилия, которая может спокойно жить без секса? Почему именно она подхватила эту проклятую хворь? Векторная проказа, бешенство вирионов, которые после прошивки не умерли, а сохранились и до сих пор пронизывают и перестраивают её тело по своим идиотским, взбесившимся программам. Их активность нужно постоянно подавлять, иначе она превратится неизвестно во что. И это заразно – в случае контакта слизистых... Уникальный случай. Кажется, пятый или шестой за всю историю трансгена.

Этим даже можно гордиться, подумала она и заплакала – безнадежно, беззвучно. Слезы стекали по рыжей шерсти, зависая на белом пушке подбородка.

Наплакавшись, Алиса тщательно вытерла мордочку влажной салфеткой и встала. Нужно было идти к автоклавам – менять раствор у кролика и корректировать цыплю гормональный фон.

Вдруг её поникшие ушки вздёрнулись тревожно. По коридору кто-то шёл, и эти шаги были непривычными. Чьи-то копыта осторожно ступали по плиткам пола.

Алиса подняла голову, пытаясь разобраться, кто пришёл. Её изошённый слух распознавал всех обитателей общежития – у каждого была своя походка, каждую она изучила. Эти копыта были ей незнакомы.

Потом в дверь постучали.

– В-войдите, – сказала она, выключая музыку.

– Прошу меня извинить, госпожа Алиса, я без приглашения, – голос был глухой и ровный, как шум прибора. – Надеюсь, вы не заняты.

– Входите, входите, – повторила лиса несколько нервно.

Дверь отворилась, и в проём, склонив гордую шею, вошёл господин Нефритовое Сокровище – директор Института Трансгенных Исследований, благовещий единорог-цилинь.

От растерянности она села на хвост и тут же вскочила. Большой сустав злобно напомнил о себе.

Наблюдая за движениями единорога, Алиса в который раз поймала себя на мысли, что господин Нефритовое Сокровище был бы идеальным любовником. Она, как и все самочки в Институте, втайне обожала его белоснежную шерсть, рельеф грудных мышц, изящно очерченные задние ноги и, наконец, пах – великолепный пах производителя, нежную подпалину заповедного уголка, в котором скрывались семнадцать дюймов упругой плоти. О *других* семнадцати дюймах господина Нефритовое Сокровище Алиса старалась не думать никогда – они были желанны столь же, сколь и недостижимы. Ни для кого. Ни для неё, больной и несчастной, ни для здоровых и красивых самок, которые годами осаждали цилиня, страстно мечтая о такой награде. Увы, господин Нефритовое Сокровище, вообще-то охотно снисходящий до женских посягательств, в *этом* отношении был абсолютно неприступен.

– Доброго дня, госпожа Зюсс, – цилинь выпрямил шею, его драгоценный рог сверкнул, и сердце лисы оступилось, пропустив удар, – простите за неожиданное вторжение.

– Что вы, для меня это большая честь, – механически пробормотала лиса, пытаясь понять, что понадобилось всесильному директору в её жалкой комнатёнке.

– У меня не очень хорошие новости, – сказал цилинь, не сделав и попытки прилечь.

– Что случилось? – подобралась лиса. – Я что-то сделала не так?

– Это не связано с вашей работой, госпожа Зюсс, – вздохнул единорог, устраиваясь на полу. – Я имел в виду результаты последних экспериментов над вашими тканями. Они неутешительны. Ваша гипотеза о плазмидизации была красивой, однако она неверна. Добиться перехода ваших векторов в устойчивое лизогенное состояние не удаётся. Мы не знаем, почему репликация начинается снова и что её запускает. И мы не понимаем, как это узнать.

– То есть вылечить меня невозможно? Не стоит и пытаться? – голос лисицы не дрогнул.

– Боюсь, в обозримое время мы не сможем вам помочь, – цилинь качнул рогом, сияющая белая искра на его кончике дрогнула. – В связи с этим извещаю вас о том, что ограничения, наложенные на вас временно, с этого момента превращаются в постоянные. Прежде всего – запрет на половые контакты.

– Хорошо, что я и не начинала, – сказала Алиса. – Как-то легче.

– Правило касается только разумных, – напомнил директор Института. – Если захотите, можете завести себе партнёра с правами ниже недочеловеческих. Как вы понимаете, существо будет заражено, так что использование возможно только в эксклюзивном порядке. Сейчас мы передаём вниз несколько самцов. Если вы присмотрите себе что-нибудь, я немедленно подпишу все необходимые документы. Вы можете держать существо у себя в лаборатории, – добавил он.

– Спасидо. Но я не буду совокупляться с сырьём для биореактора, – лиса криво усмехнулась. – Благодарю за заботу, господин директор, и за то, что сказали мне это лично. А теперь прошу меня простить. Я занималась кое-какими гигиеническими процедурами. Й-извините, – она всегда немного запинаясь на этом слове, запнулась и сейчас, – но я не могу это делать при посторонних.

– Это не всё, Алиса, – голос единорога чуть изменился. Совсем немного, но сердце лисы снова сбилось.

– Вы же знаете, что тот ребилдинг был проведён по экспериментальному методу? – спросил господин Нефритовое Сокровище. – И что разрешение на эксперимент подписал я?

– Да, знаю, – Алиса постаралась не выдать себя голосом. – Вы же не хотели ничего плохого. Как и мы все. Сорок процентов моих изделий идут вниз. Это больше, чем у обычных вектор-мастеров.

– Подождите, – цилинь был настойчив. – В ходе исследований мы брали тканевые пробы. И выяснили ряд любопытных моментов. Ткани некоторых существ устойчивы к векторной проказе. К сожалению, причины этого так и не удалось выяснить. Но такой эффект существует. Например, ткани тараканов...

– Может быть, потом? – попросила лиса.

– Буквально одну минуту... В частности, это касается моих тканей. Я не могу заболеть векторной проказой. Вы меня понимаете?

– Очень рада за вас, – лиса потеряла терпение, – но какое это имеет значение для меня? Й-извините, но у меня совсем нет времени. Мне нужно заняться собой.

– Позвольте *мне* судить о том, что имеет значение, а что нет, – спокойно ответил цилинь. – Вы достойны уважения, Алиса, и я хочу вам помочь. Именно в том вопросе, о котором мы говорили.

Лиса почувствовала, что у неё останавливается дыхание. С огромным трудом она втянула в себя новую порцию воздуха.

– Я хотел бы предложить вам себя в качестве любовника, – господин Нефритовое Сокровище завершил фразу таким тоном, как будто пригласил на обед.

– Это невозможно, – прошептала лиса. – Риск всё равно есть, вы не можете рисковать собой...

– Вы не дослушали, – мягко сказал цилинь, подвигаясь ближе. – Я готов дать вам нечто большее, чем обычный секс. Скажите, вы ведь никогда не сходились с женщиной? Вы девственница? В данном случае это важно.

– Я никогда ни с кем не была, вы же знаете, – прошептала лиса, не веря своим ушам. – Не можете же вы?..

– Могу, – ответил единорог столь же спокойно. – И дело не в вашей беде и моём чувстве вины. Я много думал. И понял, что не знаю никого, кому ещё я мог бы предложить свой рог.

– Я... – лиса попыталась собрать мысли в какое-нибудь одно место, неважно в какое, но они рассыпались в голове, так ни во что и не складываясь. – Я не стою... я не смею... я не понимаю, – наконец выдавила она из себя.

– Вы всё понимаете, – Нефритовое Сокровище подошёл ближе, его замшевые губы повисли в полуметре от лица Алисы. – То, что между ног – это всего лишь кусок мяса, нужный для развлечения и продолжения рода. Истинная суть единорога – это его рог. А ваша природа – это женское естество. Мы оба должны осуществить то, что заложено в нашей природе, не так ли?

– Так тоже можно заразиться, – лиса попыталась сосредоточиться, уже понимая, что плывёт и теряет рассудок. – Это опасно.

– Жизнь вообще опасна, – единорог посмотрел на мечущуюся лису в упор. – А теперь я позволяю тебе коснуться моего рога, – он вытянул шею, склоняя голову к её ложу.

Лиса потянулась к вожделенному предмету – и вдруг отпрянула.

– Я боюсь, – призналась она. – Это слишком хорошо для меня... Рог... Это правда, что про него рассказывают? – робко спросила она.

Цилинь улыбнулся, показав полоску белоснежных зубов.

– Правда, – ответил он. – Рог единорога наслаждается, когда входит в живую плоть, и это бывает в двух случаях. Первый – в бою, когда рог пропарывает шкуру врага и входит в его внутренности. Это мне довелось испытать на войне. Но это не самое лучшее. Лучшее – когда рог входит в девственное лоно возлюбленной. Единорог склоняется только перед девственницами, ты же слышала об этом? Ты девственна, Алиса. И ты – лиса. Вы, лисы, созданы для того, чтобы вами наслаждались самцы. Дать это тебе могу только я. Говорят, что рог способен доставить женскому естеству наслаждение, превосходящее любое другое. Я не знаю, правда ли это – мой нефритовый стебель знал только битвы, но не любовь. У меня это первый раз, как и у тебя. Мы, единороги, любим рогом лишь одну-единственную избранницу, и только пока она верна. В твоей верности я уверен. Готова ли ты?

– Да, – выдохнула Алиса.

Благовещий цилинь молча согнул колени и опустил голову перед мечущейся на ложе лисицей.

Не веря себе, она потянулась к семнадцати дюймам нефритового сокровища, драгоценного, желанного, ослепляющего белизной.

Сначала мягкий лисий язык едва коснулся основания рога. Тот вздрогнул. Язык стал смелее и обвил рог посередине, сжимая чувствительные места. Цилинь тихонько вздохнул, и этот вздох пронзил тело лисы, вспугнув стаю бабочек в её животе. Она впервые в жизни почувствовала это роение, голова закружилась, и она с бессильным стоном откинулась на простыни, хватая губами сгустившийся воздух.

Единорог вытянул шею, осторожно пошевелил головой, разминая внезапно занемевшие мускулы.

– Это... это было необычно, – выдохнул он.

– Он такой твёрдый... и нежный... – простонала лиса. – Можно ещё... я хотела бы... – сердце и лёгкие слиплись в один сумасшедший комок, дышать было трудно и сладко, ей казалось, что её уносит прозрачная волна, бьющая вверх, и сейчас её подкинет к потолку.

– Фффухх, – мягко выдохнул цилинь. – Ты можешь попробовать ещё раз, – разрешил он.

Лиса открыла рот, подавляя желание насадиться на рог нёбом, чтобы он пронзил её горлань и вошёл в мозг.

– Только язык, – предупредил цилинь. – Или, может быть, не будем ждать? Ведь ты хочешь меня?

– Я хочу, я умираю, – лиса попыталась вытолкнуть эти слова изо рта, но воздух вяз между зубов, так что вместо последнего слова она смогла выдать только тихое поскуливание.

– Что ж, пусть это будет сейчас, – единорог наклонился ещё, его сокровище пылало. – Встань на колени и повернись, я хочу войти в тебя.

В голосе господина Нефритовое Сокровище прорезалась мягкая, уверенная властность, и эта властность сводила Алису с ума.

И тут она вспомнила всё то, о чём она старалась не думать и о чём не могла забыть. Радужный дворец, вознёсшийся в её воображении, рухнул, и осколки были такими острыми, что несчастная лиса не смогла удержать рыдания.

Цилинь отодвинулся.

– Я что-то сделал не так? – с мягким недоумением спросил он.

– Вы всё сделали правильно, господин, – прорыдала лиса. – Я... – она задержала воздух в лёгких и не выдыхала, пока перед глазами не стали мельтешить чёрные точки. – Вы оказали мне огромную честь, – наконец справилась она с голосом. – К сожалению, я её недостойна. Я не такая, как вы думаете... я не девственница, я нарушала правила... спала с заготовками... – солгала она, отчаянно надеясь, что мужчина поверит.

Господин Нефритовое Сокровище выпрямился. Рог чуть изогнулся от напряжения.

– Нет, госпожа Алиса, – сказал он. – Лгать вы не умеете. Вы не стали бы спать с сырьём для биореактора или подвергать опасности жизнь разумных. Просто вы слишком горды, чтобы отдаться тому, кого предавали.

Лисе внезапно стало очень легко и как-то тихо. Даже вечно зудящая, гудящая матка заткнулась, как будто её ударили изнутри.

– Почти ничего и не было, – усмехнулась она. – Я не принесла Директории много вреда. Просто не успела. Брала из автоклавов образцы тканей и векторный материал. Списывала технику. Передавала документацию. Кажется, всё.

– То есть вы не отрицаете? – цилинь не договорил.

– Чего уж теперь-то, – с горечью сказала лиса.

– Скажите мне только одно. Зачем? Из-за денег? – рог угрожающе сверкнул.

– Из-за денег, – Алиса посмотрела в глаза Нефритовому Сокровищу, и он увидел, что та плачет. – На дорогу, на снаряжение, на проводника по Зоне и за наводку на Болотного Доктора. А также на жизнь после визита. Вряд ли мне пришлось бы вернуться в Директорию, а в Стране Дураков нужны соверены.

– Насколько я слышал, Доктор лечит в основном мутантов Зоны, – осторожно сказал цилинь.

– Знаю. Он или помог бы, или я умерла бы. Всё просто, когда нет выбора.

– Всё просто, когда нет выбора, – прошептал цилинь. – Хорошо сказано. Так причина только эта? Не месть? За заражение?

– Нет. Я же сказала – у меня большой процент брака. Я не жалею свои изделия, и меня не надо жалеть. А теперь я хотела бы получить официальное обвинение в измене и шпионаже. И быть переданной барсукам для проведения следственных действий. Их работа придаст моим словам больше достоверности.

Цилинь помолчал. Потом, изогнув шею, почесал рогом бок.

– Я до последнего надеялся, что вы всё-таки невиновны... или не признаетесь, – сказал он глухо. – Я был честен и не играл с вами, когда предложил рог.

– Знаю, – Алиса отметила про себя, что удерживать слёзы легко, если горе по-настоящему большое. – Я чувствовала. Мы могли бы быть счастливы. А теперь зовите барсуков.

– Нет, Алиса, – единорог рассерженно притопнул задней ногой, как будто собирался кого-то лягнуть. – Сейчас вы чувствуете ужас и боль, и это мешает вам думать о более важных вещах. Через два дня заседание научного совета. Я сообщу его членам о вашей измене, совершённых преступлениях и бегстве. Если вас найдут, то действительно отдадут барсукам, и вы расскажете всё. В том числе о нашем разговоре. Поэтому вас не должны найти. Вы меня поняли?

– Сколько у меня времени? – Алиса зачем-то посмотрела на часы – единственную вещь на пустой стене – и не смогла понять, сколько времени: перед глазами стояло что-то вроде тумана, не скрывавшего очертания предметов, но лишавшего их всякого смысла.

– Я же сказал, заседание Совета – через два дня. Будет хорошо, если вас хватятся не слишком рано. Скажем, в ночь перед заседанием. Завершите все дела. Единственное, о чём я вас прошу – не причиняйте серьёзного ущерба Лаборатории.

– Я возьму с собой всё, что считаю своим, – сказала лиса. – Или я пойду к барсукам сама и во всём признаюсь.

– Хорошо. Пусть будет так. И всё-таки вы бы могли промолчать, Алиса.

– Если бы я могла промолчать, вы не пришли бы ко мне, – лиса почувствовала, что слёзы уже устали ждать.

– Да, вы правы. Я не смог бы полюбить недостойное существо. Прощайте, Алиса, – единорог развернулся, блеснув золотом хвоста, перевязанного у основания алой лентой. В другое время лиса непременно залюбовалась бы на круп цилиня – но сейчас она не видела ничего, ничего, совсем ничего.

Глава 13, в которой утомлённый странствием пилигрим находит стол, кров и компанию

10 октября 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Предзакатное время.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Трактир «Щщи». Официальное меню.

Все цены указаны в стандартных сольдо (1/100 золотого соверена).

НАПИТКИ

Водка обычная (100 грамм) – 2 сол.

Водка обычная (1 литр) – 20 сол.

Кьянти обычное (1 литр) – 10 сол.

Водка «Кристалловская» на артефактах (1 литр) – 30 сол.

Пиво светлое (кружка) – 2 сол.

Пиво тёмное (кружка) – 2 сол.

Пиво грибное крафтовое (кружка) – 4 сол.

Квас (кружка) – 1 сол.

Кофе свежесваренный (чашка) – 2 сол.

ЕДА

Холодец деликатесный из щупалец кровососа в собственном соку – 1 соверен

Семенной желудочек злопипундрия, фаршированный белокочанной капустой – 30 сол.

Крекл тушёный с морковью по-чернобыльски – 10 сол.

Митболы диетические – 4 сол.

Слоупочина с кнедниками – 4 сол.

Шашлык мясной (ПQ мяса < 70) – 2 сол. шампур

Шашлык мясной (ПQ мяса > 70, мясо легально) – 4 сол. шампур

Шашлык мясной (ПQ мяса > 70, мясо проблемно) – 5 сол. шампур + договорённость с администрацией.

Азу из мясных обрезков – 1 сол.

Сыр из калушьего молока «Материнский» – 2 сол.

Щи простые – 3 сол.

Щщи сложные – 6 сол.

Овощи отдельно – 2 сол.

Соус ткемали – 1 сол.

Соус сацибели – 1 сол.

ЗАКАЗ

Долбодятел молочный, заморённый в угольном гриле по традиционному рецепту (фирменное блюдо на 4 персоны) – 1 соверен 50 сол., время исполнения заказа – 8 часов

ПРОБЛЕМЫ

Разбитая посуда, за единицу – 10 сол.

Непристойное поведение (в т. ч. отправл. естеств. нужд в общем зале) – 50 сол.

Повреждение мебели, оборудования и т. п. – по стоимости + 20 %

Конфликт с гостями – 1 совершен

Конфликт с охраной без тяжк. телесн. – 2 совершен + компенсация морального ущерба

Тяжкое телесное повреждение или умерщвление официанта или иного сотрудника заведения с $PQ < 70$ – по себестоимости + 20 % в пользу заведения

Тяжкое телесное повреждение или умерщвление гостя с $PQ > 70$ – компенсация по понятиям + 20 % в пользу заведения

Конфликт с администрацией – размер ущерба определяется администрацией

Оскорбительное глумление над Святой Верой и неуважение понятий – немедленная конфискация наличного имущества и маналула.

Приятного отдыха!

Дверь «Щщей» была сколочена из лиственничного бруса, схваченного коваными железными поперечинами на болтах. Снизу торчали трёхгранные кованые шипы, угрожающе нацеленные на ноги гостя. Крохотная смотровая щель, забранная решёткой, выглядела крайне неприветливо.

Базилио посмотрел в вечеряющее небо – начинало темнеть. Немного подумал. Отметиться в «Щцах» входило в задание и было обязательным. Кроме того, в дороге он изрядно оголодал. Внешний синтез аденозинтрифосфата поддерживал организм в тонусе, однако не заменял невосполнимой убыли витаминов, микроэлементов и прочих полезностей. Последний раз он нормально ел в педобирской избушке. Времени с тех пор прошло достаточно.

Однако брезгливому коту не хотелось общаться с местной публикой. Сталкеры были не то что совсем без понятий, но пользовались скверной репутацией даже в Стране Дураков, жителей которой трудно было удивить плохими манерами. Коту тоже приходилось общаться с этой пиздобратией: он несколько раз покупал редкие артефакты для нужд Подгорного Королевства. И мог сказать по личному опыту, что скверная репутация искателей артефактов во многом заслуженна.

Но, как бы то ни было, надо было идти. Решив действовать по обстановке, Базилио перевёл зрение в рентген и заглянул за дверь. Там находилось крупное существо с массивными мослами, характерными для полорогих. Судя по положению костей, оно сидело на полу, держа на коленях тупой тяжёлый предмет. Скорее всего – дубину.

Базилио свёл спектр в видимый, поднял очки, постучал в дверь и тут же отступил на два шага, не дожидаясь, пока шипы ударят по ногам.

Дверь с силой распахнулась. За ней обнаружился здоровенный бык с дубиной.

– Чо тебе? – проревел бык.

– Чо-чо, в очо, – вежливо, по обычаю, ответил кот. – Пожрать и выпить есть в вашем заведении?

– Твоя выпивка вчера кончилась, – бык наклонил голову, демонстрируя окованные медью рога.

– А если найду? – кот подошёл поближе, прикидывая, как бы вырубить дурного зверя, не нанося ему существенного ущерба.

– Пиздюлей ты найдёшь, – пообещал бычара, однако ж посторонился.

Кот, проскользнув мимо пышущего жаром бычьего тела, прошёл коротким тёмным коридорчиком и очутился в узком помещеньице с какими-то крючками на стене, заканчивающемся дверью. Из-за двери доносился ровный шум, прерываемый выкриками и взрывами хохота. Кот снова сместил диапазон в рентген и увидел большой зал, наполненный шевелящимися тенями самых разнообразных форм и размеров. Особенно привлекли внимание чьи-то массивный костяк в левом углу и изящный скелетик у дальнего края длинной блестящей полосы – скорее всего, барной стойки.

Базилио сместился в красную часть видимого спектра и вошёл.

Зал, в общем, оказался ровно таким, каким он казался из-за двери – большим и при этом тесным, так как набит он был битком. Окон не было, помещение освещалось какими-то палками, торчащими из настенных кронштейнов. Палки казались горящими, хотя тепла от них не шло. Более того, в инфракрасном спектре они виделись тёмными. Похоже, то были какие-то артефакты из Зоны.

Кот стоял на маленькой площадке, приподнятой над полом метра на два. Вниз вела деревянная лестница, которая Базилио чем-то не понравилась. Добавив к обычному зрению короткие волны и тепло, кот увидел, что третья сверху ступенька не закреплена, а посажена на что-то вроде оси – видимо, чтобы случайный посетитель при попытке наступить на неё наворачивался и падал вниз. Прикинув траекторию, кот обнаружил столик, за которым отдыхал с кружечкой пенника крупный бычара, очень похожий на того, кто стоял на дверях.

Бычий столик был самым маленьким, все остальные посадочные места были рассчитаны на пять-шесть персон. У самого прохода расселась подозрительного вида компашка – сисястая зебра, задорно скалясь, играла в карты с гозманом, ядовитым даже на вид. Тихо сучала над рюмочкой антилопа, которую гладил по коленке какой-то выхухоль, преступный и тощий. Рядом бузила компания енотов-потаскунов, пытающихся петь хором стародревнюю песню «Рано утром встали звери, потянулись, попердели». Вдохнув, кот вынужден был признать, что еноты были в чём-то правы: в зале пахло не розами.

Пространство замыкала длинная стойка. Слева от неё виднелся проход в сортир, справа – в другую комнату, судя по тому, что смог рассмотреть Баз сквозь стену – в бильярдную.

Кот осторожно спустился вниз, не задевая коварную ступеньку, и направился к стойке. Однако не успел он сделать и пяти шагов, как его схватили за штанину.

– Ты мне на ногу наступил, скобейдыш! – прорычал, привставая, выхухоль.

Кот приподнял очки.

– На ногу не наступал. А в глаз – дал, – сказал он, пуская в левый зрачок выхухоля слабенький лазерный лучик – чтобы не слепить его навсегда, а только сжечь сетчатку.

Выхухоль глухо завыл и схватился за глаз. Кот улыбнулся, взял со стола рюмку и понюхал. В рюмке была вода.

До стойки он добрался без приключений, хотя взгляды завсегдатаев втыкались в спину, как иголки.

У барной стойки протирал хвостом стаканы мартыхай – а может, обезьян. К седой шерсти на груди был прикреплен бейджик «Боба Сусыч».

– Здравья и добра, – поприветствовал его Базилио по обычаю Страны Дураков.

– Ни пука, ни хера. Ты в прошлый раз за выпивку заплатил? – буркнул Боба, продолжая заниматься стаканами.

– В прошлый раз меня не было, – сказал кот.

– Первоход, что ли? Проваливай. Первоходам тут не наливают, – обезьян стал ещё менее дружелюбным. – Или попроси господ поприличнее – может, угостят. А ты заплатишь. За всех.

– В прошлый раз меня не было, а в позапрошлый тебя не было, – кот прищурился, целясь. – За это мне ты сейчас водки нальёшь, – с этими словами он отстриг обезьяну лазером краешек левого уха.

Боба открыл было пасть – и молча её захлопнул. Потрогал ухо. Посмотрел на пальцы, понюхал. Скорчил гримаску.

– Пятьдесят граммов – сольдо, – объявил Сусыч, ловким движением лапы доставая бутылку с этикеткой.

– Про цены разговаривай с теми, кто платит, – оборвал его кот, уже понявший, как тут нужно себя ставить.

Стопка водки нарисовалась на полированном дереве – холодненькая, накрытая листиком базилика. Кот опрокинул её, зажевал листочком. Водка была так се, но энергопотери восполняла.

– И кто за тебя платить будет, за такого красивого? – поинтересовался бармен.

– Сам решай. Я пока присяду, – кот показал на дальний столик, за которым сидел над шпротиной одинокий, позорный волк в сталкерской снаряге.

– Туда не надо, – тихо, одними губами сказал мартыхай.

В этот момент дверь с треском распахнулась и на площадке появился черногривый конь в недешёвом прикиде. Особенно доставляло демисезонное кожаное пальто и узда с декоративным трензелем.

Конь гордо обвёл взглядом зал и громко фыркнул.

– Первоход, собрался в Зону, – меланхолично заметил Сусыч. – Как думаешь, в аномалию попадёт или нет? Вроде должен.

Базилио сообразил, что аномалией Боба называет крутящуюся ступеньку, и сделал неопределённый жест, который можно было понимать как угодно.

Конь аномалию миновал благополучно – с лестницы он сошёл двумя большими шагами, пропустив ловушку. Столь же успешно миновав бычий столик, он принялся протискиваться к стойке – примерно по тому же маршруту, что и Баз.

– Ты мне на ногу наступил, выебок! – заорал, вскакивая, выхухоль.

Кот услышал знакомые слова и включил направленные микрофоны в ушах – ему стало любопытно.

Тем временем события развивались. Конь попытался было вырваться, и тут же откуда-то сбоку выскочил-нарисовался лев – накачанный, сердитый, с пегой гривой, заплетённый дредами.

– Что за шум, а др-раки нету? – осведомился он.

– Да вот, джигурда какая-то сифозная прискакала, ходит по ногам как по паркету, – наябедничал выхухоль.

– Я ничего не делал! – конь уже понял, что попал, но ещё не осознал как.

Лев подал на коня грудью, приоткрыв пасть. Конь назад не сдал, хотя было заметно, что ему неуютно.

– Мальчик, ты сделал тр-ри ошибки, – рыкнул лев. – Пер-вая – что ты сюда пр-ришёл. Втор-рая – что ты наступил на ногу уважаемому существу...

– Пусть обоснует, что я наступал! – конь запоздало попытался воззвать к понятиям.

– И тр-ретья – что ты публично обвинил уважаемых существ в фуфлогонстве, – предсказуемо завершил лев.

– Не трогайте мальчика, не трогайте, что же вы делаете! – страшно завизжала сисястая зебра. Выхухоль, не оборачиваясь, схватил её за гриву и от души дёрнул. Та захрипела и умолкла.

– Да ты чё гонишь... – попытался сборзнуть конь и тут же заткнулся на подхрипе. Кот прищурился, посмотрел ситуацию в ультракоротких волнах и увидел полоску стали: похоже, пока лев отвлекал внимание, кто-то успел подобраться сзади и сейчас держал жеребца на ноже, тыкая острием под лопатку.

Давешний волк, с интересом наблюдавший за сценой, внезапно напряжился, вскочил и с неожиданной лёгкостью пошёл между столиков.

– Я гоню? Ты, сявка дефная, мне предьяву кинул? – гневно раздулся выхухоль. Конь попытался было что-то сказать, однако при каждой попытке лезвие под лопаткой угрожающе пошевелялось, так что бедолага только разевал рот.

– Так, все видели, – объявил лев. – Этот деф поднялся в наш дом, вёл себя не по понятиям, оскорбил уважаемых существ, обосновать не может. По-моему, он хулиган. Скажите, уважаемые, – обратился он почему-то к енотам, – нам надо хулигана?

– Нам хулиганов не надо! Мы сами хулиганы! – зашумели еноты.

– Глас нар-рода – глас Матер-ри. Эй, Боба! – закричал лев через весь зал, мощной глоткой перекрывая шум толпы. – Спр-роси на кухне, почём конину возьмут.

– Сейчас узнаю! – прокричал обезьян, но с места не двинулся. Видимо, сюжет разыгрываемого спектакля ему был хорошо знаком.

– Стоп! – рявкнул волк, добравшийся-таки до места происшествия. – Эй, ты, – обратился он к выхухолу, – оставь парня. Он первоход и не знает наших обычаев.

– Он тебе кто? – наёжился выхухоль. – Калушонок из твоего вывода? Непохоже что-то...

Волк подошёл к коню и, встав на цыпочки, приобнял его за широкие плечи.

– Он идёт со мной в Зону! – рявкнул он на весь зал. – Это мой напарник! Он идёт со мной!

– Ты его отмычка? – лев тряхнул гривой. Обалдевший коняря кивнул.

– Я такую др-рянь на твоём месте не бр-рал бы с собой даже до сор-ртира, бр-рателло, – прорычал лев, показывая всем своим видом, как не хочется ему выпускать из когтей добычу.

– А я тебе говорю, что он вернётся живым и с хабаром, – твёрдо сказал волк. – Ты вернёшься живым и с хабаром, парень? – спросил он у коня. Тот снова потряс головой, на сей раз увереннее и энергичнее.

– И до нашего возвращения он под моей защитой, – заключил волк.

– Ну если так... считай, скоуха тебе вышла, – выхухоль сел. – Везучий ты, паря. Эй, волчара, если он твой отмычка, он должен проставиться.

– Он проставляется! – крикнул волк. – Боба, запиши на этот столик! Присаживайся, в ногах правды нет, – с хорошо сыгранным дружелюбием предложил он обалдевшему коню. – Ну что, по кружечке за знакомство?

Кот отвернулся. Дальнейшая судьба незадачливого коня была понятна.

– Жаль парня, – сказал мартыхай. – Волчара – тварь позорная. Барыжит артефактами из хитрых аномалий. Его отмычки в «жарках» как дрова горят... Сам-то в Зону?

Базилио не стал отрицать очевидное и кивнул.

– Я смотрю, ты первоход, а что-то понимаешь. Присядь-ка там, – мартыхай шевельнул целым ухом, показывая от стойки направо, где стоял небольшой пустой столик с перевёрнутой кружкой посередине.

– Резерв? – поинтересовался кот. – Я не заказывал. Хотя... – он прищурился, просматривая обстановочку. Столик во всех диапазонах выглядел невинно и вроде бы не обещал никаких сюрпризов. Тем не менее садиться за него почему-то не хотелось. Своим ощущениям кот привык доверять, поэтому он подошёл к соседнему, где восседал над миской, медленно пережёвывая брикет прессованного сена, высокий седой козёл.

Кот слышал, что к козлиной основе в Стране Дураков вообще и на Зоне в особенности относились не очень. Но позорной основой козлятина всё-таки не считалась. Этот же козёл был и вовсе при делах – импозантный, в дорогой сталкерской снаряге и со стильным колокольчиком в носу. Кроме того, из-за левого плеча козла торчала рукоять какого-то серьёзного холодного оружия с узорными костяными накладками. Даже седая бородёнка была завязана лихим узлом, что как бы намекало.

Базилио, однако, решил не чиниться – а просто подошёл, отодвинул стул и сел.

– Я тебя звал? – осведомился козёл, жуя сено.

– И я тебя не звал, – напомнил ему кот. – А ты сидишь. Вот и я присел. Здесь чем кормят, кроме сена?

Козёл посмотрел на кота очень внимательно – так что Баз даже подумал, не паранорм ли серенький, не копается ли он у него в голове. Однако козёл, даже если что и увидал, ничем себя не выдал – просто прикрыл глаза и замолк.

– Боба! – позвал кот. – Пришли кого-нибудь, заказать хочу!

Козёл тем временем открыл глаза, в которых читалось какое-то решение.

– Бери злопипундрия, – посоветовал он вполне дружелюбным тоном, – его тут нормально делают и капусту кладут хорошую. Правда, дорого. Хотя – не тебе же платить? Кстати, ты решил, кто тебя кормит? За счёт заведения – даже и не думай.

– А вот заведение и решит, кто платит, убеждение с меня, – пожал плечами кот.

– Даже так? То есть ты настолько крут? А почему ты, такой крутой, туда не сел? – козёл показал рогом на столик с перевёрнутой кружкой.

– Место не понравилось, – сказал Базилио.

– М-м-мэ... – протянул козёл, принимаясь за новую порцию сена. – В чём-то ты прав. Под кружкой – «гасилка», артефакт такой, – снизошёл он до объяснения. – Ничего особенного не делает, просто разряжает любые батарейки в нуль. Ты как, на батарейках?

Базилио собрался было ответить какой-нибудь колкостью, но тут к столику подошла подавальщица, довольно симпатичная рыжая сучка. Увы, в глазах её плавала муть – ПҚ девушки был где-то у нижней границы вменяемости. На шее болтался потрёпанный ошейник с бляхой. Судя по надписи бляхе, она была записана на Бобу как его личный электорат.

– Бобе скажи – пусть злопипундрия сделает, две порции, – медленно и чётко произнёс кот.

Девушка вдруг впала в ступор. На гладком рыжем лобике нарисовалось что-то вроде складки, знака напряжённой работы ума.

– А нету, – наконец сказала сучка. – Съели, – она развела лапами.

– И щупалец кровососа не осталось? – спросил козёл.

Девушка всем своим видом показала растерянность и непонимание.

– А что есть, скобейда рваная? – проворчал рогатый.

Сучка нервно зевнула, показав клычки. Видно было, что мыслительный процесс давался ей нелегко.

– Меню есть, – наконец сообразила она. – Может, меню?

– М-м-мээ... А может, и тебя, – козёл ухмыльнулся по-козлиному и подмигнул Базилио. – Не хочешь эту сучку?

Кот поморщился.

– Я вообще-то собирался поесть, – напомнил он.

– Ну так я о чём? Ты же плотоядный? Как насчёт свежатинок? Эй, Боба! – крикнул он. – Тебе эта скобейда блохастая ещё нужна, или её можно на кухню?

– Не надо, – резко перебил Базилио. – Не люблю собачатины.

– У тебя расовые предрассудки какие-то? – козёл повёл янтарным глазом. – Или религия не позволяет?

– Я всё-таки кот по основе, мне собачий запах отбивает аппетит, – объяснил Базилио. – Если бы мышку или крыску – другое дело.

– Крыску? Это идея. Боба! – закричал козёл. – Ты крысу замочил?

– Сутки отмокает! В маринаде! – крикнул в ответ Боба. – Обычную порцию?

– Двойную, – попросил кот.

Глупая сука-подавальщица так и стояла, хлопая глазками. Базилио шлёпнул её по попке – та благодарно завилась хвостиком – и отправил восвояси.

– Может, по маленькой? – предложил козёл. – За знакомство?

Базилио прикинул перспективы. Козёл мог быть полезен как источник информации. Душа просила оттягона. К тому же делать некоторые вещи на трезвую голову было как-то некомфортно – а в том, что делать их придётся, кот уже не сомневался.

– Можно и по большой, – решился он. – Какую рекомендуешь?

– Кристалловскую, – посоветовал козёл. – Её на пердимонюках настаивают.

– И что это даёт? – решил узнать кот. – Очищает?

– Нет, создаёт эффект очистки, – пояснил козёл. – То есть кажется, что это можно пить.

– Ну давай кристалловскую, – согласился кот. – Кстати, меня зовут Базилио. Перс. Специалист по проблемам.

– По созданию или по решению? – прищурился козёл.

– Когда как, – сказал кот, немного подумав. – Я в этом смысле специалист широкого профиля.

– Понятно. Септимий Попандопулос, – представился рогатый. – У меня узкая специализация. Козёл опущения.

Inspiratio. Видение Пьеро

В октябре 312 года от Х. Место и время неясны, да и не столь существенны.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Возьмите экстаз и растворите его в абсолюте.

Пелевин В. Чапаев и пустота // Пелевин В. Малое собрание сочинений /

Под ред. Чжан Ли. Т. VII. Чуанчан: Сибирское университетское издательство, 2049.

А делов-то всего и было, что в недобрый час Пьеро, пользуясь равнодушием Арлекина и снисходительностью Карабаса, раздобыл где-то водки, закинулся айсом и наебенился в сраку. Не исключено, что даже и в дупу.

Но лучше не будем спорить, а, в соответствии с упомянутым, положим правильное: так склалось, что Пьеро наебенился. И мало что видимо, но и более того – видимо-невидимо. Но вот по какому случаю? Этого он ни сказать не мог, и даже в душе не ёб. Ибо, наебенившись, поэт потерял не только покой и волю (это бы ладно), но также и память о предшествовавших обстоятельствах. Она куда-то слиняла, его верная память, она запропастилась куда-то. Может, её черти спиздили? Что ж: и такое бывает.

Но, во всяком случае, одно было ему дано в ощущениях *clarus et distinctus*: он страдал.

Как же он страдал? Не так уж и трудно догадаться, любезнейший мой читатель! Ибо не в первый раз – по секрету шепну: и не в последний – застаёшь ты нашего героя в таком состоянии. Да, да, именно: Пьеро отчаянно мутило.

Впрочем, то было бы ещё полбеды. Ибо самое тяжкое в этом некстатнем и пакостном испытании было то, что сгустившиеся тучи никак не прорывало очистительной грозой. Говоря без экивоков, тошнота как бы охватывала всё существо поэта. Казалось, тошнило даже локти и колени. Но при всём при этом он никак не мог проблеваться.

– Буэээ, – поэт попытался решить проблему волевым усилием. Тщетно. Рвота ножом подступила под горло, обжигая его крепчайшей кислотой, но бессильно сползла обратно, в страдающий мягкий желудок.

Вдруг некая тоненькая иголочка пронзила позвоночник поэта. Оно было не больно, а сладко: то вещей Дар пробуждался, открывались потаённые родники, прозревали очеса души. Нашего героя подняло, понесло, накрыло, развиднелось, выиграло, сошлось – *carmen, metus, merum, mustum, reditus*. Явственно обнаружились какие-то маяки, резеда, мистраль. Впрочем, через секунду всё это покрылось коростой и взорвалось, образовав по ходу то ли барьер, то ли экран, то ли просто завесу жёлтого тумана.

Пьеро попытался повернуть голову. Туманный барьер повернулся вместе с головой. Дальнейшие попытки приводили к тому же результату. Маленький шахид даже взрыднул: он стремился к резеде и мистралю, он всю жизнь стремился к резеде и мистралю, а тут такой афронт. Кто б не взрыднул на его месте?

И в этот самый миг откуда-то отовсюду грянул громовой неслышимый – да, вот так и бывает в тех местах, куда по нечаянности вознёсся дух поэта – голос. Он был настолько оглушающе тих, что поэт сначала не разобрал, что ему говорят – вернее, о чём спрашивают.

Голос повторил то же самое, и на этот раз Пьеро что-то услышал:

– ...шки или ...ешки? – вопрошали его, и от его ответа зависело всё – и в то же время совершенно ничего не зависело.

– А разница? – нашёлся маленький шахид.

– Никакой, – признали свыше.

– Ну тогда первое, – наугад сказал Пьеро.

– То есть ты желаешь созерцать причины и начала последующих событий? – в нездешнем голосе прорезалось нечто вроде интереса. – Что ж, изволь.

Завеса тумана разорвалась снизу доверху, и Пьеро увидел комнатку с фикусом, торшером и роялем. За роялем сидела небольшая музыкальная обезьянка, а рядом возлежала старая, поседевшая поняша в круглых очках.

– Ещё раз, – скомандовала она обезьянке и запела:

– Я хочу... незнакомую женщину...

Тоненький детский голосок подтянул:

– И знакомую тоже хочу-у-у...

– Стоп! – распорядилась старая поняша. – Где чувство? Страсти больше, страсти! Ты хочешь! И знакомую, и незнакомую!

– Зинаида Петровна, – прозвучал тот же голосок, – я маленькая ещё. Я пока никого не хочу...

Тут Пьеро наконец заметил смешную девочку-понечку в белых гольфиках, с завитой гривкой и атласным бантом между ушками. Она стояла перед строгой училкой, виновато ковыряя паркет копытцем.

Старуха посмотрела на ученицу недовольно.

– Ты чем поёшь, Ливушка? Вот чем поёшь, тем и хоти! Ещё раз. Вступаешь сразу, на ре-диезе. Ре-диез – ми – ля-я... Поняла? Вот так вот: и знако-о... тут четверть, потом восьмушки... мую – то-о... четверть, слышишь? не держи... то-о... и две восьмушки – же хочу-у... не тyani в паузе, там тоже четверть, а не у-у-у. Жора, с того же места, – бросила она обезьянке.

– Я хочу... незнакомую женщину... – запела седая, вытягивая шею.

– И знакомую тоже хочу-у... – девочка постаралась изобразить страсть и в результате не попала в ноты, отчего смутилась окончательно.

Зинаида Петровна не остановилась.

– Необвенчанную и обвенчанную! – вывела она, добавляя в голос вибраций.

– Зинаида Петровна, а что такое необвенчанная? – перебила девочка.

– М-м-м... Рано тебе об этом знать! – отмоталась седая поняша. – Жора, ещё раз, с фа начинаем! Необвенчанную и обвенчанную...

– И несущую в чёрном свечу-у... – уныло закончила девочка.

– Ужас! – учительница на этот раз рассердилась всерьёз. – Опять голос деревянный! Лива, ты поёшь как пень! Если б не твоя мама, я б тебя давно выгнала, – проворчала она так, чтобы девочка услышала.

Девочка услышала: глаза её подёрнулись слезами. Она хлопнула носом, но потом взяла себя в копыта и зло оскалилась.

– Как пень? – переспросила она. – Значит, как пень, да? Жора! Ёлочку, две четверти!

Старушка и сказать-то ничего не успела, как обезьянка забренчала «па-бам, па-бам».

– В лесу родилась ёлочка, а рядом с нею пень! Имел он эту ёлочку четыре раза в день! – выдала малолетняя хулиганка.

У седовласой поняши отвалилась нижняя челюсть.

– Ему сказала ёлочка – иди ты на хуй, пень! – Злое «на хуй» прозвенело серебряным живым колокольчиком. – Вот подрасту немножечко, тогда хоть целый день! – девочка вертнула хвостиком и лихо зацокала передними копытцами.

Учительница приподнялась, усталые глаза её загорелись.

– Вооот! – простонала она с облегчением. – Вот теперь чувство! Жора, ещё раз! Две четверти, presto! Ливушка, тот же текст!

Поняшка в гольфиках недоверчиво посмотрела на училку, но кивнула.

– В лесу родилась ёлочка... – бодрячком вступила Зинаида Петровна.

– А рядом с нею пень!!! – маленькая наконец распелась, слова полетели по воздуху, как разноцветные птицы.

– Имел он эту ёлочку... – Голоса учительницы и ученицы красиво переплелись, и Пьеро провалился в звенящее облако.

Внутри облака оказалось довольно-таки неудобно. Оно было сырое, холодное и пахло чем-то химическим.

Присмотревшись, Пьеро увидел за клубами пара – а может, дыма? – огромного хемуля с обвисшим клоком серой шерсти под подбородком. Пьеро слышал, что хемули растут всю жизнь, и понял, что перед ним существо древнее, почтенное, может быть, даже заслуженное. Последнюю догадку подтверждала старомодная юбка с порывевшими кружевами, золотые очки на морде, а также убранный в рамочку документ на столе – оказывается, тут был стол – с надписью: «Доктор биологических наук, адъюнкт-профессор факультета биохимии Бибердорфского университета, доцент, заведующий лабораторией биоинформатики...» Дальше шло что-то мелким шрифтом, а в конце крупной прописью было выведено: «Г. Эльфант».

Существо восседало на некрашеном табурете возле установки со стеклянными ёмкостями, напоминающей вычурный самогонный аппарат, и подкручивало какой-то краник.

Пьеро, осмелев, подошёл поближе к существу и осторожно подёргал его за шерсть на горбу.

Существо обернулось и посмотрело на поэта как на говно.

– Гжещ! – крикнул хемуль. – Кто выпустил лабораторный материал?

– Я не материал, – позволил себе возразить Пьеро.

Учёный хемуль снова посмотрел на него – на этот раз как на несвежую пиздятину.

– Тогда кто? – осведомился он, всем своим видом показывая, что мнение самого поэта ему глубочайшим образом безразлично.

– Идеал, быть может? – предположил Пьеро – просто по контрасту с «материалом».

– Идеал? Эт-то вряд ли, – хемуль одарил поэта ещё одним взглядом, трудновыразимым словами, но не содержащим ни миллиграмма сочувствия и симпатии. – Гжещ, сцуко, да где ж ты бродишь, пердолонэ в дупэ?

– Пес це ебал! – донеслось откуда-то издалека. Голос был молодой, нахальный и недовольный.

– Чиш ты сен з хуем на голову позаменял? – хемуль рассердился, но тут в глубине установки что-то булькнуло и из ближайшего краника закапала прозрачная жидкость.

– О, тёпленькая пошла! – воскликнул хемуль и крантик открутил на полную. Жидкость полилась тоненькой блестящей струйкой. Хемуль осторожно её понюхал, на морде образовалось выражение глуповатого самодовольства. Он занюхнул швыдче – и внезапно отвалился, брякнувшись с табурета оземь.

– Слава те Доче, продукт нормальный, – сказал некто третий, невидимый. – Да где же этот Бженч...

Прозвучавшее слово было настолько непоэтично и оскорбительно для слуха, что Пьеро потерял нить, и слабенький ум его тут же отъехал и затерялся в тумане.

Из тумана выплыла огромная башка, поросшая плесенью. Присмотревшись, Пьеро понял, что она принадлежит какой-то рептилии.

– Ты антисемит? – спросила голова.

– А я почём знаю? – удивился Пьеро, причём дважды: непонятному слову и собственному ответу. Ответ был совершенно не в его духе, он был чужд поэту интонационно и ритмически.

– А уж не из *этих* ли ты часом? – башка подозрительно наморщилась. – Что-то носик у тебя длинноват...

Пьеро схватился за нос и ухватил пальцами какую-то длинную штуковину. От удивления он её выронил, и тут же на вещицу легла чёрная лапа с длинными страшными когтями.

– Это у тебя откуда? – голос был низким, каким-то земляным, что ли.

– Из одной глупой головы, Карл, – сказал другой голос, повыше и какой-то педоватый. – Парню забили это на Зоне, Карл... Парню забили, ты слышал, Карл? Это смешная шутка, Карл!

– Неплохой экземпляр, – оценил обладатель когтистой лапы. – А как он тебе достался?

– У нас не стало повара, Карл, – ответил невидимый собеседник, – меня поставили на кухню, Карл. Я варил голову, Карл. Я достал это из черепа, Карл.

– Но он ещё годен? – не отставал обладатель низкого голоса.

– Нужно немного почистить, Карл, – высокий голос говорил ещё что-то, но в этот миг перед Пьеро разверзлось – да, именно это слово здесь всего уместнее – огромное рыло неизвестного науке мутанта с единственным зелёным глазом на лбу. Глаз горел неугасимой злобою.

– Меня будить?! – взревел мутант и распахнул зубатую пасть, куда маленький испуганный Пьеро тотчас же и провалился.

Внутри обнаружился не кто иной, как Карабас бар Раббас собственной персоной, сидящий в ротанговом кресле и нервно теребящий бороду. Чувствовалось также присутствие настенных ковров, незадёрнутых гардин и молодой самки. Каким образом всё это чувствовалось, Пьеро объяснить не смог бы даже под пыткой. Просто само пространство было наполнено пониманием того, что в нём всё вышеперечисленное присутствует.

– Машенька, – сказал раввин, – ты хорошо подумала? Не то чтобы это было сложно... но я не люблю разбрасываться собой. А своим генетическим материалом – тем более. Поэтому мне хотелось бы быть уверенным, что тебе это точно надо. Ферштейн?

– Я же всё объяснила, – перебил женский голос, высокий и сердитый.

– Но ты не боишься за свою личную жизнь и всё такое? – продолжал Карабас. – Всё-таки это достаточно глубокое вмешательство.

– Если нечто противно богоустановленному закону... – начала женщина.

Что именно противно и кому, так и осталось неизвестным: сознание Пьеро рухнуло с высоты и покатилося по газону. На нём, при свете звёзд...

– Ты снова здесь, паскудный недопёсок?! – снова раздался тот самый голос, идущий отовсюду, и был тот голос гневен. – Я тебя, гондон штопанный, предупреждал – не лезь ко мне в книжку?

Существо сжалось и заскулило.

– Хорошо, но это последний раз... – начал было голос, однако в этот миг Пьеро посетило внезапное и острое прозрение. Он вдруг постиг, что существо-то и вправду гондонисто – поэт хоть и не ведал, что есть гондон, но ощутил тождество сущностей – и верить его скулежу нет никаких причин.

– Да врёт он всё! – заорал Пьеро. – И спит он в тумбочке! – добавил он для убедительности.

– Ах даже так? Ату его! – прогрохотало свыше, и тут же к сжавшемуся и скулящему рванулись со всех сторон семь ужасающих теней – поэт их не считал, но каким-то восьмым, а то и девятым чувством ощутил, что их именно семь и что кому-то вотпрямыа пришёл последний, окончательный, бесповоротный.

– А теперь бонус-трек! – грохотнул глас небесный.

Небо – а может, землю – разорвала длинная хвостатая молния, и в её свете Пьеро увидел то, о чём некогда читал у Лотреамона, о чём грезил в дирижабле во время катастрофы и чего не имел даже теоретической возможности увидеть: витрину магазина на улице Вивиен.

Ну разумеется, он не понял, что это была именно улица Вивиен и конкретно витрина. Взгляд его внезапно упёрся в ровную поверхность стекла, а за ним в глубине – бутылки, корзинки, бархатные коробки, какие-то маленькие блестящие предметы. Ярче всех сиял огромный никелированный штопор. Испорченному существу наверняка захотелось бы вкрутить этот штопор в чью-нибудь жопу. Но испорченных существ поблизости не было. Не было вообще

никого – кроме сидящего на стульчике человека. Он раскуривал сигару, не обращая ни на что особенного внимания.

Да, решил Пьеро, то был именно человек – ну или, по крайней мере, существо редкостной, выдающейся хомосапости. Правда, основания для такого вывода были неясны ему самому: конкретные черты существа уловить не удавалось, взгляд как бы скатывался с его лица и фигуры. Единственное, что останавливало внимание – дымчато-серая шляпа.

Существо поэта заметило.

– Ты кто? – спросило оно.

– Пьеро, – честно ответил Пьеро.

– Что ты делаешь в моём сне? – строго спросило существо.

– Да так. Тусуюсь, – сформулировал поэт.

– Ты похож на мудака, – рассудил обладатель серой шляпы. – К тому же обдолбанного.

Пьеро не обиделся: у него не было настроения обижаться.

– Я немножко выпил, – признался он, – и закинулся.

– А потом? – человек вроде бы заинтересовался темой.

– Ещё выпил, – признался поэт. – И ещё закинулся.

– А потом повторил и усугубил... повторил и усугубил, – задумчиво протянул человек в шляпе. – В таком случае твой онтологический статус более-менее определён.

Слово «определён» Пьеро несколько сбilo с толку, как и слово «статус».

– Статус определён чего? – решился он уточнить.

– Модуса бытийствования, – не очень понятно сказал человек. – Ты каким-то образом напрягаешь *тентуру*. Она от этого глючит. Сейчас она глюкнула особенно основательно. Ладно, проехали, всё равно не поймёшь. Давай о чём-нибудь поактуальнее. Например, такой вопрос: на чьи пьём? И закидываемся?

– А что? – не понял маленький шахид.

– Да как тебе сказать... – человек наконец справился с сигарой и жадно втянул дым. – Видишь ли, финансовые вопросы – самые сложные вопросы в мире. И самые интересные. Скажи мне, кто тебя содержит и почему – и я скажу, кто ты.

– На Карабасовы, – признал Пьеро. – Я в его группе. А Карабасу платит Тораборский Король. Король хороший, – добавил он искренне.

– Хороший король? – заинтересовался человек. – И почему ты так считаешь?

Пьеро задумался. Ему-то всё было понятно, но вот со словами случился небольшой затык.

– Просто так не убивает, – наконец сказал он. – Сначала немножко думает.

– Гм. И в самом деле хороший король, – похоже, обладатель серой шляпы воспринял сказанное всерьёз. – Видимо, долго правит. Кстати, сколько?

– После Хомокоста – лет триста, – принялся считать Пьеро, – а до Хомокоста не знаю.

– Гм-гм-гм, – человек выдохнул немного дыма. – Хомокост, говоришь? Судя по этимологии слова, людишек всё-таки уработают. И чем же? Надеюсь, не ядрён-батонном?

– Вирусом, – сказал Пьеро.

– А, вот оно что. Ну тогда у меня есть шансы. Тораборский Король, говоришь? Запомним на будущее. Надо бы тебя отблагодарить за ценную информацию. А кстати – хочешь вина? Тут завалилась пара интересных бутылочек.

– На чьи пьём? – сдерзил Пьеро.

Человек грустно усмехнулся. Пьеро на мгновение почудилось, что он видит тяжёлые очки и губы, складывающиеся в усталую, циническую гримаску – но взгляд опять соскользнул.

– Я могу брать всё, что захочу, – сказал он. – Хотя вот это конкретное заведение я недавно купил. Анонимно, разумеется. Эти современные финансовые инструменты чудо как хороши. Если не лезть в английские наркосети и всё такое прочее, можно позволять себе многое...

Короче: я краду у себя. Это придаёт моим действиям некий налёт респектабельности, ты не находишь? Нет? Честно говоря, я тоже. Ну да и бог с ним. Жди здесь. И не очичибабься раньше времени.

Пьеро попытался понять, что может значить слово «очичибабиться», и потому завис в размышлениях минуты на три. Тем не менее реальность уже начала потихоньку истаивать, протекать – когда человек наконец вышел. В руке у него была открытая бутылка.

– Извини, с бокалами не успел, – сказал человек. – Из горла тебя устроит?

– Дык, – Пьеро не чинясь приложился к бутылке.

Вкус был какой-то странный. Но это, несомненно, было вино. Поэт подумал и сделал второй глоток.

– Я смотрю, тебе нравится, – одобрил человек в шляпе. – Мне вот тоже. Чудный шамбертен, Наполеон бы одобрил. А Паркер дал всего девяносто четыре ба...

Пьеро не успел ответить: третий глоток оказался лишним.

Поэт пал на землю и изрыгнул, испенил, изверг из себя потоки всяческой нечистоты.

Глава 14, в которой наш юноша встречается со смертельной опасностью

28 октября 312 г. от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Е.

Комната 11.

Вечер, переходящий в ночь.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Входящие /000866122156

ДОКУМЕНТ: доверенность о передаче оборудования

ФОРМА ДОКУМЕНТА: произвольная

ТЕКСТ: Доктор Карло Коллоди, Ib № 15808, принимает в систематическое наблюдение автоклав-самозапиральник с существом Ib № 91684, являющееся собственностью лаборатории перспективных исследований Центра. Доктор Карло Коллоди обязуется контролировать состояние существа и проводить все необходимые процедуры вплоть до завершения первой стадии процесса ребилдинга. Материальная и административная ответственность за состояние оборудования и находящегося в нём существа целиком лежит на докторе Карло Коллоди, Ib № 15808, за исключением форс-мажорных ситуаций по стандартному списку таковых.

ЗАВЕРЕНО: Ib № 15808 (доктор Карло Коллоди).

Две недели прошли для Буратины в унылом ничегонеделании.

Получить на руки документы на бамбука оказалось неожиданно сложным делом. То ли подгадил Джузеппе, то ли всему виной были нерасторопные канцелярские крысы. Буратина никогда не мог понять, почему в канцелярской работе так любят использовать именно крыс. Когда же он спросил об этом папу Карло, тот пробурчал «старая традиция» и от дальнейших объяснений воздержался, поскольку был не в духе. Впрочем, теперь он всегда был не в духе.

Когда документы были всё-таки получены, возникли сложности с подтверждением статуса Буратины в качестве эволюционирующего. Папа Карло пропадал целыми днями и возвращался запоздно. Хуже того – он не всегда приносил с собой еду.

То, что еда не берётся из воздуха и чего-то стоит, деревяшкин отлично знал. Но в вольерах её можно было заработать за счёт баллов или на спарринге. Что касается папы Карло, подобных проблем у него не было: в права человека входило и право на бесплатную кормёжку – комбикорм и маргарин по физиологической норме. Однако доктор Коллоди почему-то предпочитал вино, сыр и молодую телятину. Пересматривать своё меню в сторону большего реализма доктор категорически отказывался, однако скромные доходы лаборанта шиковать не позволяли. В припадке меланхолии доктор обменял в хозчасти свой месячный паёк на головку пармезана и канистру кьянти, а все приработки тратил на мясные обрезки из лабораторий. Это позволяло ему хоть как-то сводить концы с концами.

С Буратиной ситуация была сложнее. Таскать из лаборатории брикеты комбикорма для прожорливого бамбука теперь стало невозможно. Получать их официально – тоже, из-за зависших в канцелярии документов. Все попытки доктора хоть как-то ускорить процесс к успеху не привели. Кое-какой харч удавалось перехватить у знакомых: доктора Коллоди многие любили и хотели помочь. Однако этих подачек всё равно не хватало.

Буратина старался больше спать и меньше двигаться и всё равно терял силы: быстрый обмен сжигал все запасы. От худеющего тела стали отслаиваться волокна. Пол в камерке был

засыпан стружкой, которую аккуратный бамбук каждый день счёсывал с себя ногтями. Увы, все гигиенические принадлежности – скоба, мачете и шкурка – остались в комнате 16А.

К концу первой недели папа Карло нашёл халтурку: забрал к себе в каморку на поддержку маленький самозапиральник с каким-то существом, готовящимся к ребилдингу. Права лаборанта это ему позволяли. Халтурка оплачивалась по минималке, однако смысл был не в деньгах. Тело в автоклаве надо было не только подпитывать клеточной массой, но и кормить. Корм представлял из себя противную на вкус жидкость, прокачиваемую через кишечник. Папа Карло каким-то образом выписал на себя полуторное количество этой дряни. Буратина, борясь с тошнотой, пил эту мерзкую водичку, иначе было совсем уж скверно.

Потом папа Карло перестал появляться в каморке вообще. Буратина изнывал от скуки и голода. Впервые в жизни он подумал о том, что, наверное, с удовольствием почитал бы какую-нибудь книжку. Ещё больше ему хотелось погулять. Увы, его неподтверждённый статус не позволял проводить время на территории Центра, а за ворота в общую зону его тоже не выпускали.

Однажды от нечего делать бамбук попытался исследовать пространство за голограммой с очагом. К сожалению, мешал нос: при попытке просунуть голову внутрь он довольно быстро упирался в какую-то твёрдую преграду. Обламывать же старое испытанное оружие Буратина не хотел. Всё, что ему удалось разглядеть сквозь мерцание фальшивого пламени – так это какую-то дверцу. Скорее всего, это был коммуникационный лаз или что-то вроде этого. Но там всё было так затянато пылью и паутиной, что разобрать что-либо было совершенно невозможно, и Буратина оставил эту затею.

Вопрос с обучением решался медленно и со скрипом. Учебных заведений в общей зоне было довольно много: в конце концов, в Директории единственными путями вверх были удачный ребилдинг и хорошее образование. Однако училищ начальной ступени имелось всего три, и все были недёшевы.

В конце концов доктор Коллоди остановился на том самом Аусбухенцентруме, о котором говорил сверчок.

Об этом месте Буратина кое-что слышал. Запомнил он, впрочем, немного. Однако в долгие часы сидения на койке единственным его развлечением, кроме рукоблудия (этим нехитрым делом бамбук мог заниматься очень долго, но всё-таки не всё время напролёт), было копаться в памяти. Правда, в основном Буратине вспоминались житейские вещи: мягонькая Винька-Пунька, победы в спарринге, Джузеппе, комната 16А, засранный конями газон и ссоры с входным крокодилом. Про AZ он помнил какие-то обрывки разговоров – типа того, что там очень жёсткая дисциплина, зато хорошо учат и кормят до отвала.

Голодному деревяшке последнее обстоятельство казалось перевешивающим всё остальное. К началу второй недели он заметил, что стал приглядываться к существу в автоклаве с нехорошим пищевым интересом.

Однажды ночью – доктор Коллоди, как всегда, отсутствовал – автоклав с тихим звоном открылся. Буратина помог находившемуся там существу выбраться на волю – благо, обросло оно не слишком сильно и могло шевелить конечностями.

Бамбук подумал было насчёт потрапушек: у него очень давно никого не было. Однако зверюшка из автоклава совершенно не возбуждала: какая-то непонятная малоразмерная жёлтая фигня с миниатюрным клювиком и круглыми чёрными глазками. Идея пообкусывать нарощенные ткани – сейчас даже такой хавчик казался голодному бамбуку вполне приемлемой добавкой к рациону – оказалась неосуществимой: существо было покрыто чем-то вроде переразвитых перьев, совершенно несъедобных даже на вид.

Зато жёлтая фигня оказалась разговорчивой, чтобы не сказать болтливой, а изнывавший от скуки Буратина был благодарным и внимательным слушателем.

– Я цыплё, – представилась тварюка и тут же пустилась в объяснения, что цыпли – это новомодная и чрезвычайно перспективная модификация базовой основы куриных, прошитая

генами дебря и заполированная страусом и лемуrom. Цыпли были недавно запущены в серию лабораторией перспективных исследований. Как и все изделия ЛПИ, цыплё с рождения имел статус эволюционирующего и ни дня не прожил в вольере.

Работала с его тельцем и умишком кураторша из отдела стратегических исследований: существо называло её мамой. Об этой самой маме цыплё был готов говорить бесконечно и в исключительно восторженном тоне. Трезвомыслящий Буратина только хмыкал. Впрочем, скепсиса у него поубавилось, когда он узнал, что мама – лиса: ему вдруг вспомнился чей-то рассказ, что у лис и в самом деле встречается генетически обусловленная любовь к птичьим. Вполне вероятно, что мама и её питомец и впрямь жили душа в душу.

Потом разговор перекинулся на темы образования. Тут Буратина наострил уши: малолетний цыплё оказался неожиданно хорошо подкован по этой части.

Зашла речь и про Аусбухенцентрм.

– Мама, – рассказывал цыплё, тщетно пытаясь вырвать своим слабеньким клювиком длинное перо, выросшее почему-то на ноге, – тоже хотела меня отдать в Центр. Там выше стандарты образования. Но я решил, что не выдержу. Там бьют, – доверительно сообщил он. – И пытаются.

– Кто бьёт, кто пытается? – поинтересовался бамбук. Он не очень-то боялся побоев, однако хотел знать подробности.

– Все, – вздохнул цыплё. – Такие уж у них традиции.

Буратина захотел подробностей и получил их: жёлтая фигня выдала на-гора кучу разнообразных сведений.

Судя по рассказу цыпля, Аусбухенцентрм был любопытным образчиком эволюции учреждений. Колледж вырос на месте армейского хосписа военных времён – само его название на одном из древних человеческих языков означало «Центр списания». Туда свозили необратимо повреждённые изделия, уже не способные воевать, и притом не могущие умереть без посторонней помощи. Сначала это были киборги и гибриды, попавшие под электромагнитные удары, потом – зазомбированные, нейроповреждённые, прошедшие пытки и прочий отработанный шлак.

Большая часть этого живого мусора именно что списывалась – то есть, попросту говоря, шла на препараты. Однако по ходу войны кое-какие повреждения, ранее считавшиеся безнадежными, научились лечить, и при «центре списания» открыли что-то вроде реабилитационного блока. Поскольку после электромагнитных ударов, вирусных нейроатак и тому подобных сюрпризов содержимое мозга обычно стиралось напрочь или превращалось в кашу, реабилитация стала включать в себя и ускоренное обучение. Занимался этим низший персонал из некондиционных изделий, а не люди. После Хомокоста это обстоятельство оказалось решающим: в отличие от прочих служб, реабилитационный центр почти не пострадал. На его-то базе и возник колледж.

Центр гордился своей историей и свято блюл традиции, прежде всего учебно-дисциплинарные. С учениками обращались так же, как с реабилитируемыми солдатами, которых нужно или как можно быстрее поставить на ноги, или как можно скорее отправить в расход.

Основным инструментом обучения считалась боль – и как средство наказания, и как стимулятор внимания обучаемого. По словам цыпля, на уроках ученики сидели опутанные проводами, подключёнными к разным чувствительным местам. Использовались и обычные пластиковые дубинки. Обучение шло в пакетном режиме – до полного истощения нервной системы ученика. Отдыхом считалась тяжёлая физическая работа на пользу Центра и короткий сон. Тирания старших учеников и издевательства над новичками поощрялись. Единственное, что можно было сказать о колледже хорошего, так это то, что кормёжка там была отменная. Это тоже было традицией, восходящей к реабилитационным повышенным пайкам. Впрочем, юного цыпля, не знавшего голода, это совершенно не вдохновляло.

– Жуть какая-то, – резюмировал он. – Я так и сказал маме, что туда не пойду ни за что. Я перспективный, с высоким IQ, со мной нельзя так обращаться. Меня ж там просто заключают. Нет, нет, сказал я маме. И мама со мной согласилась! – победно закончил цыплё, растопырив жёлтые пёрышки.

– Яюшки... А кто тебе рассказал про провода на уроках и всё такое прочее? – на всякий случай поинтересовался Буратина.

– Мама, кто ж ещё? – удивился цыплё.

– Ага, понятненько, – сказал бамбук и задумался.

Как бы ни был бамбук глуп и неразвит, всякое житейское он знал получше желторотого цыпля, и о том, как делаются дела, имел представление. Так что, покумекав, он решил, что мама, скорее всего, пыталась выбить из руководства деньги на обучение своего питомца в Аусбухен-центре – а когда это не прокатило, сдала назад, для надёжности запугав цыпля, чтобы он и думать забыл про эту лавочку.

Из этого следовало довольно многое. В частности, то, что Аусбухен – не курорт, но и не филиал препаратурской. Боли Буратина не особенно боялся. Не боялся он и перспективы разборок с шоблюю: драться он умел и любил. Зато в Аусбухенцентре он не будет голодать, а вот это очень важно.

Он ещё потрепался с цыплем на разные житейские темы. Наконец тот заявил, что его уже давно ждёт мама.

Выпустить его, однако, оказалось сложно: папа Карло имел привычку на ночь запира́ть Буратину в камерке, так что пришлось разбить замазанное окно и выпихнуть цыпля наружу. Жёлтая фигня вывалилась из окна, пропищав напоследок что-то вроде «давай до свидания».

Буратина устроился у фальшивого огня, размышляя о том, что цыпля, наверное, сразу положат на стол дорезывать – а к утру всё-таки покормят.

Деревяшкин зажмурился и стал представлять себе разнообразную еду. В конце концов он навоображал себе огромное блюдо с ошипанным и зажаренным цыплем. От голода бамбука пробило на икотку.

Он не заметил, как под лестницей бесшумно отодвинулась в сторону канализационная решётка. Высунулась, понюхала воздух и вылезла – а лучше сказать, вытекла наружу – серая тварь на низко посаженных лапах.

Глава 15, в которой мы знакомимся с личностью по-своему любопытной, но не особенно симпатичной

То же место. Несколько ранее.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib № 635102

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 13 ноября 269 г.

АКТУАЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ: 43 года

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 43 биогода

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС AРIF: 8110

ОСНОВА: крыса

ПОЛ: женский

ПРАВОВОЙ СТАТУС: недочеловек

ПРИМЕНЕНИЕ: очистка помещений, санитарно-технические работы

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Суассара Лиомпа Андреа Дворкина

КЛИЧКА: Шушара

Больше всего я ненавижу всех.

Остальное – вольер, невкусный корм, унижения, голод, жалкую и гнусную жизнь среди труб – я научилась как-то терпеть.

Вот разве ещё запах мокрых тряпок. Тряпками здесь воняет всё. Самое противное – запах обоссанных подстилок из детских вольеров. И запах тряпок для уборки – серых, истрепанных до бесформенности, почти живых тряпок. Они с тяжелым плеском падают в ведро, с чмоканьем обвиваются вокруг сырого дерева швабры и оставляют за собой блестящие разводы, от которых несёт хлоркой.

Отдельно – запахи труб, горячих и холодных. От горячих пахнет сильнее, от холодных – гаже: сырость привносит оттенки.

Есть ещё тонкий, сладковато-тошнотворный запах – им подванивает снизу, из подвалов. Запах мучающейся плоти, страха и боли. Существа с обонянием вроде моего обычно пугаются этого запаха. Но меня он привлекает. Мне хотелось бы побывать внизу. Просто чтобы подышать ароматом страдающих тел. Мне нравится, когда они умирают, и ещё больше нравится, как они при этом мучаются. Запахи страха и боли возбуждают меня. Однажды снизу пахло так сладко, что я не выдержала и отдалась одному уродцу из вольера. Потом я долго бегала по коридорам, стараясь унять похоть и никого не укусить.

Я боюсь секса. Когда я ебусь, то теряю самоконтроль. Даже в вольере на спарринге я обычно не пользовалась правом победительницы. Однажды я всё-таки это сделала – с каким-то жеребцом, который был уж очень в моём вкусе. Я имела его, я насаживалась на его кол, мечтая только об одном – разорвать ему шею. И под конец, когда он уже не мог терпеть и спустил в меня, тогда – вот тогда я всё-таки укусила. С меня сняли двадцать баллов, хотя оно того стоило: я кончила так, что потом еле доползла до подстилки.

Да, мне нужно укусить, чтобы кончить. Укусить по-настоящему, чтобы услышать визг жертвы, ощутить вкус крови во рту. Когда я это поняла, то решила отложить удовольствия до лучших времён.

Такие, как я, были созданы, чтобы убивать и причинять боль. Мне это нравится.

Я горжусь своим происхождением. Да, я крыса. Генетически и психологически. Крыса – самое живучее существо среди млекопитающих, они до сих пор встречаются в диком состоянии. Живучесть предполагает терпение. И я терплю-терплю-терплю, уж этому я научилась.

В детстве, когда мы воевали с дураками, я хотела одного: поскорее попасть на границу. О нет, разумеется, уж я-то не собиралась героически подыхать за Директорию. Я собиралась при первом удобном случае свинтить с передовой. Я даже занижала свои оценки, чтобы меня не взяли на индивидуальное. Потом я узнала, что у дезертира практически нет шансов. Дураки не такие уж дураки, чтобы возиться с пленными. Это, в общем-то, логично: тупого мяса у них и без того хватает, а лишние умники никому не нужны. Я на их месте поступала бы так же.

Но я не остановилась. Я решила, что мне нужно сделать нормальную карьеру. Дорасти до статуса человекообразного. Этого мне не позволили. Не пустили. Сослали в уборщицы и охотницы за мелкими паразитами. Другой работы для меня, разумеется, не нашлось.

Нет, я не жалею. В каком-то смысле мне даже повезло. Я, со своими головняками и заморочками, устроилась так, чтобы на меня обращали как можно меньше внимания. Жить в старом корпусе среди ржавых труб – это, конечно, не айс, и даже не глюкоза перорально. Зато меня никто не контролирует. А главное, я могу делать вылазки. С некоторых пор это стало моим основным занятием. Выискивать, вынюхивать, находить, приносить, выкрадывать. Наносить неожиданные удары. Причинять боль – всем. Они все этого заслужили, они все заслужили этого, заслужили сполна.

Этот кретин Джузеппе ещё не знает, с кем связался. Да, я сделала для него эту работу: сломала секвенсор, подменив настроечные платы. Кажется, Сизый Нос хотел таким образом подсидеть своего шефа и подняться самому. Идиот. Сверчок выжмет его, как тряпку, а потом от него избавится. Надеюсь, он отдаст его мне. У медвежьих основ есть кое-какие интересные анатомические особенности. Когда я об этом думаю, у меня чешутся зубы.

Когда Замза предложил мне работать на него, я согласилась сразу же. Не потому, что я хоть в чём-то разделяю их идеи. Все идеи стоят друг друга, и все они воняют обоссанной подстилкой. Я уверена, что в тораборских пещерах всё ещё хуже, чем здесь, в Директории. Нет, меня интересует только материальная сторона дела. Деньги. Мне нужны деньги. Не жалкие зарплатные сольдо, а золотые соверены. Сверчок, по крайней мере, мне платит соверенами. Думаю, он крадёт у меня три четверти гонорара.

Когда-нибудь я его убью. Перед смертью он расскажет, где прячет золото. Жаль, не знаю, где у него основные нервные узлы. Ничего, выясню. У меня нюх на больные места. Плохо одно: пытка не доставит мне удовольствия. Жуки меня не возбуждают. Они не кричат, они не пахнут страданием, они даже дёргаются неправильно. Мучить жука – всё равно что ломать секвенсор.

Зато новый заказ Грегора возбуждает меня очень сильно. Сверчок – впервые за всё время – заказал мне любимое дело.

Убить.

Глава 16, в которой наш юноша чудесным образом спасается от верной гибели и по такому случаю преисполняется энтузиазма

Там же, тогда же.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ: Ausbuchenzentrum

ОФИЦИАЛЬНОЕ СОКРАЩЁННОЕ НАЗВАНИЕ: AZ

ТИП: колледж начальной ступени

РАСПОЛОЖЕНИЕ: Директория

СТАТУС: частное учебное заведение

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕРТИФИКАЦИЯ: есть

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: эволюционирующие начального этапа

ПРОГРАММА: чтение, письмо, навыки счёта, обращение с техникой, физическая подготовка

ФОРМА ЗАНЯТИЙ: группы по 4–6 эволюэ, мини-группы до 3 эволюэ, индивидуальные занятия

ОПЛАТА ОБУЧЕНИЯ: в частном порядке по договорённости

ВЫХОД: удостоверяющий документ о прохождении начального этапа

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ (на правах рекламы):
«Ausbuchenzentrum» – старейшее частное учебное заведение в Директории. Многолетний опыт сотрудничества с Институтом Трансгенных Исследований. Гибкая система курсов. Психологическая помощь в форировании личности. Традиции довоенного немецкого качества.

Учебные заведения Директории. Директория: Наука, 311.

Замечтавшийся Буратина прозевал начало атаки. Но, конечно, не саму атаку. Когда метнувшаяся к нему серая тень ещё висела в воздухе, бамбук успел сделать перекат и сгруппироваться для прыжка на подоконник. Удержаться на нём было невозможно, зато он успел рассмотреть противника.

Это была серая крыса.

В отличие от канцелярских крыс, происходивших от белых лабораторных, серые изначально проектировались как бойцовая порода. Дрались они отменно, никаких правил не признавали и славились умением кусаться. Победа в спарринге над серой бойцовой приносила кучу баллов, вот только случалось такое очень редко. Во всяком случае, на ринге бамбук предпочёл бы двух коней подряд одной серой гадине.

Сейчас, однако, выбора не было: крыса явно намеревалась его прикончить. И имела все шансы на успех. Бежать Буратина не мог. Дверь была заперта, окно было слишком узким, а лезть в канализационный люк, который открыла серая тварь, было бы самоубийством чистой воды.

Бамбук успел подумать об этом, пока его тело совершало следующий прыжок – через всю комнату с подоконника на стол. Крыса, метнувшаяся было к окну, перевернулась в воздухе, спружинила лапами и атаковала снова.

На этот раз Буратина бежать не пытался. На столе он успел ухватить на ощупь какой-то металлический штырь – неудобное, но всё-таки оружие. Тут серая налетела вихрем и повалила его. Длинные жёлтые клыки сомкнулись в сантиметре от горла.

Деревяшкин изловчился и ударил головой, целя носом в красный крысиный глаз. Тварь легко уклонилась от удара, зубы заскрипели по бамбуковой оболочке предплечья, сдирая стружку.

Буратина пизданул по крысе железкой. Та вывернулась и схватила-таки деревяшкина за шею сзади. Бамбуковая кожа затрещала. Буратина ударил двумя руками вслепую, понимая, что это последний шанс – челюсти крысы передавили артерии.

Удар был сильным, однако крыса не обратила на него внимания. Поудобнее перехватив зубами шею бамбука, она стала спускаться со стола – видимо намереваясь затащить его в подполье и там уже им заняться.

Буратина в последний момент успел поймать длинный голый хвост твари и дёрнуть изо всех сил. Приём был не из лучших – просто ничего другого не оставалось.

Крыса от неожиданности обосралась – в комнате кисло завоняло, – но не выпустила Буратину. Тогда он впился в хвост зубами. Серая тварь подпрыгнула, не разжимая челюстей.

В этот момент в замке повернулся ключ.

– Пы-ы-ы Кы-ылы-ыы! – выжал из сдавленной глотки Буратина. Получилось не очень-то. К тому же пришлось разжать зубы. Крысиный хвост ударил его по лицу.

– Здесь я, здесь! – Дверь отлетела в сторону и ударилась о стену. Буратина услышал стук, шипение, и тут крыса, отвалившись, упала на пол и закрутилась на спине, тоненько вереща от боли.

В дверях стоял доктор Коллоди, держа в руке автоматический шприц-пистолет, стреляющий струйкой жидкости под давлением. Это было приспособление для среднего персонала, полезное для усмирения вольерного молодняка. Шприц был заряжен какой-то смесью, практически безвредной, но вызывающей дикие судороги в мышцах.

Доктор снова направил шприц на крысу, намереваясь, видимо, пофиксировать её окончательно. Но извивающаяся от боли тварь всё-таки поднялась на лапы и метнулась к лазу, где и скрылась.

Озабоченный доктор быстро осмотрел своего питомца на предмет повреждений. Ничего существенного не обнаружилось. Потом Карло случайно бросил взгляд на автоклав, побледнел и схватился за сердце. Буратине пришлось рассказать про цыпля и продемонстрировать разбитое окно. Карло немного успокоился.

– Плохо дело, – задумчиво говорил он, сидя за столом и разбирая какие-то бумаги. – Будь у меня прежнее положение, я запустил бы расследование. А сейчас моё заявление просто положат под сукно. Хотя вообще-то крысы просто так не нападают. Нас кто-то заказал, малыш. Точнее, меня: ты-то никому на хрен не сдался. Но если бы тебя убили, меня могли бы отстранить от исследований. А если бы эта тварь прикончила ещё и цыпля, на меня повесили бы стоимость изделия... Я грешил на Джузеппе: он меня не любил и метил на моё место. Так ему уже повезло с секвенсором, своё он уже получил. Нет, не понимаю.

Буратина вздохнул и рассказал о сверчке и его угрозах.

– Знаю я этого Замзу, – почесал потылицу доктор. – Странный тип, но безвредный. Прижился тут, да. Возможно, не прочь вернуться в комнату, я это допускаю. Но крыса, откуда крыса? Я их основу знаю. Ни одна серожопая не стала бы рисковать за просто так. Только за деньги. Или за какие-то услуги. В крайнем случае – подчиняясь приказу. А у сверчка нет ничего, что заинтересовало бы крысу. Денег ему взять неоткуда, сам он никто... Или всё-таки?.. Ах да. Ты, небось, голодный. Был я тут в лаборатории... для тебя припрятал. Деликатес. На, жри, – он вытащил из кармана пакетик. В нём оказалось яблоко – конское, глазное. Буратина немедленно засунул его в рот. Голодный желудок хищно заурчал, прося добавки.

– С другой стороны, – продолжал рассуждать доктор, глядя на жрущего Буратину, – сейчас любая мелкая шелупонь для меня опасна. Я держусь на волоске, и по мне лупят со всех сторон... Н-да. Тебя надо срочно отправлять в колледж.

Буратина пересказал папе то, что услышал от цыпля насчёт Аусбухенцентра.

– Чушь собачья, – поморщился доктор Коллоди. – Ну не совсем чушь, просто не всё так страшно. Порядки пожёстче, чем у нас на индивидуальном, дисциплины больше, так это и хорошо. А вот тебя нужно убирать отсюда как можно скорее. Крыса может вернуться... Знаешь что? – Карло внезапно поднялся с решительным видом. – Сейчас я этот вопрос решу. Хватит уже тянуть. Сиди тут, – он пошёл к двери.

Он отсутствовал часа два. Всё это время Буратина просидел возле канализационного люка, ожидая, что крыса попытается атаковать снова.

Доктор вернулся, держа в руках какую-то книжонку.

– Вот, держи. Это аусбуха, – объяснил он, – стандартный набор тестов для приёма в Аусбухенцентр. За твоё обучение я заплатил. Через десять дней пойдёшь сдавать вступительный. Просрёшь – убью. Хотя нет, не убью. Отправлю на общее.

Буратина быстро перелистал книжонку. Оказалось, что это и в самом деле стандартный набор тестов на IQ и базовые знания. Ничего особенно сложного там не было.

Гораздо больше его удивил внешний вид доктора. Он был в каком-то рыжем, выцветшем тряпье.

– Папа Карло, а где твой комбинезон? – не удержался Буратина.

– Я его продал. Ничего, обойдусь и так... – доктор смотрел куда-то в сторону.

Бамбук прикинул, сколько может стоить довоенная вещь такого качества, и понял, откуда взялись деньги на обучение.

Он стиснул зубы так, что они заскрипели. В голове закружилась метель: надо вырасти... выучиться... получить права человека... найти и убить крысу... поймать и убить сверчка... убить Джузеппе... убить того, кто купил комбинезон... починить секвенсор... купить папе Карло тысячу новых комбинезонов... а сначала всё-таки выучиться.

На этой последней мысли он – с несвойственным ему благоразумием – и остановился. О прочих своих великих планах бамбук решил пока никому не сообщать.

Ещё час времени был потрачен на то, чтобы решить проблему с лазом: доктор сходил в техничку за горелкой и намертво приварил решётку к люку. На всякий случай он заделал ещё и окно, пришурупив к нему пластик.

В эту ночь Буратина заснул, преисполненный решимости совершить великие дела, причём в самом ближайшем времени.

Глава 17, в которой мастер своего дела справляется со сложной работой и не остаётся без вознаграждения

113777 дней от Конца, волею Короля осень / 29 октября

312 года от Х.

Подгорное Королевство. Верхние пещеры, зона D11.

Сумерки.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля.

Личное дело 5.02228.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: от калуши

ДАТА РОЖДЕНИЯ: точно неизвестна, вероятно – зима 277 года

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 35

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 35

ОСНОВА: лук репчатый, крапива

МОДЕЛЬ: полицейская вонючка, 2-я модификация

ПОЛ: мужчина

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: психокинетик вне категорий; выделитель
отравляющих и слезоточивых веществ

НЕДОСТАТКИ: запах

ПРАВОВОЙ СТАТУС: наймит Его Величества

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Чиполино

ПОЗЫВНОЙ: Токси

«Сейчас я запрусь в своей конуре, – с удовольствием подумал Чиполино. – В своей вонючей конуре. И проведу в ней ещё один отличный вечер».

Его клетушка-комнатушка располагалась в режимной зоне, подальше от жилых помещений, а также и тесла-оборудования, в котором он мог что-нибудь повредить. Разумеется, в работающий тесла-приёмник Токс не полез бы ни за что – ни руками, ни мысленно. Ну разве только по прямому приказу Короля, и то вряд ли. Но ему нравилось думать, что его опасаются. То есть – уважают. Уважение Чиполино любил и считал, что он этого достоин.

На узкой прорезиненной дорожке коммуникационного тоннеля показалась знакомая лабораторная мышь с какими-то железными судками в лапках. Учувя запахок, она рефлексивно поморщилась. Потом сообразила, что луковкин её видит, и ужасно смутилась. Лапки задрожали, судки задребезжали. Токси ухмыльнулся.

– Привет, Розочка, хорошо выглядишь, – сказал он, деликатно прикрыв рот ладонью, – куда торопишься?

– В лабораторию, там срочно нужно, – пискнула мышь, пряча розовый носик и смешно двигая крашеными усиками.

– А-а. Ну, давай, быстренько, – милостиво разрешил Чиполино, а чтобы придать девушке ускорение – выпустил в её сторону весёлую струйку тиопропиональдегид-*s*-оксида. Мышка приспоткнулась, однако судки не выронила, а судорожно глотая разинутой пастькой воздух, припустилась бегом, проскрёбывая коготками по скрипучей резине.

– В добрый путь, – пробормотал луковкин, подходя к двери и сосредоточиваясь.

Дверь в каморку была закрыта на крючок, открыть который можно было бы лёгким движением пальца. Изнутри, конечно. Извне дверь была глухой и открыть её было невозможно. Никому. Кроме единственного психокинетика, способного поднимать головой металлические предметы тяжелее пятидесяти граммов.

Обычно всё происходило быстро – хватало одного рывка, чтобы крючок отскочил. Но сейчас что-то заело: как Токси ни жмурился, как ни напрягался, ничего не происходило. Дурная железка, похоже, застряла. Чиполино взялся за ручку, чтобы подёргать дверь, и тут его внезапно прошиб пот, да так, что в коридоре стало нечем дышать. С той стороны двери кто-то был, он ощутил это ладонью. Кто-то держал крючок, не давая ему войти.

Паранорм перевёл дух и зло ухмыльнулся. Трудно представить себе идею более глупую, чем стоять по другую сторону двери от существа, способного с нескольких метров защемить хулигану седалищный или тройничный нерв, расплющить базальные ганглии, а под настроение – и порвать лёгочную артерию, например.

Пока луковый парень прикидывал меру допустимого воздействия, дверь внезапно распахнулась. Токс среагировал не думая, на рефlekсах – брызнул в проём струйкой слезоточки с капсаицином.

– Дочь твою Мать! – заорал неизвестный. – Выбёк вонючий! Скобейда обломин... быыыххх, – что-то с грохотом упало и покатилося.

У Чиполино сработали инстинкты: вместо того, чтобы ломиться в открытую дверь, он прыгнул к стене и вжался в неё. Гость мог быть вооружён, а организм Чипа совершенно не нуждался в дополнительном железе.

Из комнаты донёсся тихий вой включённой на полную мощность вытяжки. Похоже, решил луковкин, неизвестный успел её хорошенько обследовать. Это делало ситуацию ещё менее приятной. Токс прикинул, справится ли он своими силами или лучше не геройствовать и вызвать охрану.

– Да заходи уже, – с досадой произнёс всё тот же голос. – Где был, Токсилло? Я же тебе говорил – давай сначала дело сделаем. Нет же, побёг. Сказал, что на десять минут, гуляешь полчас, всё забыл...

Токс досадливо хлопнул себя по бестолковке, поросшей зелёными перьями – он наконец догадался, кто у него в гостях и как он попал в закрытую комнату.

– Джо, ты? Э-э... извини, а мы на «ты» или на «вы»? – решил уточнить он на всякий случай.

– Сто лет как на «ты», – сообщил Джо. – Ну хоть это можно запомнить?

– Бумажку напиши, что ли, – попросил луковкин, отлипая от стены.

– Пробовал я писать бумажки. Забывают, теряют, роняют спички горящие на них, и всё такое. Тебе оно надо?

Луковкин пристыженно промолчал.

– Так ты где гулял? Сам знаешь, десять минут – край. А ты обычно минут пять держишься. И то не всегда.

– Тормознули, в электронном микроскопе один контактик отошёл, не вскрывать же корпус, – Токс осторожно снизил уровень отравляющих веществ в подкожных железах до минимума. – Как там, ещё пахнет? – осторожно спросил он.

– Нет, не пахнет. Глаза режет, – вздохнул гость. – Да ты-то чего стоишь? Заходи, родной, будь как дома, – ехидно добавил он.

Чиполино вошёл и первым делом осмотрелся – не стряслось ли чего с любимой клетушкой-комнатушкой.

На первый взгляд, ничего особенно страшного с вонючей конурой не случилось. Узкая постель с резиновым матрасом и латексным одеялом. Чиполино обзавёлся им, когда однажды во сне напустил в воздух сернистого газа и чуть сам не задохнулся. Заветная икона Дочки-Матери «Нюрочка раздвинула ноженьки», попиксельно выложенная смальтой (личный подарок от Подгорного Короля за деликатную, опасную, хорошо сделанную работу), под ней – раковина из розового фарфора, в углу – искусственная пластиковая ёлка, увешанная пузырьками, баночками, пуговицами разного веса и толщины и тому подобной мелочёвкой. Ёлку Токси

использовал в качестве тренажёра – все пузырьки имели разный вес и были сделаны из разных материалов, что было важно для поддержания полноты психокинетической способности. Токс отлично помнил заветный рассказ о каком-то древнем человеческом психокинетике, который надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Вытяжной короб под потолком тихо хлюпал, глотая резиновым ртом испорченный воздух.

А на антикварном стуле эбенового дерева, положив ноги на ящик из-под апельсинов, сидел-покачивался, надвинув на лоб стетсон и задумчиво жуя незажжённую сигару, Неуловимый Джо.

По слухам, Джо был симпатичным парнем, не лишённым юмора и обаяния. Бытовало даже мнение, что Токс и Джо были друзьями – с поправками на вынужденную односторонность подобной дружбы. Сам Чиполино допускал, что такое существо, как Джо, может питать к нему нечто вроде симпатии – маргиналы часто тянутся друг к другу, а Неуловимый был маргиналом из маргиналов. Увы, узнать истину не представлялось возможным: все попытки выяснить, общаются ли они с Джо на самом деле, наткнулись на железобетонную стену лост-эффекта.

Джо был пропаданцем. Эта редчайшая паранормальная способность – точнее, свойство – обрекала его на одиночество. Трудно быть всеобщим любимцем, когда о твоём визите забывают через несколько минут после прощания, твои изображения выцветают и расплываются до неразличимости за сутки, а любые документы, удостоверяющие твоё существование – теряются или гибнут, иногда вместе с архивами. Тем не менее Джо не унывал, так как плюсы его положения заметно превышали минусы. Как гласила местная легенда, в Тора-Бору он явился верхом на голубом единороге с мешком золотых соверенов и выразил желание служить Подгорному Королю вольным наймом, если тот не забудет о его предложении. Усама бин Ладен, достигший за века власти и медитаций абсолютного ментального контроля над собственным разумом и телом, необычного визитёра и в самом деле не забыл – и вроде бы даже однажды удостоил Высочайшей Аудиенции. После чего Джо поселился в верхних пещерах. Где именно он обитает – никто не знал, чем занимается – тоже: Неуловимый был полуполюгендарной фигурой, в самом существовании которой было легко усомниться. Во всяком случае, пока его не было поблизости, а также и после того.

Тем не менее Токс довольно часто находил у себя в комнате следы чьего-то пребывания – то сиденье стула оказывалось тёплым, то в комнате пахло сигарами, которыми луковкин никогда не увлекался, то на ёлке обнаруживалась какая-нибудь безделица, которую он туда не вешал. Несколько раз он обнаруживал у себя в сейфе неучтённые деньги. Поскольку сейф запирался исключительно изнутри и открыть его, не взламывая, не смог бы и сам Король, оставалось предположить, что деньги он клал туда сам, а потом забывал об этом начисто. Из чего следовало, что эти деньги приносил Неуловимый.

Так или иначе, сейчас Джо был здесь, да ещё при полном при параде – в кремовом костюме, малиновых мокасинах и оранжевом галстуке шириной с ладонь. Чиполино невольно подумал, что, если бы не лост-эффект, то Джо в таком прикиде был бы просто незабываем. Впрочем, и без прикида тоже: длинную веснушчатую физию с рыжими бровями и вислым носом, украшенную очками в мощной роговой оправе, выкинуть из головы было бы ой как непросто.

Ещё немного подумав, луковкин решил, что Неуловимый ему, пожалуй, нравится. Было в нём что-то такое – трудно сказать что, но что-то было, да, что-то присутствовало, чем-то веяло. Чиполино обычно нравились те, в ком есть тайна, внутренний стержень, ну или хотя бы начинка.

– Когжа чы убегаж... пфу, – Джо ловко выплюнул сигару в руку, – когда ты убегал, в смысле, я тебе анекдот рассказывал. Помнишь?

– Не помню, – буркнул луковкин, пристраиваясь на койке. Резина скрипнула по коже штанов, луковкин поморщился.

– В общем, анекдот про меня. Приходит, значит, Неуловимый Джо к доктору и говорит: доктор, меня почему-то все игнорируют! А доктор смотрит сквозь него и в пространство говорит: следующий!

– Не смешно, – сказал Токс. – Доктор тебя бы заметил, а забыл потом.

– По-разному бывает, – философски заметил Джо. – Если я просто пробегаю мимо, меня именно игнорируют. Неприятное чувство, скажу я тебе. В относительно молодые годы я поубивал кучу дураков. Именно по этой причине. Ну просто чтобы оставить след в чьей-то памяти. На спящих и умирающих лост-эффект не действует.

– А как же Король? Он же тебя помнит? – наморщил лоб Токс. На лбу тут же образовалась капля ядовитого пота, которую луковкин быстро промакнул манжетой.

– Я же сказал: на спящих и умирающих лост-эффект не действует.

– Не понял, – признался лук.

– И не надо, – сказал Джо.

Дверь хлопнула, в проёме показалась мышиная мордочка.

– Извините, – пискнула мышь, – господин Чиполино, меня просили напомнить, чтобы вы подошли в оранжерею, там на сирени вредители завелись, так их опрыскать надо... Ой, а вы кто? – она уставилась на Джо. – Вам тут положено?

– Ну вот, началось, – вздохнул Неуловимый. – Идите, милочка, ваше начальство в курсе.

– Я спрошу, – пообещала мышка и исчезла.

– Теперь она тут будет всё время ошиваться, – вздохнул Неуловимый.

– Почему? – не понял луковкин.

– Ну как почему? Забудет, что была, вернётся, и так далее по кругу.

– Ты бы спрятался, что ли, – попросил Токс.

– Не факт, что подействует, – Джо пошевелил сигарой, зажатой между пальцев.

– Тебе огоньку? – предложил лук.

– Да я ж не курю, – объяснил Джо, – сигара у меня для имиджу. Должен же у меня быть какой-то имидж?

– А зачем ты крючок держал, тоже для имиджу? – поинтересовался Токс.

– Извини, не специально. Просто надоело сидеть, я о дверь опёрся, задумался о жизни... а ты как-то тихо подошёл, я и не понял. Да хрен бы с ним, давай о деле. Во-первых, я тебе должен.

– Что? Я тебе давал в долг? – луковкин от удивления покрылся сернистым потом. Неуловимый Джо демонстративно зажал нос и включил вытяжку на полную мощность. Та по-сучьи взвыла, захлёбываясь вонью.

– Фу-фу-фу! Как ты сам этой своей дрянью не травмишься? – Токс промолчал, промакивая платком вспотевший лоб. – Ну не то чтобы в долг... – снизошёл Джо до объяснений. – Просто ты поработал, я должен был тебе заплатить, но у меня как раз образовался кассовый разрыв. И ты любезно согласился подождать. Вот, – он опустил длинную руку вниз, достал из лежащей у ног холщовой сумы увесистый на вид мешочек и бросил его Чиполино. Тот его поймал, мешочек самодовольно звякнул.

– Ебать я благородный, – удивился сам себе Чиполино.

– Сам удивляюсь, до чего же ты классный парень, – усмехнулся Джо. – Посмотри, сколько там.

– И так знаю, – Токс мысленно потянул за содержимое мешочка, – четыреста граммов. Хотя нет, грамма не хватает. – Токс высыпал на ладонь несколько золотых кругляшков. – То есть это пятьсот совершенов.

– Неплохо, да? – Неуловимый подбросил сигару в воздух и ловко её поймал. – И таких мешочков у тебя в зажигалке много. Будет на что обзавестись анклавчиком на старости лет... Только не потей, пожалуйста, и не брызгайся! – замахал он руками. – Да знаем мы всё, знаем. Думаешь, Карабас в твою луковку не заглядывал?

Чиполино снова достал платок, с большим влажным пятном посерединке, и принялся промакивать им шею.

– Я тебя отлично понимаю, Токсилло, – продолжал Неуловимый. – Ты честный спец, работаешь по контракту. Твоя верность Его Величеству ограничена условиями найма. Твоя родина – Страна Дураков. Тебе хочется вернуться туда богатым и авторитетным. И то и другое ты можешь получить здесь. А Король не против того, чтобы на бескрайних просторах Эсдекии появился ещё один анклав, чей владелец нам обязан...

– Ну допустим, – неохотно признал очевидное Чиполино. – А ты-то почему работаешь на Короля? Что он тебе такого предложил? Чего бы ты не мог купить или украсть?

– То, что я не могу купить или украсть. Дружбу, – Неуловимый вздохнул.

Токс тем временем упёрся лбом в стену над раковиной и закрыл глаза, мысленно двигая рычажки замка. Открыл. Икона со звонким щелчком отскочила в сторону вместе с сейфовой дверцей. Мешочек с золотом отправился в тёмный зев. Луковкин закрыл сейф, прокрутил внутренний замок и повернулся к гостю.

– Может, всё-таки расскажешь, как я эти деньги заработал? – спросил он.

– А нахуа? Всё равно через полчаса ты будешь пребывать в святой уверенности, что всё это время просидел на койке, думая о вечном, – пожал плечами Неуловимый.

– Жаль, – непритворно огорчился Чиполино.

– И как я тебя понимаю, брателло! Кроме денег и авторитета хочется ещё и самоуважения. Такого, знаешь ли, чувства – вау, я когда-то был крут, я сделал это, и это, и ещё вон то! Ну извини, нельзя быть на свете красивым таким. Вот у меня, знаешь ли, тоже проблема. Я чрезвычайно востребованный чувак. И в то же время я никому нахрен не нужен. Кроме Короля, и то когда-нибудь он нас всё-таки оставит. А я вряд ли. Потому что смерть обо мне тоже не помнит.

– Смерть не помнит? – не поверил луковкин.

– Ну это всё-таки метафора, – ухмыльнулся Джо, довольный произведённым эффектом. – Хотя большинство патогенных факторов и в самом деле меня, того, как тот врач... игнорируют. В том числе вирусы. Не то чтобы я от этого страдал, но когда тобой брезгают даже они...

– А перепошиться не пробовал? – ляпнул Токс. – Иногда помогает. Ну, в смысле, дар уходит.

– Вот только что сказал: вирусы меня в упор не видят. В том числе и эти ваши вектора. К тому же *in toto* меня всё устраивает. По крайней мере, я свободен. То есть не отвечаю за свои действия – ни соборно, ни по законам, да и перед Королём тоже, в общем-то, не отвечаю. Только перед гомеостатическим Мирозданием, будь оно неладно. Ладно, всё это *too old*, как говорят педведы, – вздохнул Джо и всё-таки вытащил зажигалку. – Тут такой запашок, что я, пожалуй, закуру. Надо же как-то освежить воздух.

Неуловимый помолчал, раскуриваясь. Чиполино подумал, что неплохо было бы подсластить жизнь и себе. И встал, чтобы взять кьянти и бокалы.

Джо увидел бутылку и как-то сразу встряхнулся.

– А вот с этим погоди малешко, – сказал он совсем другим тоном. – Я зашёл не только для того, чтобы отдать деньги и пожаловаться на жизнь. У нас с тобой снова образовалась работёнка, Токс. Очень деликатная и требующая очень трезвой головы.

– Это что же? – Токс опасливо покосился. – По живому?

– Нет, хуже.

Дверь хлопнула, в проёме показалась мышинная мордочка.

– Извините, – пискнула мышь, – господин Чиполино, я насчёт сирени, в оранжеее, вредители завелись, не могли бы вы опрыскать... Ой, а вы чего тут делаете? – вытаращилась она на Джо. – Вы вообще кто?

– Я же говорил, опять припрётся, – вздохнул Неуловимый. – Девушка, шли бы вы отсюда. Например, на хуй. В это время суток оттуда открывается чудесный вид.

– Со мной так никто ещё не разговаривал! – мышка гневно вздёрнула носик.

– Иди пожалуйста, – посоветовал Джо. – Охране блока.

– Вот именно! – взвизгнула мышь и хлопнула дверью.

– Интересно, дойдёт она до коменданта? – спросил Токс.

– Может и дойти. Просто не вспомнит, что ей от него нужно, – Джо почесал шею. – Давай к делу. Видишь, что у тебя на столе? Только близко не подходи и руками не трогай. И головой тоже осторожнее. Эта вещь стоит дороже нас обоих вместе взятых. Даже если б мы с тобой, друг сердечный, были бриллиантовые.

Токс посмотрел на стол. Там стоял низкий ящик полированного дерева, украшенный по бокам сургучными печатями официального вида. На крышке ящика был выжжен герб нахнахов – обезьяна, держащая за уши овцу, и девиз «ТАРЗАН ЭБАЛЬ УСИХ».

– Ты снаружи не смотри, – посоветовал Джо. – Ты внутри смотри. Токс осторожно ощупал головой содержимое ящика изнутри. Недоумённо покрутил головой.

– Или я охуел, или одно из двух, – пробормотал он.

– С тобой всё нормально. Это действительно Сундук Мертвеца, – сообщил Неуловимый Джо. – Мы отдаём его шерстяным. Почему и зачем – не нашего с тобой ума дела. А вот для тебя дело здесь есть...

– Погоди-погоди. То есть как? Мы? Отдаём? Сундук? Этим выродам?!

– Я в восторге от твоей сообразительности, – Джо вытянул тощие ноги, ящик покачнулся. – Да, брателло, именно так обстоят дела.

– Сундук, – кипятился луковкин. – Он вообще-то... наше всё, – более подходящих слов он не нашёл.

– Ну да, ты прав. Главное хранилище культуры, источник Соборного Культа, Святых Икон Дочки-Матери и заветного шансона. Что ещё?

– Срал я на Соборный Культ с нейротоксинами! – Чиполино от негодования пукнул хлопром. Джо немедленно выкрутил вытяжку на полную, та заверещала от натуги. – Сундук – это же Библиотека Мошкова... это Библиотека филолога... это Самиздат... это вся наша культура! Вся наша культура, какая есть!

– Культура тридцать три раза скопирована и перекопирована, каждый байт разве что на скале не высечен. И то не уверен. Впрочем, ты прав, Сундук как материальный артефакт представляет огромную научную и символическую ценность, – последние слова Джо произнёс голосом усталого лектора. – Наше Величество изволили обменять главное сокровище Тора-Боры хрен знает на что. Не пучь глаза, не знаю, на что именно. Сам не знаю. Надеюсь, оно того стоило. Так или иначе, здесь уже месяц тусуется делегация шерстяных. В основном обычные нахнахи, но среди них есть два сильных эмбата...

– С-скобейда дефная, – прошипел луковкин. – Извини, просто Сундук... Я, конечно, всё понимаю, только...

– Только при этом ты ничего не понимаешь, – закончил за него Неуловимый. – Бывает такое состояние, мне оно знакомо. Давай ближе к делу. В Сундуке есть кое-какое специальное оборудование. Перед тем, как передать сундук шерстяным, его надо включить. Проблем две. Во-первых, в штатном режиме оно включается только внешним кодированным сигналом, воспроизвести который мы не можем. Во-вторых, вскрывать корпус мы тоже не можем. Эмбаты шерстяных неделю сидят, ищут следы взлома или какой-нибудь подляны.

– А-а, – Чиполино в задумчивости выдернул из головы луковое пёрышко и сунул его в рот. – То есть это подляна?

– Ну что ты, как можно, – Неуловимый Джо осуждающе покачал головой. – Никаких подлян. Просто телефон. Спутниковый. И вообще, я сегодня в белой шляпе, – ни к селу ни к городу заявил он. Луковкин подумал, что Джо, возможно, дальтоник – стетсон Джо был дымчато-серым.

– И зачем спутниковый телефон? Спутников же не осталось? – не понял Токс. – Они в Прожарке все сгорели.

– Шибко грамотный, – Неуловимый Джо осуждающе покачал головой. – Хотя мне тоже было бы непонятно... Несколько лет назад мы послали очередную экспедицию на дикие территории. Как обычно, по наводке Его Величества. Где его только не носило... В общем, мы добыли много интересного. Среди прочего – ноут, той же конструкции, что и наш Сундук. Собственно, за ним и шли.

– Зачем? – заинтересовался Токс.

– Приказ Короля, – вздохнул Неуловимый. – Он уже лет тридцать искал второй ноут той же конструкции. Ну, в общем, нашли мы его. Правда, информации там никакой не сохранилось – шредеры всё съели. Большую часть тонкой электроники – тоже погрызли. Но много интересного всё-таки осталось. В частности, приёмопередатчик, который мы смогли починить. Скорость, конечно, та ещё, качество связи тоже. Но поскольку там пакетный режим... Короче говоря, пропускной способности ретранслятора хватает на то, чтобы пробрасывать звук, и если говорят только с одной стороны – как раз нормально получается. Что характерно: эта штука подсоединена к микрофону на корпусе, а его можно активизировать и без ведома владельца. Чем мы с тобой сейчас и займёмся.

– То есть в Сундуке стоит подслушивающее устройство? – дошло наконец до луковкина.

– Да какая разница? Ты же всё забудешь.

– Прости, сейчас я должен понимать, что делаю.

– Тут ты прав, дружище. Да, это оно. И его нужно включить. Будешь работать с двух метров. Не должно быть никаких следов ауры, вообще ничего. Чёрт, погасло... – Джо захлопал по карманам в поисках спичек. Не нашёл, сорвал одну с ёлки и протянул луковкину. Тот осторожно, чтобы самому не обжечься, потёр её между пальцами, и фосфор загорелся.

– Ловко ты это, – одобрил Неуловимый, осторожно лаская язычком пламени кончик сигары. – Ну так чего?

– Мне нужна схема, – сказал Токс. – Очень подробная схема и точное место, где надо перемкнуть.

Дверь хлопнула, в проёме показалась мышинная мордочка.

– Извините, – пискнула мышь, – господин Чиполино, мне просили передать...

– Про оранжерею, – перебил Токс. – Извините, я работаю, подойду позже.

– А кто это у вас? – мышь выпырилась на Неуловимого. – Ой, мужчина, вам, кажется, тут не положено, тут режимная зона...

– В биореактор, бля! – рявкнул Джо. – Чтоб духу твоего здесь не было, пиздопроушина голохвостая!

Мышка яростно пискнула и исчезла. Из коридора донеслось гневное цоканье коготков. Неуловимый Джо молча достал из сумки туго свёрнутый рулон бумаги.

– Зря ты её так, – луковкин покачал головой. – Доебался до мыши.

Джо посмотрел на него искоса, но тему развивать не стал.

– Вот смотри... – начал он, разворачивая рулон... – Нет, подожди-ка... – Джо переместился к двери и накинул крючок на железную петельку. – Мышь старательная, ответственная, так просто не отвяжется, – сказал он, – не хочу, чтобы она тебя отвлекала во время работы.

Так вот, слушай... там стоят DIP-переключатели. Документация в самом Сундуке была, мы её вытащили и распечатали...

Чиполино тем временем вглядывался в чертеж и пытался простроить в уме трёхмерную схему устройства. Топология была в общем понятна, ничего принципиально нового он не ощущал. Это радовало.

– Там два блока DIP-переключателей стоит, на стенке внутреннего контейнера, вот видишь, – потыкал пальцем в чертёж Джо, – переключатель три на первом блоке и переключатель шесть на втором нужно перевести в позицию ON. Только не забудь, что позиции отсчитываются не с единицы, а с нуля.

– Да помню я, помню, – луковкин в очередной раз подумал о том, что с трудом понимает логику существ, которые начинают считать с нуля. Вот зачем им подсчитывать ноль предметов, если там ничего нет? Ноль яблок или ноль золотых соверенов, к примеру, кому нужны?

В дверь кто-то поскрёбся, подёргал её снаружи. Тонкий голосок пропищал что-то вроде «извините, меня просили передать».

Не обращая внимания на копошение настойчивой мыши, Чиполино отошёл в дальний угол, сел на корточки, – эта поза помогала ему концентрироваться на удалённой работе, – и приступил к осторожному прощупыванию устройства. Нашарить блоки переключателей оказалось несложно. Закавыка состояла в том, что за прошедшие века пластик, из которого они были сделаны, растёкся, склеившись с корпусом DIP-модуля практически в монолит. Нужно было сначала расщепить слипшийся материал по периметру каждого переключателя, сделав надрез шириной в десяток микронов... и только потом, тихо, осторожно, чтобы не обломить медный контакт, переместить его в противоположную позицию.

«Работа предстоит мелкая, хуже вышивания», – подумал Чиполино чужую, подхваченную откуда-то из недр библиотеки Мошкова, мысль – и тут же выкинул её из головы вместе со всеми прочими мыслями. Голова ему теперь нужна была не для того, чтобы думать.

Прошло минут двадцать, и Чиполино смог себе позволить вытереть ядовитый пот со лба. Работа была сделана.

Довольный Джо, покинувший комнату вместе со своим ценным грузом, переместился на полуоткрытую площадку в верхней части горного массива и открыл Сундук. Он мог не опасаться эмпагов Тарзана – лост-эффект надёжно стирал все следы его работы.

Ноутбук ожил. Неуловимый, как это было принято у людей в старые и безусловно добрые времена, обошёл трёхмерный визуальный интерфейс, вызвал из недр Windows неприметную утилиту и оказался в командной строке.

```
c:>gnmodem /irq=8 /activate
Гонец-2ММ инициализация...
тестирование...
связь установлена.
```

Импульс пошёл на внешнюю антенну, сигнал отправился за пределы атмосферы, достиг Луны, уже выкатившейся на темнеющий вечерний небосклон, вошёл в контуры ретранслятора, попрыгал по каскадам, собранным из разработанных в древнем Зеленограде «приборов естественного вакуума», и вернулся назад той же дорогой. Комп протестировал систему и перешёл в режим пассивного ожидания.

```
c:>telix
```

Тут уже были примитивные меню, пусть и в текстовом режиме. Но Джо, как и положено представителям олдскульной элиты, относился к ним с лёгким раздражением. Выставленный в режим эмуляции ТфОП спутниковый модем установил постоянное соединение с сервером, расположенным в неведомых дальях: куда отправлялся сигнал с Луны, ни сам Джо, ни даже Тораборский король достоверно не знали.

На экран тем временем лезли служебные сообщения:

```
CONNECT 4800/MNP7/LAPM
...starting autologin script...
...X.25/AX.25 negotiation failed
...UUCP negotiation failed
...NJE/RJE negotiation failed
...IP not detected
...IEMSI not supported
Press Esc twice to enter Felix BBS...
^27^27^27
```

Последнее нажатие было лишним, хотя ничему не повредило.

```
R)register permanent user C)hat with SysOp M)essages F)ile area O)ther Q)uit
```

На удалённом узле связи не было ничего особо интересного. Джо давным-давно уже выкачал все доступные файлы, прочёл немногочисленные сообщения, последнее из которых было датировано 2071 годом – и даже, получив на это санкцию Короля, попытался вызвать сисопа на чат. Увы, никто не отозвался.

Была, однако, в системе одна особенность...

```
R
pE)rmanent dial-in registration, C)all-back registration, get fido P)oint
```

Для современных условий квалификация Джо была запредельно высока. Возможно, он был лучшим хакером на планете – хотя, например, для двадцатого века дохомокостной эры его уровень считался бы средним. Но чтобы настроить удалённый сервер, дозваниваться раз в полчаса на Сундук, обмениваясь с ним почтовыми и иными файлами, высокого мастерства и не требовалось. Особенно, если все необходимые Сундуку скрипты были подготовлены заранее и выложены куда-то туда, вовне.

После двух-трёх часов возни, когда Луна уже близилась к вершине траектории, Джо наконец закончил работу.

```
Q
CONNECTION LOST
NO CARRIER
```

Джо аккуратно прикрыл крышку Сундука, уложил его в сумку и двинулся к пещерам.

«Неплохо сегодня всё получилось», – подумал он, – и, главное, без проблем». Токси сделал всё чисто, он тоже. Король будет доволен. Разумеется, в том случае, если всё заработает – и, что гораздо важнее, *сработает* как надо.

А Чиполино уже через несколько минут после ухода своего странного посетителя об этом и не думал – он открывал бутылку кьянти. Почему-то достал два бокала, как будто кого-то ждал. Молча разлил рубиновое вино в оба. Отхлебнул, закусил собственным лучком с потылицы, для остроты ощущений смочив кровоточащий корешок каплей глутаминовой кислоты. Как всегда, подумал, что это вульгарно, и, как всегда, решил, что ему это безразлично.

Дверь хлопнула, в проёме показалась мышиная мордочка.

– Извините, – пискнула мышь, – господин Чиполино, меня просили напомнить, чтобы вы подошли в оранжерею, там на сирени вредители завелись, так чтоб вы опрыскали... Ой, что это у вас? Это вино?

– Это вино, полагаете вы? – луковкин улыбнулся.

– Полагаю, – тихо пискнула мышь, поводя усиками.

– Я даже выпить его предлагаю, – Чиполино улыбнулся ещё шире, – если, конечно, с хорошей закуской оно, – он выдернул давно отращиваемую на такой случай височную стрелочку: лук на висках рос сладкий, такой не грех предложить и даме. – Да вы не стесняйтесь, Розочка, присаживайтесь, берите бокальчик.

– Ну если только на минуточку, – мышка осторожно прикрыла за собой дверь.

Луковкин понял, что сегодняшний вечер и впрямь удался. Розочку он хорошо знал: девушка была мила, податлива и, что было для него особенно важно, страдала лёгкой формой токсикомании.

Через полчаса мышка, закатив глаза, лежала в его объятиях, вдыхая заботливо источаемые Чипом пары толуола.

– А-ах! – стонала она, поддаваясь его напору. – Мой герой! Счастье моё луковое! Прысни в меня, прысни!

Примерно к тому моменту, когда Джо закончил свою работу, Чиполино тоже достиг успеха, и довольная Розочка начала тихонько пробираться к выходу, слегка пошатываясь и цепляясь за мебель.

Глава 18, в которой барышня, приятная во многих отношениях, узнаёт совершенно потрясающие новости

6 ноября 312 года от Х.

Страна Дураков, Вондерленд, мини-сити Кавай, дом-усадаба семьи Ловицких. Одиннадцать утра.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

МИРРА ЛОВИЦКАЯ. Ныне благополучно здравствующая старейшина корневого рода Ловицких.

Происхождение. Линия известна с 39 г. от Х., основательница – Алашат «Лаки» Ловицкая (120 грац.), чистые пинки, устойчивое воспр. высок. няшности по восх. линии. На 130 г. зафикс. 32 предст. с обаянием выше 150 гр., 3 призн. пуси, все из ветви Ловицких-Бизе (см. Бизе). В наст. момент Ловицкие-Бизе признаны корневым родом.

Биография. Мирра Ловицкая – пинки-пай, пуся (280 грац.). Вторая дочь Лоры «Коннор» Ловицкой-Бизе. Род. 3 мая после засухи в Гоккуне. Образование – Понивильский ун-т. Пуся, прохождение в Пуси-Раут квалиф. большинством голосов.

Положение. 1-я зам-ца пред. Комиссии по энергетике ВП в ранге советницы-камеристки Верховной Обаятельности.

Почётные звания и награды. Орден Серебряной Узды, почётное звание Покорительницы Вондерленда, виссоновая балаклава. Почётная проф-ка Понивильского ун-та.

Потомство. Бифи, жеребец, род. 280 г. Рекордсмен породы, 2-е место на конкурсе Чистая Линия. Положение: собственность семьи.

Гермиона «Фру-Фру» Ловицкая, пуся (240 грац.). Род. 11 ноября после осеннего града в пос. Малый Страпон. Образование – Понивильский ун-т. Положение: вага Комиссии по энергетике, советница по вопр. безопасн. в ранге приближённой помощницы.

Альбертина «Панюню» Ловицкая (190 грац.), род. 26 февраля после обрушения мола на озере Бондаж. Положение: частное лицо.

Розовая Книга. Кто есть кто в Эквестрии. 45-е издание. Понивиль: Издательская группа «Полусвет», 298.

Высокопородная пони Альбертина «Панюню» Ловицкая начала просыпаться, как обычно, где-то за час до полудня. Поняша чуть приотворила левый глаз, увидала стену и край подушки. Зевнула, потянулась до сладкого похрустыванья в спинке, да и вальнула на другой бочок, поелозив нежным пузиком по бархату подушки. Ещё зевнула и приотворила правый глаз. Успела поймать зрачком образ утренней комнаты, отделанной в деревенском стиле – высокие светлые стены, печь, сенник, запертое трюмо в углу, окно с плывущим в стекле немигающим утренним светом... тут глазик закрылся.

Мысленно назвав себя засоней, Панюню собралась с силами и попробовала открыть сразу оба. Веки не послушались. Альбертина обиженно надула губки – отчего на пушистых щёчках образовались очаровательные ямочки. «Как жаль, что меня сейчас никто не видит, – подумала поняша. – Какое это, наверное, счастье – видеть меня такой, ещё не проснувшейся, раскрывшейся, беззащитной, нуждающейся в ласке».

Мысль о ласке затронула некую струнку. Требовательно заныло вымечко, требуя прикосновений. Альбертина была на середине цикла, сосочки набухли, как при начале лактации. В

голову тут же полезли мысли о дойках, о тёплых губах жеребёнка, о влажном языке, вылизывающем опустошённое вымя в поисках последних капель розового молочка – и Панюню почувствовала, как приливает кровь к потайному местечку между задних ног. К её цветку счастья, к источнику граций.

– Ната-а-ашка! – крикнула поняша, сдаваясь.

Из-под кровати высунулась пёсья мордашка с тапочками в зубах, и тут же по полу радостно застучал твёрдый хвостик.

– Й-йифф, госпожа! – радостно твякнула Наташка и уронила тапочки.

Пони тяжело вздохнула. Наташка была тупой, её ПҚ изначально не превышал семидесяти, а от долгого пребывания вблизи няши он снижался на три-четыре пункта в год. К тому же она была рыжей с подпалиной, а мода на подпалину прошла ещё в позапрошлом сезоне. Кроме того, от неё всё острее пахивало возрастом. По-хорошему, челядинку следовало бы забить и взять себе модную лайку. Но Наташкин язык искупал все её несовершенства.

– Умой меня, – приказала поняша, раскладываясь поудобнее.

Наташка, как обычно, начала с глаз. Перешла на мордочку, сладко проводя влажным языком по каждой шерстинке. Потом настала очередь шеи, груди – Ловицкой стало трудно дышать, она раскинулась, отдаваясь этой неторопливой, обволакивающей ласке.

За дверью кто-то поскрёбся, потом раздалось тихое поскуливание.

– Ну кто там ещё? – недовольная поняша чуть приподняла мордочку.

– От Жанны Францевны просили передать, – проскулило под дверью.

Поняша вздохнула ещё более тяжко. Портить себе впечатление от утреннего ритуала ужас как не хотелось – Наташка как раз добралась до пузика, раздумываясь вымечко напряглось в ожидании холи, другие местечки тоже отчаянно зудели. Однако посылка от Жанны Францевны тоже томила и волновала: Панюню заказала себе попонку ещё в прошлом месяце и всё это время буквально не находила себе места, изводя себя мечтами о том, сколько граций добавит ей такая няшная вещь. Примерить обновку было совершенно необходимо, немедленно и прямо сейчас – вот только вымечко и писечка имели другое мнение.

Обессиленная, разрываемая на части противоречивыми желаниями, пони всё-таки собралась с духом и приказала курьеру войти.

Тот оказался молодым енотом, слегка диковатым, – видимо, из свежего отлова. Посмотрев в его добросовестно выпученные глаза, Альбертина подумала, что енотика Жанна Францевна няшила лично: у строгой дамы был характерный стиль, предполагающий развитие в обращаемом не столько восторженной любви к хозяйке, сколько преданности и боязливое послушания. Панюню, наоборот, предпочитала в своей челяди именно восторженную любовь. В руководствах по няшу такую любовь рекомендовалось оттенять почтительным трепетом. Тут Аля честно признавала, что это у неё не самое сильное место. Трепет ей внушить не удавалось. Зато любовь – о, в это она вкладывалась на все свои двести (ну, если честно, *почти* двести) граций.

Енот аккуратно открыл посылку, достал попонку, встряхнул, показывая товар лицом. Поняша скорчила недовольную мордочку: смотреть заказную вещь не на себе не имело смысла – даром, что ли, она ходила на примерки и цветопробы шерсти? С другой стороны, глупый челядин вряд ли знал о таких тонкостях. ПҚ курьера Альбертина оценила на глазок где-то под семьдесят, с уже начинающимся снижением: Жанна Францевна была пусей из первой сотни и к тому же могла себе позволить расходовать электорат достаточно свободно. Она бы уж точно не оставила Наташку дольше одного сезона.

Тут ласковая сука добралась-таки до вымени, и Альбертина захрипела, забилась на подушках, запрокинув прекрасную голову. Мысли разбежались в разные стороны, как стайка рыбок при виде грозной щуки. Последней задержалась та, что надо было приказать еноту остаться и расчесать ей гривку – у него это получится наверняка лучше, чем у криволапой

Наташки. Идея была хорошей, но, увы, несвоевременной: криволапая приступила к самой интимной части процедуры, и мир вокруг поняши временно перестал существовать.

Когда она снова пришла в себя, Наташка преданно лизала ей задние ноги, а енот куда-то исчез. Сука не смогла сказать по этому поводу ничего вразумительного. В другое время Панюню наверняка впала бы в ярость и приказала бы суке высечь себя как следует, но сейчас она была довольна и ограничилась лёгким ударом копытом в поддыхало. Бить Наташку по морде было себе дороже – можно было невзначай повредить волшебный язычок.

Похвалив себя за сдержанность и предусмотрительность в этом немаловажном вопросе, поняша отправила суку на место под кровать и позвала Мартина Алексеевича.

Камердинера-лемура подарила ей мама на совершеннолетие. Это был значимый подарок: первое существо, которое мама даже не тронула своим обаянием, ограничившись чисто медицинскими процедурами – кастрацией и выведением паразитов. Поняша оценила доверие и овладевала лемуром очень осторожно, стараясь сохранить интеллектуальный потенциал челядина. Результат получился превосходным: умное существо выросло в почти идеального слугу, расторопного и толкового.

– Высокопородная госпожа, на улице ветрено, – начал было лемур, однако, увидев упакованную обновку, прервался на полуслове и, сняв с шеи ключ, пошёл открывать створки трюмо.

Как обычно, Альбертина сначала крепко зажмурилась, а потом, приоткрыв левый глаз, бросила быстрый, осторожный взгляд в опасное стекло. Как обычно, увидала чудное виденье, живое божество, принцессу Грёзу. Сердечко прихватило, по хребту прошла волна сладостного озноба, поднимающего волоски на теле. Поняша быстро отвернулась, сделала несколько глубоких вдохов, сжала и расслабила сфинктер. Осторожно посмотрела на себя правым глазом. Виденье оставалось чудным, но уже не поражало в самое сердце. Поняша снова зажмурилась и попробовала совсем простой приём: попыталась представить себе что-нибудь неприятное, вроде кислого творога или маналулы, а потом сразу приятное – большой открытый пирог с земляничным вареньем. Сосредоточившись на пироге, она открыла оба глаза. Слава Дочке-Матери, приступ миновал. В зеркале отражалась уже не всемогущая властелинша планеты голубых антилоп, а просто лучшее творение природы и биотехнологий – молодая крепкая поняша породы пинки-пай.

В принципе, к нарциссизму были предрасположены все пинки: хорошая устойчивость к чужой няшности сочеталась в породе с беззащитностью перед своей собственной. У Панюню был далеко не самый запущенный случай. Мамин челядин-воспитатель, макака-резус, осторожно приучал её к зеркалу с трёх лет, когда граций в девочке было не больше, чем в котеге. Каждый раз после этого Алечке приходилось выслушивать древнюю сказку про Найтмэр Блэк-мун, умершую у зеркала, а также и парочку историй посвежее – про сильных няш, отравившихся собственным обаянием и превратившихся в жалких развалин. Алечка верила и была осторожна. Беда приключилась в школе: вторая дочка пуси Мирры Ловицкой развивалась с запозданием, дар раскрывался медленно, и она была почти беззащитна от убийственных граций одноклассниц, которые заняли её почти до электорального состояния. Чтобы хоть как-то сохранить себя, она стала смотреться в лужи и довольно быстро подседала. До зеркальной болезни в запущенной стадии дело не дошло – мать поймала дочку за попыткой открыть трюмо, поговорила с ней очень серьёзно и перевела в закрытый понивилльский интернат, к твайлайтам, с их замедленным развитием. Там бойкая поняшка быстро ожила и завоевала авторитет, к собственному отражению её почти не тянуло. Проблемки были разве что в период полового созревания, когда няшность расцветающей девочки скакала вверх-вниз чуть ли не на полсотни граций в день, а мама пропадала в Вондерленде.

Альбертина, конечно, гордилась матерью. К тому же участие семьи Ловицких в овладении стратегически важным анклавом с его точками тесла-зацеплений (на самой надёжной из

которых и был впоследствии построен Кавай) позволило Мирре занять важное место в Комиссии по энергетике и получить орден Серебряной Узды, который вывел её на другую орбиту. Тем не менее иногда Аля думала, что уж лучше бы мама тогда не геройствовала в лесах среди педобиров, а оставалась бы с ней – когда ей было так тяжело.

Мартин Алексеевич, не дыша, накинул на хозяйку попонку, застегнул где надо, затянул пару ремешков и аккуратно разгладил ткань.

Покрутившись у зеркала, Панюню пришла к выводу, что попона стоит своих денег, но и только. Цветовое решение было подобрано идеально, родной оттенок шерсти – буланый в желтизну – умело приглушён на груди и деликатно подчёркнут сзади, кройка не оставляла желать лучшего, свои четыре-пять граций – которые только и можно ждать от одежды – вещь давала. Не было другого – полёта, неожиданности. Ну или хотя бы вызова или провокации. Впрочем, от Жанны Францевны их и не стоило ждать. Жанна была дорогой портнихой и обшивала пусь, у которых основной проблемой был скорее переизбыток граций, а не их нехватка.

Подумав об этом, поняша мотнула чёрной кудрявой чёлочкой и издала тот самый обиженный звук, из-за которого мама когда-то прозвала её «панюнюшей».

– Мартин, – сказала она, пока лемур деликатно, боясь лишний раз прикоснуться к драгоценному телу, снимал с неё обновку, – ну почему-у-у я такая уродина?

– Вы бесконечно прекрасны, госпожа, – серьёзно и с чувством сказал Мартин Алексеевич, ища в шифоньере свежую ленточку для хвоста. – Вы как солнечный свет. Вы божественны, вся целиком, и нет пятна на вас.

– Это ты говоришь, потому что я тебя заняшила! – топнула копытцем поняша. – А у меня нет даже двухсот граций! Меня никто не любит! Ньююю!

– Вы забрали у меня прежнюю жизнь и дали новую, госпожа, – голос лемура дрогнул, по морщинистым щекам покатались слезинки. – Теперь даже если бы вы отвергли меня, посадили в подвал и я мог бы видеть раз в два или три года золотой узор на ваших копытцах – я и тогда бы остался счастливейшим существом в Вондерленде.

– По-моему, ты поглупел, – бросила поняша. Излияния старого скопца показались ей пошло-приторными.

– Нет, госпожа, – испуганно съёжился Мартин Алексеевич, – меня проверяли месяц назад, мой IQ сто восемь, я ещё способен служить вам... Поверьте, как только я почувствую какую-либо слабость...

– Ты споришь со мной? Ты хочешь меня огорчить? – поняша повела мордочкой. Лемур схватился за сердце и осел на пол.

– Госпожа... я осмелился... велите наказать... прикажите маналулу... – забормотал он. Альбертина выждала секунды три, пока лемур не погрузится в бездну отчаяния, потом легонько шлёпнула его хвостом по морде, в знак прощения.

– Ты меня не огорчил, – подарила она милость своему челядину. – Проверь почту. Важное отложи, сразу не неси. Будет что-нибудь от мамы – прочитаешь сам, там может быть информация для тебя. И ещё – купи газету.

Спасённый, ошастливленный камердинер ринулся исполнять приказ. Девушка забралась обратно на кровать и принялась задумчиво жевать подушку. Это помогало ей думать.

Надо признать, думала она, что её реальные желания и возможности на редкость хорошо совпадают. Положение дочери при знаменитой матери-пусе и старшей сестре, тоже недавно надевшей балаклаву, было в каком-то смысле идеальным. С няшностью под двести, устойчивым доходом, обеспеченными именными вложениями в Эквестриум-банке, и особым положением её семьи в Кавае она могла смело относить себя или к самой верхушке среднего класса, или к нижней прослойке класса правящего. Второе её на самом деле не особенно прельщало. В компании девочек она могла позволить себе фразочку типа «Ловицкие против таких идей, и

это не обсуждается» или рассказать услышанную от матери политическую сплетню. Но никогда не стремилась по-настоящему в тот суровый мир, где Решаются Вопросы.

Во-первых, Аля слишком хорошо помнила, в каком состоянии приходила мама домой после вечерних заседаний комиссии: обаяния в ней оставалось на самом доньшке, как в неухоженном котеге. Однажды дочь видела, как их туалетная челядинка – маленькая безмозглая мартышка, заняшенная до потери инстинкта самосохранения – не бросилась вылизывать маму после малой нужды. Мартышка просто сидела, пуча глупые глаза, будто пытаясь понять, кто она такая и что тут делает. Донельзя усталой Мирре Ловицкой пришлось выжимать из себя последние капли теплоты, петть няшущие майсы, даже прикасаться к глупой зверушке, чтобы та опомнилась и вернулась к своим обязанностям. Наутро зверёк пошёл на корм охранникам, но этот момент материнской слабости дочка запомнила навсегда. И не хотела бы пережить ничего подобного сама. Ни за какие пироги. Даже с земляничным вареньем.

Во-вторых, она трезво оценивала свои возможности. У неё не было административных талантов. Даже если бы она впряглась в скрипучую государственную телегу, в конце карьеры ей светил разве что Орден Дышла третьей степени, даваемый за исполнительность и неприметность.

С другой стороны, роль гламурной пустышки Альбертину тоже не прельщала. Политика больших дел её пугала, да. Однако она была разумной девушкой и была совсем не прочь попасть вблизи источников злата и электората. Она говорила на эту тему с мамой, и та сказала, что присмотрела ей местечко в Особом совещании по вопросам взаимодействия с ООО «Хемуль» – благо, есть перспектива преобразования такового в постоянно действующее совещание при Пуси-Рауте, что обещало её участницам ранг приближённых помощниц Их Грациозности. Кроме того, она слышала, что близкое знакомство с хемулями – этими забавными существами в юбках – почему-то очень способствует округлению банковских счетов.

В общем, всё было бы збс, если б не эта дурацкая мечта про двести граций. Панюню ужасно хотелось быть настоящей девочкой-за-двести. Её и держали за таковую – во всяком случае, подружки и коллеги, которые понимали, что семья и статус – это, в общем-то, то же самое, что и грациозность. Но тесты показывали сто восемьдесят пять – сто девяносто. Этого было достаточно, чтобы отравлять поняше жизнь.

Так ни к чему и не придя, она распорядилась, чтобы через полчаса ей принесли цикорий с кардамоном, и вновь погрузилась в думы.

Внезапно раздался отчаянный, режущий уши крик Мартина Алексеевича, и через секунду дверь с треском распахнулась. Поняша недоумённо повернулась – и тут в комнату влетела хохочущая Бекки Биркин-Клатч в новенькой соломенной шляпке.

Аля досадливо закусила нижнюю губу. Няшность подруги била через край, цепляя даже её, Альбертину. Что ни говори, а Бекки была *настоящей* девочкой-за-двести.

– Панюнюша! – закричала Бекки. Не кричать при встрече она, кажется, вообще не умела, ну или не считала нужным. – Ты только посмотри, какая прелесть! У тебя зеркало есть? Сейчас же! Я хочу это видеть! – с этими словами она отбросила ударом копыта лезущего ей под ноги лемура.

– Эй, не так быстро! – Аля поджала ушки. – Мартин, это Бекки, пошёл вон... Нет, останься, открой трюмо... Бекки, ты мне можешь объяснить, что случилось?

– Шляпка! Шляпка случилась! – поняша подпрыгнула, сделала стойку на задних ногах и громко заржала. – Шляпка на десять граций! На двадцать! Я люблю её! Ну же! Ах! – она замерла перед открывшимся зеркалом, закатив прелестные глазки.

Альбертина тем временем включила голову и напряжённо думала. Бекки она, слава Дочери, знала ещё по интернату. Гламурной дурочкой она не была, да и не могла себе позволить такую роскошь. Она была из бедной и малоняшной семьи, носила невзрачную фамилию Курицына, проституцией занималась с семи лет, а крем для вымени впервые попробовала в

четырнадцать, на дне рождения Альбертины. По всем раскладам её в лучшем случае ждала участь компаньонки. Откровенно говоря, маленькая Аля приблизила её к себе, имея в виду что-то в этом роде. Однако вышло иначе: Бекки рано созрела и вместе с этим в ней прорезалось незаурядное обаяние. Маленькая хулиганка стала настоящей царицей класса, пока учителя не заметили неладного и не приняли меры.

В настоящее время Бекки вела образ жизни полусветской обаяши со средствами. У неё водились деньжата, она постоянно покупала себе обновки и сутками зависала в «Сене» – понтовом кавайском кабаке, где клок шалфея, sprysнутый бенедиктином, стоил соверен. Из Курицыной она каким-то образом стала Биркин-Клатч – и хотя в Розовой Книге о такой ветви Биркиных не упоминалось, сама Бекки там проходила именно под этой фамилией, в разделе «тусовщицы». Сама Бекки именовала себя «полусветской обозревательницей» и даже иногда что-то пописывала в «Вечерний Понивилль». Поговаривали, правда, о её связях в таких кругах, о которых даже циничная и небрезгливая Мирра Ловицкая отзывалась исключительно дурно. Сама Бекки относилась к этим сплетням по-деловому: когда нужно – усиленно намекала на свои особые знакомства, в остальных случаях – демонстративно оскорблялась на любые намёки.

К выбору друзей, визитам и так далее Бекки относилась тоже по-деловому. Она могла влететь в любую компанию как тёплый весенний ветер или как маленький ураган, удивить, рассмешить и внести сумятицу. Однако ж Альбертина не могла припомнить ни одного случая, когда визит Бекки не имел бы какой-нибудь простой и ясной практической цели.

Тем временем Бекки, вдоволь насмотревшись на своё отражение – благо, она была, как и большинство твайлайтов, стеклоустойчива – хорошо просчитанным движением скинула шляпку с головы.

– Нет, это не то, – грустно сказала она и наступила копытом на нежную соломку. Та захрустела. – Я в ней выгляжу мило и дёшево, – приговорила она шляпку, нагнулась, взяла её зубами за край и принялась задумчиво жевать.

– И сколько это стоило? – Аля понимала, что Бекки ждёт именно этого вопроса, и решила не тянуть, а подыграть, чтобы быстрее покончить с этим маленьким спектаклем.

– Шестьдесят, – вздохнула Бекки. – Если верить Молли.

Панюню сложила в голове два и два. Бекки явно имела в виду их общую знакомую, Молли «Гвин» Драпезу, старинную подругу Мирры Ловицкой, а вообще-то не только подругу. Итак, Бекки хочет показать, что у неё что-то есть с Гвин, раз та покупает ей дорогие шляпки. Впрочем, шляпка могла быть куплена и по другой причине – но вот растоптать и съесть такой подарок можно было только в том случае, если это дар любви, причём Бекки пытается подчеркнуть, что возделющей стороной является именно Молли... Допустим, а зачем это знать ей, Альбертине? Ага, Бекки хочет, чтобы она проболталась. Видимо, какая-то интрижка.

– Ой, только маме своей не говори, – тут же и подтвердила все предположения Бекки. – Она может подумать...

– Хорошо, скажу, раз ты просишь, – поняше надоело играть в эту игру. – Мартин, вон пошёл, – вспомнила она про лемура, который, пользуясь тем, что хозяйка отвлеклась, занялся обычным делом заняшенных – тихо молился. Разумеется, глаз на свою владычицу он подымать не смел и вообще вёл себя как подобает. Но всё-таки молился он именно на неё. Наказывать за это не рекомендовалось, а пресекать – следовало.

Бекки проводила лемура подозрительным взглядом, что показалось хозяйке дома странноватым. Ещё более странным ей показалось, когда та повела мордочкой по направлению к кровати. Хозяйке пришлось подумать секунды три, чтобы понять, что именно имеет в виду подруга.

– Наташка, брысь! – наконец сообразила она. – За дверь, сторожить!

– Извини, – бросила Бекки, когда сука покинула помещение. – Я не хочу, чтобы это вообще кто-нибудь слышал. Даже электорат. Никаких ушей.

– Это всё из-за Молли? – не поняла Альбертина.

– Молли хуйня. То есть это всё правда, но на самом деле у меня дело посерьёзнее. Я столкнулась с вопросом не своего уровня. И не твоего. И может быть, даже... – Бекки сделала паузу, – не твоей мамы.

У Панюню от удивления спёрло дыхание. Теоретически она знала, что существуют вопросы, которые превышают уровень Мирры Ловицкой, вот только вообразить себе такой вопрос она не могла.

– В общем, слушай сюда, – Бекки наклонилась над кроватью и приблизила губы к уху подруги. – В Вондерленде находится тораборская разведывательно-диверсионная группа, состоящая из паранормов. Я случайно наткнулась на одного, – продолжала она, не давая подруге опомниться и подобрать отпавшую челюсть, – и попыталась им овладеть. Знаешь, что он со мной сделал?

Дальше Бекки перешла на шёпот. Альбертина только оторопело кивала.

– Ну, в общем, я сама не помню, как на копыта встала, – наконец завершила Бекки свой рассказ. – Потом у меня был разговор с их начальником группы. Таких штук он делать не может, зато может другое... – она хотела что-то добавить и передумала. – В общем, пришлось мне перед ними быть паинькой и ходить на поролоновых копытах.

Панюню с трудом подобрала нижнюю губу, отвисшую от удивления.

– Обещать я им ничего не обещала, – закончила подруга, – но сказала, что на кого-нибудь выведу.

– Бу-уп, – потрясённая признаниями подруги, поняша непроизвольно рыгнула. – Ты говоришь, их всего трое? И они хотят просто пройти?

– Пройти легально и по понятиям. В качестве артистов, – ухмыльнулась Бекки. – Кстати, неглупая идея, у них будет успех, уж я-то понимаю... Тем не менее появление такой группы здесь – это че-пе, которое нужно рассматривать на самом верху. Никакого другого хода на самый верх, кроме твоей мамы, у нас нет. А сама я к ней обратиться не могу. Из-за Молли. Она ведь наверняка знает. На тебя вся надежда. Пусть она меня хотя бы выслушает. Лучше – сегодня.

– Сегодня нереально, – подумав, ответила Аля. – Завтра тоже. Мама сначала на работе, ну ты знаешь, где она работает, а потом пойдёт в «Кабинет». Я туда... в общем, там фейс-контроль слишком жёсткий, – признала она неприятную правду.

– «Кабинет»? Знаю, неплохое место, – Бекки не удивилась. – Я тебя туда проведу. У меня есть ход – мимо фейс-контроля, через администрацию. Мне нужно десять минут.

– Бекки, а ты уверена, что мама на тебя не в обиде... ну, за Молли? – осторожно сказала Панюню.

– Ох, скобейда ежовая, – вроде бы искренне огорчилась поняша. – Ну хорошо, скажи ей тогда... – она наклонилась к уху подруги и что-то шепнула.

– Ну разве что так, – с сомнением в голосе сказала Панюню. – И то я не уверена. Мама очень злопамятная. Может, ты всё-таки как-нибудь... через этих... своих... ну ты понимаешь?.. – Альбертина повернула шею и внимательно посмотрела на подругу, уже понимая, что та ответит.

– Как бы тебе сказать, – протянула Бекки. – В общем, я так подумала, что это тоже не их уровень.

Глава 19, в которой отважный пилигрим совершает подвиг за подвигом, а в итоге попадает в большую беду

14 ноября 312 года от Х.

Страна Дураков, Зона, северо-восточный сектор.

Закат.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Северо-восток, сектора 27–29. Пересечённая местность, средняя температура -5°C , практически без сезонных колебаний. Инсоляция средняя. Осадки – сухой снег, дожди с градом редко. Первичные аномалии: «электры», «жарки», «параши», «аскольдовы могилы», «антоновы огни» редко. Вторичные аномалии: «карусели», «ведьмин студень», «жгучий пух».

Наиболее распространённые артефакты: «зажглянки», «монтаны», «хер моржовый» редко.

Тесла-мутанты: кровососы, барабаки, душееды, сусанины редко.

Другие опасные существа: креаклы, долбодятлы.

ВАЖНО: имеются сведения о появлении обломинго.

Руководство по stalkingу, версия 7.11 от 04.02.307. С. 54.

Прикорнуть в снегу можно, если у тебя есть «зажглянка» и одеяло. У Базилио имелось и то и другое. Это давало надежду на относительно спокойный сон.

В принципе, за теплом можно было пойти к ближайшей «жарке», а ещё лучше – к «электре». Аномалия мало того что грела, так ещё и питала: от неё можно было подзаряжать батареи. С нормальным теслазацеплением это сравнить было нельзя – энергия вливалась медленно, как лекарство из капельницы. Однако это было куда безопаснее, чем цепляться непосредственно за Монолит. Электрическая буря, исходящая от рухнувшего камня Оковы, была такой силы, что предохранители выбивало через пару секунд. Непонятно, как тесла-мутанты принимали такой вольтаж на живое мясо. Впрочем, кот считал, что живое отличается от неживого прежде всего живучестью, чему повидал за жизнь немало примеров, да и сам входил в их число... Кроме того, возле «электры» можно было найти какие-нибудь полезные артефакты – ту же «зажглянку», например, или «монтану». Или хотя бы подбитую диким электричеством зверюшку или птичку. Пару дней назад кот проснулся оттого, что прямо на него шлёпнулся жареный креакл: вредоносное существо пыталось пролететь над артефактом «юлина коса» и сильно улучшилось, превратившись в отменное жаркое. По такому случаю кот позволил себе завтрак с водкой.

И всё-таки спать возле «электры» не хотелось. Аномалия, при всей полезности, отличалась коварством – время от времени она переползала с места на место, пробрасывая длинные незримые щупальца-ветви и пытаясь дотянуться хоть до чего-нибудь электропроводящего. Кот со своим вседиапазонным зрением их видел, но удовольствия это зрелище не доставляло. Как и призрачные потроха самой аномалии, напоминающие кашу из полураздавленных пауков. «Жарка» в этом смысле была куда приличней, безвыбонистее. У «жарки» можно было вздремнуть по-честному, не опасаясь подвоха.

Однако ближайшая «жарка» лежала в получасе пути по пересечённой местности, к тому же маршрут пересекал тропу слоупоков. Посему кот решил никуда не ходить, а расположиться здесь.

Хотелось бы, конечно, знать, где это – «здесь». Увы, навигационная система на Зоне не работала. Во всяком случае, если верить её показаниям, кот сейчас висел где-то в стратосфере в районе Южного Полюса.

На самом деле на суровый Южный Полюс местность не походила – как, впрочем, и на Северный. Здесь было и потеплее, и поживописнее. Сугробы голубели, отражая безмятежную, как думы сытого электората, небесную лазурь, чуть подсвеченную вечерней белизной. Месяц показывал краешек из-за огромной заснеженной пинии. Когда-то здесь была пиниевая рощица. После падения Монолита и климатических изменений деревья красиво обледелели, но почему-то не производили впечатления мёртвых – казалось, они замерли в долгом, но небезнадёжном ожидании. Рядом чернели развалины, тоже по-своему живописные, но небезопасные. Кот видел, что древние камни поросли «жгучим пухом», а внутри, в подвалах, светился ровным зеленоватым светом настоявшийся «ведьмин студень». Впрочем, желающему посетить древний памятник архитектуры настал бы полный дефолт ещё раньше – прямо у входа располагалась небольшая, аккуратная «карусель». Хотя её можно было учуять и без гайзерских прибабасов – от неё несло дохлятиной. Присмотревшись в рентгене, кот обнаружил под снегом остатки сталкерской снаряги – металлические пряжки от рюкзака, куски мешковины и что-то вроде ножа, съеденного коррозией по самую рукоять. Кот где-то слышал, что металл в Зоне живёт недолго, но чтобы до такой степени – не ожидал.

Так или иначе, пора было погреться живым огоньком. Базилио подыскал подходящий сугроб, проделал в нём дыру, положил туда «зажглянку» и, подраспустив шнуровку разгрузки, уселся на одеяло.

Через пару минут сквозь корку наста пробился прозрачно-голубой лепесток водородного пламени: «зажглянка» разлагала снег на кислород и водород, которые охотно воссоединялись вне зоны действия артефакта. Потом горящий сугроб постепенно раскопегарился, зашевелился, что-то внутри него ухнуло и просело. Дохнуло горячим. Шапка тёплого воздуха распухла, раздалась в стороны, вокруг сугроба зажурчало, будто там сидел маленький писающий гномик. Кольцевая проталина отодвинула снежный покров. Обнажилась почва с изгнившей до черноты травой, от которой остро запахло прелью.

Кот расстелил спальник и блаженно выгнулся, протянув худые ноги к огню. Подумал, не перекусить ли: в мешке у него осталась недоеденная печень псевдосвинки-пикачу, разбудившей его на рассвете. Глупый зверёк намеревался разрядить в кота содержимое своих подхвостных аккумуляторов, а вместо этого сам получил в попу зелёный лучик, от которого и помер. Пикачу был наивным, упитанным и без глистов – сочетание качеств, которое Базилио высоко ценил во всех живых существах.

Аккуратно поджаривая печёночку над огоньком, кот занялся привычным делом – то есть анализом ситуации.

Непосредственно в Зоне кот провёл четверо полных суток. Серьёзные неприятности с ним за это время случились дважды. В первую ночь он наткнулся на белоленточную гниду. Кромсать её лазерами было бесполезно – гадкое существо просто разваливалось на много мелких частей, столь же опасных. К счастью, гнида была полудохлая и ползала еле-еле. На следующий день на кота неожиданно напала стая слоупоков, отличавшихся такой непомерной прытью, что Базилио пришлось карабкаться на пинию и уже оттуда отстреливать беснующихся тварей по одной. Слоупоки, впрочем, быстро утешились трупом вожака стаи. Правда, пришлось подождать, пока они пообедают, а заодно решат проблему преемственности власти и построят новую иерархию. Всё это время Баз провёл вцепившись когтями в обледеленный ствол – положение столь же унижительное, сколь и некомфортное. После этого случая кот заосторожничал, стал обращать внимание на следы мутантов и довольно быстро выяснил, что у них есть свои излюбленные маршруты, обходить которые не так уж и сложно. Более-менее хаотично бродили только сусанины-политруки в поисках клиентуры. Для него они не представляли ни особой опасности, ни пищевой ценности: в руководстве было сказано, что сусанин по вкусу напоминает гозмана. Очень давно, в порядке спецподготовки, База заставили попробовать разведённую в воде каплю гозманской крови. Ощущения запомнились надолго.

Зато аномалии, основная причина высокой смертности новичков в Зоне, кото не особенно беспокоили: это были обыкновенные тесла-эффекторы, отлично различимые в высокочастотных спектрах. Заметно фонили также и артефакты, которых запасливый Базилио насобирали довольно много. Правда, непосредственно-практическую полезность из всего найденного представляли только пара «зажглянок», два «лепёрдыша», некрупная «схуаль», да ещё, пожалуй, золотистый кристалл, который кот обнаружил в желудке у пикачу – тот вроде бы отпугивал травчатоногих невзрачностру ев. Во всяком случае, так утверждало руководство по сталкингу, которое кот почитывал на досуге. Так или иначе, невзрачноструи ему действительно ни разу не повстречались – ни травчатонogie, ни какие-либо другие.

К сожалению, на этом все успехи и заканчивались. Таинственный Болотный Доктор так ничем и не выдал своего присутствия. Совершенно непонятно, что было тому причиной – неведомые коту внешние обстоятельства, его собственное неправильное поведение или просто каприз Болотника. Оставался голый факт: Доктора нигде не было, и что было с этим делать дальше – непонятно.

Кот поразмышлял о перспективах. В принципе, никаких конкретных сроков Карабас ему не назначал, но разумно было бы предположить, что основная группа доберётся до Директории дней за десять-пятнадцать, много – двадцать. К этому времени было бы весьма желательно, чтобы Доктор всё-таки нашёлся или хотя бы как-нибудь дал о себе знать. Для этого опять же было бы желательно что-то предпринять, вот только что?

Повертев в голове ситуацию, кот решил, что у него есть всего две возможности. Первая – бродить по краям Зоны (чем он, в принципе, и занимался), избегая рисков и сосредоточившись на выживании. Ничего страшного в этом Базилио не видел: ему случалось впутываться и в куда более сложные ситуации, когда оставалось только ждать. Однако на сей раз время работало не на него и уж точно не на задание.

Тогда кот начал размышлять над другой возможностью – попытаться вызвать Болотника на randevu каким-нибудь красивым жестом. Важно было понять или хотя бы предположить, в чём именно этот жест должен убедить Доктора. Скорее всего, решил кот, нужна демонстрация решимости: стоило показать, что контакт ему действительно необходим.

В таком случае коридор возможностей сужался до вполне очевидного решения: идти к Монолиту.

Базилио верил своему шефу. Ещё больше он верил собственному здравому смыслу. Поэтому он исходил из того, что камень Оковы волшебными свойствами не обладает, ничьих желаний не исполняет, зато может запросто испепелить неосторожного паломника. Однако сама попытка подобраться к Монолиту могла быть понята внешним наблюдателем совершенно однозначно: идущему что-то очень нужно, и он готов рисковать. В общем, если и это не проняло бы Болотника, то всё остальное уж точно не произвело бы на него впечатления.

Принятое решение имело минусы, которые кот добросовестно взвесил. Однако перспектива гулять до воскресенья среди неисправной электропроводки перевешивала их все, вместе взятые.

Сугроб тем временем догорел, оставив по себе память в виде выжженного круга, в центре которого лежала сухая, остывающая «зажглянка». Базилио задумчиво дожевал последний кусочек печёнки, прибрал полезную вещичку в мешок и принялся устраиваться на ночлег: расстелил одеяло на сухом месте, свернулся клубком, подтянув колени к груди, расслабил все мускулы, укрыл нос хвостом и включил свои батареи на слабый подогрев тела. В таком состоянии он обычно засыпал за пару минут – чутко, но крепко.

Увы, на сей раз быстро заснуть не получилось. Базилио зевал, ворочался, пытался очистить сознание медитацией – но ничего не помогало, сон не шёл. Хуже того, в голове крутились настырные обрывки воспоминаний – последний разговор с Карабасом, педобирская молельня, «Щи» и всё то, что за этим последовало. В основном, однако, его беспокоили картинки из

«Щцей»: похоже, подсознание сделало стойку именно здесь. Что-то упущено, решил кот и, бросив попытки заснуть, занялся ретроспекцией.

С козлом Попандопулосом кот посидел где-то с часок. Сначала уплели крысятинку. Потом взяли на двоих миску митболов. Это оказались новорождённые ёжики, обжаренные в постном масле. Под кристалловскую водочку они пошли на удивление славно, только корочка хрустела.

Септимий оказался интересным собеседником, и Базилио с удовольствием продолжил бы знакомство, если б тот меньше говорил о работе. Козёл был профессиональным опуска-лой-маналульщиком, а кот, с его полицейской основой и жизненным опытом, недолюбливал палачей. Попандопулос же своими дарованиями явно гордился – и чем больше набирался, тем больше из него сыпалось баек соответствующего содержания. Хвастливую историю о том, как Попандопулос на спор порвал кишку слону, кот выслушал более-менее равнодушно. Пространное рассуждение о том, как надо правильно трахать лошадь в разорванное дыхательное горло – кое-как вытерпел. Но когда захмелевший Септимий начал в красках и подробностях описывать маналулы шерстяных и своё в них участие, Базилио решил, что с него хватит, и учтиво предложил козлу сыграть на бильярде на деньги. Козёл на удивление трезво оценил свои возможности и сделал разумное контрпредложение – вместо того, чтобы пытаться выставить на баблос друг друга, заняться поисками спонсора, после чего продолжить банкет с чистой совестью.

Как боец козёл производил вполне убедительное впечатление, так что с этой стороны у Базилио возражений не было. Проблемы начались при обсуждении кандидатуры. Кот был не прочь подраскрутить на деньги позорного волчару, скверно обошедшегося с конём-первоходом. Козёл по этому поводу не проявил никакого энтузиазма, а, напротив, принялся объяснять, что волк тут свой и с ним лучше не портить отношений. Базилио пожал плечами и предложил взяться за енотов и зебру из той же команды – за такую мелкую скобейду вряд ли кто будет вступаться. Септимий заюлил, закосил жёлтым глазом. Баз поймал краем глаза кривую ухмылку Бобы и почувствовал, что с него, пожалуй, хватит.

В этот момент в «Щщи» вкатилась какая-то мутная компашка во главе с кротом средней потёртости.

– Братишечки! – возопил крот, цепляясь за перильца гостевой площадки когтями так, будто кабак штормило. – Мы тут... все друзья... празднуем у нашего друга... петуха Защекана... завершение половой зрелости! Все пь... пью... пю... эак! – издав непотребный звук, крот рухнул вниз и с грохотом съехал по ступенькам, произведя немало шума. Кот, однако, обратил внимание, что спустился кротяра аккуратно, каким-то хитрым образом миновав коварную аномалию и ни во что в итоге не врезавшись. Ещё двое гуляк из той же компании – гусь и свинья – помаячили на площадке, покричали что-то насчёт половой зрелости и необходимости отпраздновать это событие прямо сейчас и спустились столь же успешно, ничего не поломав и никого не задев.

Наконец появился сам виновник торжества – петух. Этот был и в самом деле в дымину пьян и к тому же затрапезен. В грязном свитере, с облезлыми беспёрвыми руками и в заплатанных портах, он был совсем непохож на юного мачо, открывшего для себя радости плоти. Башку его – несомненно, бедовую – венчал сизый алкоголический гребень, опухший и обвисший.

С лестницы петух не сошёл и не свалился, а просто упал, к счастью для себя – в лапы поджидавших его внизу друзей. Петух тут же и отблагодарил за заботу, блеванув прямо на бычий столик.

Несмотря на все эти художества, появление дурной птицы было встречено одобрительным шумом завсегдатаев. Бык, вопреки ожиданиям, тоже повёл себя лояльно – вместо того, чтобы уебать с копыта захожую джигурду, он ограничился тем, что взял петуха за гребень и слегка выкрутил, отчего петуха снова вывернуло. Тут же появилась сука-уборщица и принялась

вылизывать петушиную блевотину. Самого же героя мягко прихватили под крыльца, посадили за столик и дали воды.

Козёл заметил недоумение кота и полез с объяснениями. Оказалось, что Защекан – довольно популярный местный шансонье, а крот и остальные – его менеджерско-исполнительская команда. Базилио, мысленно петуха уже раскассировавший, приуныл: артистов в Стране Дураков защищали понятия, а исполнители заветного шансона имели особую уважку. Попандуло, видимо, догнал котовы думы. И как бы между делом сообщил, что на крайней мануле он выдал хуем глаз грешному опоссуму, уличённого в съедении попугая, умевшего исполнять Владимирский Централ.

Кот понял, что он зря теряет время и понапрасну растрчивает то благоприятное впечатление, которое сумел произвести вначале. Надо было не точить ляды с козлиной мордой, а показать себя. Нужна какая-то быстрая и убедительная демонстрация превосходства, причём доступная и приемлемая для местной публики.

Баз ещё раз посмотрел на новопривывших, покрутил в голове понятия. И рассудил, что неприкосновенность творческой личности не распространяется на её паразитическое окружение.

Он решительно встал и направился к петуху, который к этому моменту успел слегка очухаться, но ещё не отошёл окончательно.

Чувствуя спиной взгляды зала, кот подошёл к столику, отодвинул хлопчущего крота (тот мерзко взвизгнул, но подчинился), ухватил петуха за обвислый гребешок и ласково спросил:

– Артист?

Петух выпучил глаза и попытался кивнуть, но из-за ущемлённости гребня смог издать лишь какой-то жалкий писк.

– Я присяду, – сообщил кот, отпуская петуха и выдёргивая лавку из-под примостившегося на ней гуся. Тот зашипел и защёлкал клювом, но на большее не осмелился.

Кот рефлекторно приняхался. От гуся пахло какой-то тухлятиной, судя по сладковатой отдушке – больной фуагрозной печени. «Не боец», – решил Базилио.

В зале притихли: все ждали, что будет дальше. Даже весёлые еноты позатыкались.

– Шёл я сюда издалёка, – кот говорил негромко, задушевно, но так, чтобы все слышали, – уста-ал, – Баз смачно зевнул, выпустил когти и проскрёб ими по столу, оставляя борозды в почерневшем дереве, – хотел вот отдохнуть в хорошей компании. Да что-то не складывается. Как думаешь почему?

– Ык, – отчётливо сказал петух.

– Вот и я так думаю, – легко согласился кот. – Не хватает чего-то. Вот скажи, артист, у тебя всё есть?

– Эй, тушло, – пришёл в себя гусь, – тебе чего надо? Пиздариков?

– Завали щипец, глистоед, я с артистом разговариваю, – кот чуть повысил голос. – Так ты мне скажи, артист: у тебя всё есть? Счастье есть?

Петух, трезвея на глазах, покрутил головой и что-то промычал. Кот предпочёл его понять в отрицательном смысле.

– Значит, счастья нет. Так это неправильно. А почему нет? Обидел тебя кто? Сейчас разберёмся, – кот направил коготь в сторону крота, – это ты артиста обидел?

К столу тем временем протиснулся бык, настроенный довольно решительно.

– Так, что за дела... – начал он, но кот его перебил.

– А такие дела, что в вашем заведении артистов обижают. Это, считаешь, по понятиям – артистов обижать?

На раскормленной морде быка отразилось что-то вроде работы мысли. Станный незнакомец был явно крут, так что простейшее решение – угандошить и снести на кухню – не прокатывало. Вступать в разговор было тоже чревато: бык, несмотря на свою тупость, успел выучить,

что беседы с авторитетами обычно кончаются одинаково: он оказывался основательно уделан, кругом неправ и что-нибудь должен.

– Так чего? – поднажал Базилио. – По понятиям это – артистов обижать? Ты скажи, а то я, может, запомнил?

– Никто его не обижал, – попытался соскочить бык.

– Странно, – кот щёлкнул когтем, – а вот артист говорит, что обидели его. Я артисту верю, у него основа чистая. Чистая у тебя основа, артист? – снова обратился он к петуху.

– Ничего тебе Защекан не говорил! – взвизгнула глупая свинка.

Кот медленно повернул голову в её сторону.

– Так, все слышали, – сказал он. – Я артиста при всех спросил, он ответил, что счастья у него нет. Вот так артист ответил – нет счастья. Значит, обидели его, раз счастья нет – верно ведь говорю? А это сырьё дефное при всём честном обществе на артиста, получается, возводит, и на меня тоже возвело, все слышали. Это по понятиям за что считается?

– Это по понятиям запахло, – в разговор вмешался козёл, успевший подойти и оценить ситуацию и решивший сыграть на стороне нового приятеля. – Ты, кулёма калушастая, – повернулся он к свинье, давя её глазом, – ты кто такая есть по жизни, что перед всеми говорила...

– Ничего я не говорила! Чё пристали? – завизжала свинья.

– Не говорила? – удивился козёл и стиснул ороговевшими пальцами её жирный подбородок. – Ты пасть разевала? – другой конечностью он схватил её за рыло, да так, что у свиньи перехватило дыхание. – Разевала пасть свою? Ты слова свои фуфлыжные, подлые ею высирала? Было? Было? Не было? Ну? Чё заныла? – На глазах свиньи выступили мелкие кривые слёзы, когда козёл сжал нежное рыло сильнее и принялся его выкручивать.

Бык замахнулся было копытом, но тут же его отдернул, больно ужаленный зелёным лучиком из глаза Базилио. Запахло палёной шерстью.

– Оставь её, – мрачно сказал крот, не выглядящий, впрочем, напуганным или хотя бы удивлённым. – Сколько надо?

Козёл отпустил свинью и открыл было рот, но кот его перебил.

– Мне надо, – сообщил он кроту, – чтобы всякая скобейда залупыжая понятия соборные читала и артиста не обижала. Кто артиста обидит, тот трёх дней не проживёт. Не знаю где, а у нас в Тора-Боре это так.

Упоминание Тора-Боры произвело на крота некоторое впечатление – во всяком случае, пастьку он закрыл плотно и без лишних звуков.

– В общем и целом, – сказал кот. – Счастья для нас, и пусть никто не уйдёт обиженным. Ты понял, деф неформатный?

– У нас столько нет, – ещё более мрачно сказал крот. – Мы сюда вообще-то на заработки пришли. Петь.

– Так разве же мы против? – удивился Баз. – Пойте. Я сам прослежу, чтобы никакая джигурда позорная, – он покосился на свинью, скорчившуюся на лавке и растирающую болящую пятячину, – артисту петь не мешала и честный сольдик его не крысячила. Ну и чтобы всем нам сиделось хорошо, душевно. За порядком последуем. Доляху нашу малую ему занесёшь, – он показал на Бобу. Тот из-за стойки заметил жест и понятиливо осклабился.

– Водки артисту! – крикнул кот, завершая сцену. – Кристалловской!

При слове «водка» петух как-то странно дёрнулся, а багровый гребень заметно побледнел. Кот с запозданием сообразил, что петуху-то, пожалуй, и впрямь худо.

– Но песня вперёд! – переиграл он. – Споёшь, артист? Для счастья?

Защекан истово затряс головой, одновременно кивая и крутя шеей.

Базилио понял это так, что спеть-то он, конечно, споёт, но ни в коем случае не сейчас, не в данную минуту.

– Чайку ему, водички холодной? – по-деловому спросил козёл у насупленного крота.

– Чайку, водички... «Бусина» есть? – всё ещё хмуро, но тоже по-деловому ответил крот.

– Найдём, – козёл заметно повеселел. – Да не менжуйтесь вы, всё могло быть хуже. Фишка-то по-разному ложится. Жизнь большая, земля круглая, считай, познакомились. Сегодня вы нам, завтра мы вам... – принялся он убалтывать кротяру.

Свинка всхлипывала, напоминая о своей обиде. Гусь смотрел на неё с характерной укоризной – как на вещь, обходящуюся слишком дорого. Кот понял, что в этой компании финансами распоряжается именно гусь. Подумав ещё немного, он решил, что с него следует слупить ещё бабосов: уж больно хитрый у того был клюв.

– Я снарягу покупаю, так это с тебя, – сообщил Базилио птице. – А то ты мне пиздариков обещал, могу спросить.

Гусь ощерился, но смолчал. Кота такая недоговорённость не устроила.

– Ты платишь, – повторил он. – И тянуть мы с этим не будем, носатый, – закончил он и пошёл к Бобе выяснять, что, собственно, нужно уважающему себя сталкеру-первоходу, желающему взойти на Зону без лишних приключений и выйти без горестных утрат.

Шустрый обезьян объяснил, что всё зависит от срока. Заход на сутки предполагал один набор вещей и артефактов, на неделю – другой. Кот прикинул свои потребности, решил перестраховаться, вспомнил скаредное гусиное рыло – и заказал двухнедельный набор. Боба pokrutil пальцем у виска, сообщил, что необученный первоход имеет все шансы двинуть кони в первые же сутки, но предложил пройти в бильярдную.

Там кот увидел жирафа – основу не то чтобы совсем редкую, но малораспространённую. К тому же он был выполнен как четвероногий с универсальными передними – такие решения уже давно были признаны контрпродуктивными. Но этот, видать, родился от какого-то морально устаревшего уёбища и не менее ветхой калуши. Лёжа на тощей подстилке, жираф медленно и печально изучал состояние дел у себя под хвостом. Судя по тоскливой сосредоточенности на морде, он изыскал там нечто недоброе – то ли последствия анальной травмы, то ли признаки геморроя. У кота в голове зачесалась древняя шутка, которую он деликатно откашлял. Жираф, извернувшись всем телом, встал на все четыре и, отчаянно грассируя, осведомился, как зовут уважаемого гостя и что ему, собственно, угодно.

– Зовут Базилио, первоход, иду на зону, нужна снаряга, – объяснился кот.

– Очень хорошо, Базилио, – ответил жирафчик всё с тем же прононсом. – Меня зовут Мариус, Базилио. У нас есть всё, что тебе нужно, Базилио.

Баз выразил по этому поводу всяческие надежды, и жираф, напустив на себя деловой вид, повёл кота в подвальную кладовку.

Объяснения и примерка снаряги заняли в общей сложности где-то минут сорок. В результате кот обогатился эклектичным, но продуманным набором вещей. Начал он с подбора разгрузки. Жираф попытался всучить ему дорогой навороченный вариант с изоамортизированным шмурдятником для артефактов. Кот предпочёл популярную у шерстяных «Зарю» с IRR-пропиткой – будучи гайзером, он никогда не забывал о тепломаскировке – и кордуровый вещмешок. Потом прикупил тёплое одеяло вондерлендовской работы. От боевых рейтуз, любимых шерстяными, он отказался, зато взял высокие чулки с непрогораемой подкладкой.

Далее жираф предложил несколько специальных ништяков. Самым непонятным коту показался корень, напоминающий то ли уменьшенную копию орудия труда Попандопулоса, то ли ректальный термометр. Кот поинтересовался, уж не предназначена ли эта штука для втыкания в жопу, и, к своему удивлению, получил положительный ответ. Оказалось, что этот редкий, дорогостоящий артефакт защищает своего носителя от нападения пресловутой барабаки с холодными губами. Баз заявил, что без анального огораживания он как-нибудь обойдётся. И получил в ответ характерный взгляд, который коту не понравился: жираф, похоже, решил, что этого клиента он больше никогда не увидит. Это-то кота не волновало, но за сим логически следовала попытка подсунуть гнилую снарягу. Так что Баз решил переиграть и корешок

всё-таки взял. А заодно потребовал проверки всех артефактов на годность. После недолгих препирательств жираф достал печатную книгу толщиной с собственный палец – руководство по сталкингу – и предложил коту произвести необходимые тесты собственноручно. Кот книгу взял и вежливо сообщил, что изучит её ночью, каковую он намерен провести в «Щцах», занимаясь сборами и подготовкой. О том, намерен ли он возвращать руководство, Базилио тактично умолчал.

Потом жираф показал ему комнату оружия, на удивление маловпечатляющую. В основном там лежало холодное железо. Было также несколько старых тесла-устройств разного назначения, кое-как переделанных под боевые и охотничьи нужды – все маломощные и ненадёжные. Жираф сразу сказал, что тесла стоит дорого и продаётся только за артефакты.

Кот вооружаться не собирался, но тем не менее осмотрел комнатку во всех диапазонах и был вознаграждён: среди штамповки и дрянных поковок он заметил на удивление ровную полоску металла, отсвечивающую в микроволнах фиолетовым. В обычной оптике это оказалось лезвие небольшого ножа с серебристой рукояткой, на вид ничем не примечательное, кроме отличной заточки и полного отсутствия следов коррозии. Базилио решил, что это или артефакт, или дохомокостная работа, и изъявил желание приобрести вещь. Осторожный жираф внимательно осмотрел ножик. И тут же его припрятал. Зато на кота посмотрел с уважением.

Экипировку завершала бутылочка беленькой. Жираф специально предупредил, что кристалловскую брать не стоит – на Зоне эффект очистки усиливался до такой степени, что спирт казался родниковой водой. Базилио внял и взял литр обычной. Всё хозяйство жираф упаковал в объёмистый мешок и как бы невзначай спросил, когда кот планирует вернуться и на какую добычу рассчитывает. Базилио туманно пообещал когда-нибудь быть и что-нибудь принести. Длинношеее пожевало губами и пожелало удачи – как показалось коту, не вполне искренне.

Вернувшись в общий зал, Базилио обнаружил перемены к лучшему. Куда-то исчез Попандопулос, пропал также и гусь. Зато петух заметно посвежел: блеснул глазами и вовсю жрал что-то мясное, выхватывая клювом из миски дымящиеся куски и пропихивая их в утробу в два глотка. Похоже, бодрящая «бусина» для него всё-таки нашлась, а может, и не одна. Кот решил, что артист манкирует обязанностями и пора бы приступить к культурной программе, о чём и сообщил кроту. Тот скривился, но спорить не стал, оторвал разлакомившегося Защекана от миски и буквально вытолкал в зал – петь.

Зашекан и в самом деле оказался вполне профессионален и к тому же умел чувствовать настрой аудитории. Начал он с заветного: вышел к стойке, поклонился публике, прочистил горло и исполнил а сарелла святую песнь Круга Песнопений Грегория Лепса о Рюмке Водки На Столе – то есть о вечной любви всех живущих к Дочке-Матери. У петуха оказался приятный мужественный голос с душевной хрипотцой. Публику пробрало, стали подтягивать, Боба торжественно поднёс артисту первую. Петух лихо выпил, всклекотал, откуда-то взялась педобирская балалайка, свинка утёрла слёзы и вытащила флейту. И скоро под сводами «Щщей» зазвучала другая музыка, куда менее благочестивая.

Начал выхухоль, заказавший артисту песнопенье Кожаного Оленя о Монике, Играющей В Слоника. Песня была, конечно, заветная и благочестивая, но всё-таки что-то с ней было не так. Во всяком случае, тех чувств, которые вызывали великие творения древних мастеров, она не вызывала, отчего и звучала редко. К тому же петух своим исполнением как-то особенно подчёркивал эту сомнительную нотку. Зато выхухолью это нравилось, как щекотка за ушами: он хрюкал, сипел, подёргивал хоботком, а потом щедро одарил артиста.

За сим Защекан исполнил, уже по собственной инициативе, народную балладу о Зелёной Ограде – как педобира, в мыслях согрешившего против Дочки-Матери, поймали и обесчестили распутные поняши, с одобрения самой небесной покровительницы, презревшей маловера. Базилио эта песня тоже была не по душе: будучи анабаптистом и не почитая Соборный

Култ истинной верою, он всё же не одобрял насмешек над священнослужителями. Зато публика свистела, аплодировала и дружно подпевала «опа-опа, так ему и надо». Кротяра пошёл с шапкой по залу и вернулся несколько подобревшим.

Потом петух выпил по второй, зарядил третью, раздухарился, пошёл плясать фасонной выходкой, с топотом и присвистом, голая что-то неразборчиво-похабное. Кот прислушался.

– Ох, жистёночка моя похотная! – причитал петух, выделявая ногами немислимые антраша. – Дурь-параша-поебень обхохотная... – он закрутился на полу, не переставая при этом дико наяривать на балалайке. – Да кручина моя мужичинная затесалась в место причинное! – выкрикнул он на одном дыхании, уйдя в пронзительнейший фальцет.

Базилио решил, что тема половой зрелости занимает в творчестве потёртого артиста слишком много места. Но публика велась: в зале заметно оживилось. Даже позорный волк, сидящий в углу в обнимку с упоенным в дымину конём-первоходом, поднял уши и отшарил лыбу.

– Пьяненький, пьяненький, ых! – плюгавенький иду! – верещал Защекан, стуча себя в грудь локтем и глухо ухая. – В полдороги пьяненький, пьяненький в пизду! Ой, иду-качаюсь я, за мной земля кончается, подрочил бы на бегу, тока кончить не могу!

– Тра-та-та, тра-та-та, вот она, феличита! Ой ты бунька бятая, скобейда похатая! – нестройно заорали еноты.

Базилио в очередной раз подумал, до чего же всё-таки опустилась современная культура, особенно по сравнению с заветными образцами. Он вспомнил, с каким чувством благочестивый педобир воспевал Тишину, и ему стало грустно и противно.

– По форелевой реке мы плывём на лодочке! Мой хуец в твоей руке, а в моей – сто водочки! – блажил петух.

– Давай-давай-давай-давай! Сучье мясо повалём поваляй! – внезапно взвизгнул крот, изображая вдруг нахлынувшую лихость.

– Бугага, бугага, бугагашечки-га-га! – немелодично заорал какой-то подсвинок, вытянув шею.

– Тра-та-та, тра-та-та, похотища-блякота! Ос-тос-хламидиоз! – орали еноты, стуча по столу пустыми кружками.

Сисястая зебра встала и, трясая крупом, вскарабкалась на стол. Тот крикнул, но выдержал. Зебра ударила копытом и закружилась, колыхая грудями и рассекая воздух гривой. Свинка раздувала щёки, выводя на флейте непотребные рулады.

– И-й-йух! Залупонь моя гола! Ух какая стоебушка была! По ебалу малафья потекла! Накатила суть! Агаааа! – отжаривал петух что-то бессмысленно-похабное. Гребень его поднялся и заалел.

– Не могу молчать! – не выдержал волк. – Ща спою! – пообещал он и обещанное немедленно исполнил, издав протяжный, душераздирающий вой. Пьяный конь открыл глаза и повёл окрест взором, исполненным какой-то блудной тоски.

Базилио молча встал, подхватил мешок и отправился в сортир – отлить и передохнуть от галдежа и непотребства.

В сортире он обнаружил Попандопулоса и гуся. Гусь выглядел довольным, у козла были масляные глаза. Кот понял, что Септимий не только профессионал задних дел, но и их же любитель, а проще говоря – жопник. К мужеложцам Баз, как христианин, относился крайне отрицательно, хотя и был вынужден мириться с их существованием. Присвистнув сквозь зубы, он задрал повыше хвост и помочился в напольный лоток для крупных существ, подпустив в струю секрет из прианальных желез – что называется, пометил территорию. Амбре поднялось такое, что порочная парочка спешно покинула помещение, не завершив начатого. Кот проследил за ними через стенку и увидел, что любовники скрылись в бильярдной.

Добравшись в своих воспоминаниях до этого момента, Базилио попытался припомнить, зачем он, собственно, это сделал. Кот отлично знал, что его метящий секрет практически невыводим и что он, по сути, испортил помещение, причём надолго. С другой стороны, гусь и козёл не сделали ему ничего плохого, даже наоборот. Базилио полагал, что никогда не следует причинять лишнего зла, вредить без выгоды или необходимости – эта доктрина соответствовала и Святой Библии, и жизненному опыту. Наконец, нанесённый самим жопникам вред был невелик: так себе, мелкая шкода, даже не помешавшая извращенцам завершить начатое. Как ни крути, а подобное поведение свидетельствовало о потере самоконтроля. Возможно, решил он, виной тому была кристалловка, чистая только на вкус... Но, так или иначе, в общий зал он вернулся уже на взводе.

То, что он там увидел, умиротворённости ему не прибавило.

В зале стояла полная тишина. Все сидели ровно, не дыша, уткнув морды кто куда – кто в стол, кто в соседа. Петух, с обвисшим бледным гребнем и дрожащими ногами, сидел враскорячку посреди зала, держа в руках балалайку. С треснувшей деки свисала, подрагивая завитком, оборванная струна – длинная, блестящая. Рядом с петухом валялась мёртвая свинка, из окровавленного рыла торчал обломок флейты, забитой в горло.

А вокруг – и в зале, и у двери, и возле бильярдной – стояли шерстяные.

Их было не меньше десятка, все одинаковые, в новеньком нахнаховском камуфле. У старшего была кривая сабля, у прочих – какие-то железки. У одного в ноздре болталась бронзовая серьга.

Обезьяны были некрупные и выглядели не страшно. Но в зале висела кислая вонь смертного ужаса.

Кот оценил ситуацию. Судя по всему, кучка нахнахов решила подудолить «Щщи» – а потом, по своему обучаю, учинить резню или что-нибудь похуже. Это было против всех понятий, но шерстяные были беспредельщиками и понятия не ставили ни во что. Неясно было, правда, каким образом стая подонков, которая, по всем известным историческим закономерностям, должна была бы давным-давно загнуться от собственного беспредела, сумела не только выжить, но и набрать такую силу. Тем не менее им это удалось, и теперь они успешно прессовали всех, до кого могли дотянуться. Вот и сейчас случилось то же самое: несколько шерстяных пришли в чужой дом, убили гостя и явно намеревались продолжать в том же духе. При полном отсутствии какого-либо сопротивления.

Базилио понял, что замечен, и выступил чуть вперёд, одновременно просчитывая пути отхода. Отметил про себя, что нахнахи расположились довольно бестолково и даже беспечно: будь здесь другая публика, можно было бы взять их толпой на рывок. Но никакой толпы не было. Были испуганные до потери пульса существа, каждое из которых надеялось только на то, что не повезёт кому-нибудь другому.

Начальник нахнахов повернулся, посмотрел на кота внимательно, что-то решил и отвёл глаза. Кот понял это так, что его оценили и не будут мешать уйти. Что, разумеется, и следовало сделать.

– Эй, шерсть, – услышал кот собственный голос. – Это зачем? – он показал на мёртвую свинью.

Главный обезьян приподнял брыли, показав жёлтые клыки.

– Харам, – показал он на свинью. – Куфр, – волосатый палец уткнулся в петушиную балалайку.

Базилио понял, что влип – чёрт знает как, но влип, причём на ровном месте. Он не собирался геройствовать, судьба трусливых и подловатых аборигенов ему была совершенно безразлична, мнение шерстяных о собственной персоне – тоже. По-хорошему, заедаться в такой ситуации было совершенно незачем. Надо было просто уйти, вот только ноги приросли к полу, а шерсть встала дыбом.

– Что такое харам? – зачем-то спросил он.

На его удивление, тварь с саблей и вправду задумалась.

– Харам – это чёго нэ любит нащ Тарзан, – наконец выдал шерстяной определение.

– А что любит Тарзан? – кот понимал, что безнадежно влипает, но остановиться не мог.

– Тарзан любит халяль, – пасть шерстяного расплылась в подобии ухмылки.

– А что такое халяль? – кота несло.

– Я же гаварю – это чёго любит нащ Тарзан! Ты глупый, да? – удивился зверь.

– Не знал, что Тарзан не любит свиней, – Базилио удалось немного взять себя в руки, и он твёрдо решил, что уйдёт сейчас же, пока не поздно. Что такое «куфр», он решил не выяснять.

– Падажды, – ухмыльнулся нахнах, когда кот повернулся к нему спиной и начал пробираться к выходу. – Ты мнэ нэ заплатил. За... – он покрутил в воздухе волосатыми пальцами, пытаясь вспомнить сложное слово, – за кансультацию.

Кот повернулся и посмотрел шерстяному в глаза.

– За какую консультацию? – почти ласково спросил он.

– Я тэбэ сказалъ, что харам и что халяль. Это закон твоэй жызнъ. Будэщъ жить, если будэщъ нащ закон. За это, щто ты узналъ закон, ты должен платыт.

– И сколько же? – осведомился кот, снимая очки.

– Всё, – лаконично ответил шерстяной, показывая на мешок.

– Знаешъ, – улыбнулся Баз, – я лучше отработаю.

Первый зелёный луч раскрошил нахнаху левый глаз, второй – поджарил правый. Нахнах схватился за морду и взвыл.

Кот прыгнул на стол, уклоняясь от брошенной кем-то железяки и выигрывая пару секунд на перезарядку конденсаторных каскадов. Следующий лучик пробил щёку бросавшего и вышел из уха. Тварь упала на пол и задёргалась – видимо, луч не убил её, а только повредил мозговую ткань. Ещё одному нападающему кот засадил импульс в позвоночник. И его, похоже, сломал.

На этом везение закончилось. Шерстяные поняли, что имеют дело с опасным бойцом, и рассредоточились по залу, укрывшись за спинами гостей.

Кот попал в идиотское положение. В рентгене он видел скелетики шерстяных и мог бы поджаривать каждого по одиночке. К сожалению, между каждым обезьяньим скелетиком и лазером имелась прокладка из совершенно постороннего мяса. За жизнь которого по отдельности и в совокупности он в любое другое время не дал бы и гнутого сольдо. Но вот только не сейчас.

Нахнахи тоже оценили ситуацию. Один взял на заточку сисястую зебру и, прикрываясь ею как щитом, вышел на относительно свободное место.

– Гэрой, да? – раздалось из-за зебры. – Слющай, гэрой, – в сиську зебры уткнулась острая железка, вошла под основание, по шерсти мгновенно расплзлась тёмная кровь. Зебра дико, до боли в ушах, закричала.

– Э? Чё за дела? – раздалось из угла. Это проснулся пьяный конь-первоход, пропустивший самое интересное.

– Воха, – бросил прячущийся за зеброй. – Разбэрьсь.

Конь тем временем что-то понял, решительно сбросил пальто и встал в боевую стойку, гордо помавая копытами. Тут ему в горло вошёл метательный нож, и наивный тушняк с грохотом рухнул, опрокинув сразу два столика. Второй подарочек от Вохи прилетел волку, вжавшемуся в угол – ножик вонзился в стену, пригвоздив к ней волчье ухо. Волчара смешно заскулил, но даже не рыпнулся. Третий нож пошёл криво – Баз выцепил в инфракрасном диапазоне волосатую лапу и на очередном замахе отстриг ножевику кончики пальцев.

Базилио, однако, не обольщался. Ситуация была патовая. Электрический Кот был шерстянке не по зубам, но и помешать нахнахам заняться любимым делом – резнёй – он тоже не

мог. Играть в пятнашки среди трупов можно было долго. Вот только уверенности в том, что сейчас к шерстяным не подгребёт подкрепление, не было.

– Сэйчас, дарагой, – как будто услышал его мысли шерстяной, – здесь ещё нащи будут, ты нэ тарапись, всё равно нэ убэжишь. Ми тэбэ много интэрэсного сдэлать. А пока послушай мюзыка.

Нахнах ещё раз наколол зебре сиську, та снова издала дикий крик, совершенно такой же, как и в первый раз – будто у зебры внутри срабатывала какая-то машинка, воспроизводящая именно этот звук.

Внезапно петух, о котором все забыли, вскочил на ноги и схватил балалайку.

– Эхма! – заорал он, перекрикивая зебру. – Лето не зима! – две оставшиеся струны отчаянно задребезжали. – Похотища-блякота, растуды качель-пизда! – он загреготал, запрыгал, ноги засучили по воздуху.

Шерстяные от такого опешили секунды на две. Этого времени хватило, чтобы петух в немыслимом прыжке перелетел за спину шерстяному. Раздался характерный звук удара балалайкой по черепу и вкусный хруст ломаемой шеи.

Зебра тем временем набрала воздуху в лёгкие и снова заорала – на сей раз, видимо, от избытка впечатлений.

Петух вылетел вперёд, держа в клюве нахнаховскую заточку, крутанул головой чуть ли не на триста шестьдесят градусов и, найдя взглядом кота, коснулся пальцами предплечья. Кот сомкнул когти, сделав «понял». Шлёпнул себя по бакенбарду и сложил пальцы четвёркой – за спиной Защекана прятались четверо шерстяных. Петух снова прыгнул спиной, завернув голову назад под немыслимым углом. Гребень его раздулся и стал ярко-малиновым.

Зебра, до которой наконец дошло, что она свободна, упала на четвереньки и тремя огромными прыжками достигла раздаточного столика, под который и забилась, трясаясь всем телом.

– Ннняяяка! – заголосил петух, падая на пол и втыкая заточку в ногу подставившемуся шерстяному. Тот не нашёл ничего лучшего, как вонзить своё оружие в ближайшее подвернувшееся мясо – им оказался енот, прижавшийся к столу и накрывший голову лапами. Енот заорал не хуже зебры, к его воплю добавился захлёбывающийся вопль нахнаха, которому кот срезал лазером ухо и полщеки.

– Эй ви! – заорал укрывшийся за стойкой шерстяной. – Давай гаварить будэм!

Кот инстинктивно, не думая, отпрыгнул. За жизнь он успел выучить, что означает у беспредельщиков подобное предложение.

Он не ошибся – в пол воткнулся арбалетный болт. Нахнахи оказались не такими самонадеянными болванами, как он думал. Они всё-таки выставили внешнюю охрану, да ещё и вооружённую редким оружием.

Баз оставил прочих врагов на петуха и развернулся лицом к стреляющему, одновременно расширяя диапазоны – и увидел здорового обезьяна в железном шлеме. Тот стоял на гостевой площадке с самострелом и неторопливо прицеливался.

«Них-хуя ж себе вундервафля!» – только и успел подумать Базилио, заряжая обезьяну в лоб пикосекундным импульсом. Шлем не пробил, но вмятина образовалась хорошая, вместительная. Шлемоносец рухнул с лестницы, по пути попав ногой в аномалию, та прокрутилась, и ногу защемило. Нахнаха с размаху приложило мордой о дерево, и он затих.

Решив не тратить электричества на добивание врага, кот прыгнул, перевернулся – и увидел, что петух лежит на полу и мелко-мелко дёргается, а из клюва течёт пена. Гребень его набух багровым.

Из-за стойки появилась торжествующая морда нахнаха, а за ней – совершенно бесшумно, как тень – кротовая лапа. Баз не успел удивиться, как лапа сделала неуволимо быстрое движение, когти вошли в шею над волосатым кадыком. Нахнах тихо булькнул и осел.

Остальные бойцы шерстяных, видя такую скорую убыль личного состава, подрастерялись. Кот успел убрать двоих, прежде чем третий попытался взять заложника. К несчастью для себя, он выбрал волка. С этим позорным кадром Базилио церемониться не стал и проткнул обоих одним лучом.

Тут образовалась новая проблема – вусмерть перепуганная, казалось бы, публика слегка очухалась и зарыскала в поисках спасения.

Сначала дёрнулся выхухоль. Базилио осадил его взглядом, тот понял и вжался в стену. Потом гозман попробовал было тихо выползти из-за стола, отчаянно заскрипел отодвигаемым стулом. Кот повернул голову – и в этот самый момент какая-то шальная коза в пёстрой блузе сорвалась с места и с неразборчивым мемеканьем поскакала через зал, закрыв коту сектор обстрела. Налетев со всей дури на корчащегося на полу петуха, она споткнулась, ёбнулась рогами о стойку и сползла на пол. Это, похоже, немного охлонило прочих. Но Баз понимал: в любой момент вся эта толпа может ломануться на выход, и тогда будет ой-ёй-ёй. На всякий случай он погрозил кулаком сидящим, показал пальцем вниз – сидите, мол, – и для убедительности скорчил страшную рожу. Неизвестно, какое это произвело впечатление, но желающих повторить козью выходку не нашлось.

Мелкий шерстяной с серьгой в ноздре – судя по обожжённой руке с косо срезанными пальцами, тот самый Воха, – нырнул в дверь сортира, громыхнул щеколдой. Видимо, он рассчитывал найти другой выход или просто забаррикадироваться. Кот улыбнулся – и точно, через пару секунд оттуда послышалось сдавленное рычание и звуки рвоты. Ядрёный запашок сработал – незапланированно, но очень удачно.

Внезапно осмелевший Боба – он, оказывается, всё это время прятался под стойкой – неожиданно ловко запустил в воздух бутылку с водкой, метя в шерстяного, который нагнулся за валяющейся на полу заточкой. Бутылка оказалась кстати – зверь потерял равновесие и бухнулся на колени. Коту осталось только прожечь у него в маковке аккуратную дырочку.

Этот был, похоже, последним. Базилио осмотрелся, совмещая оптику и рентген, заодно глянул и на петуха – и убедился, что Защекан не дышит.

Кот осторожно обошёл помещение (сидящие за столиками косились на него с ужасом) и добил подранков. Маякнул кроту, чтобы тот занялся латоносцем, подобрал стрелу, обнюхал. Стрела не пахла ни мочой, ни кровью – выпустивший её даже и не думал об отпечатках ауры, по которым стрелявшего можно было бы найти. Такое мог позволить себе только тот, кто действительно никого не боялся.

Баз срезал лазером с петель дверь сортира и выволок оттуда полузадохшегося, облёванного Воху. Его он уложил на пол, вывернул ему руку и уселся с удобством сверху.

В таком состоянии шерстяной выглядел жалко. Однако глазки блестели ненавистью.

– Так, – сказал кот, располагаясь на своей жертве так, чтобы не дышать её запахом. – Теперь и поговорить можно.

– Ты плохо умрёшь, – пообещал Воха. – Клянус Тарзаном, ты очень плохо умрёшь.

– Возможно, – согласился кот. – Но вот у тебя-то какие перспективы?

Нахнах высказался в том смысле, что он кого-то в рот эбаль. Кот счёл это неуважительным.

– Вы артистку убили, – напомнил он. – По понятиям за это знаешь что полагается?

Шерстяной выразил мнение, что понятия – харам и Тарзан их эбаль.

Базилио вздохнул. В отличие от Попандопулоса, он не любил причинять боль. Если уж приходилось с этим возиться, он старался делать всё быстро и результативно. С годами он выработал схему, которая его обычно не подводила.

– Мы попытаемся немного оживить наш диалог, – приговаривал он, выламывая клиенту волосатую лапу. – Полагаю, начнем мы с измельчения твоих лучезапястных суставчиков. Знаешь, как аппетитно они захрустят? То-то, аппетитнее, чем кукурузные хлопья. Потом я подо-

грею тебя лазерочком. Сначала чуточку обжарю мочки ушей, потом пройду по жирненькому заливку. Ах, какими завитушками из копчененького мясца ты украсишься, любо-дорого будет посмотреть! Далее наведу я огонь опаляющий на твои чудесные чёрные кудряшки – красавцем сделаешься неопишным! Потом лучик-то тепловой на губки тебе направлю: надо, чтоб они у тебя были поярче, позапеканистее. Затем еще носик... – слова у кота не расходились с делом, так что когда дело дошло до носика, шерстяной уже был не переставая.

Доведя клиента до нужной кондиции, когда тот был уже готов на всё, чтобы хоть немного уменьшить боль, кот приступил к допросу. В основном его интересовало, кто планировал операцию, а главное – придёт ли подкрепление. Волновал также вопрос об арбалете.

Результаты были несколько обескураживающими. Воха оказался даже не нахнахом, а курсантом Гиеновки, военного училища в Гиен-Ауле. Он отучился три года и что-то умел. Третькурсником был и парень с арбалетом – именным, подаренным какой-то комиссией за хорошую стрельбу. Что в этом такого удивительного, Воха не понимал. Остальные были и вовсе зелёные. У них был отпуск, они гуляли, ну и догулялись до идеи пойти в пресловутые «Щщи» и там побарагозить. Нет, резать посетителей они не собирались, дудолить заведение всерьёз – тоже. Они хотели посидеть, покушать, ну и немножко пошалить. Им не понравилась музыка и «бэспарядок», и они это исправили. Почему из-за такой мелочи на них напали, Воха, опять же, не мог взять в толк, несмотря на всю доходчивость котовых аргументов.

Базилио почувствовал что-то вроде разочарования. Хотя и отдавал себе отчёт, что с настоящими бойцами он бы так просто не разошёлся. Какими бы отморозками ни были шерстяные, но драться они умели. И всё-таки ему было неловко. Поэтому Базилио отпустил парня без лишних мук, передавив ему сонную артерию. Последним словом Вохи было «зачём».

Закончив с этим, кот наконец пошёл к столу. Крот осторожно и бережно положил на него тело петуха. Рядом встал Боба, прижимая к себе ту самую бутылку.

– Инфаркт, – коротко сказал крот Бобе, закрывая петуху клюв. – Я думал, Валька от печени уйдёт, а вон оно как вышло. А всё равно – умер в бою. Ну хоть так, – он начал стаскивать с петуха свитер.

– Он кто? – спросил кот, коснувшись белых шрамов на гребне – на месте грубо сведённого партака.

– Командир отделения, – просто ответил крот. – Защёкин Валентин Павлович, спецназ Директории. Двадцать три спецкомандировки.

– Понятно, – протянул Базилио. – А чего он так? Служил бы.

Крот вытер лапой нос.

– Рапорт на него написали. Штабные крысы дали ход. Выперли, наград лишили и военную прошивку ему грохнули. Всё продал, кое-что прошил обратно по нелегалу, ушёл к эсдекам наёмником. Там мы и познакомились. Хороший был командир, бойцов берёт. Себя не сберёт. Шерстяные его отловили. Разговорчики ходили, что продали его. Командиры и продали. Ну да кто теперь разберёт... Мы его через сутки отбили, живой был, только опоздали малешко... – он молча сдёрнул с мертвеца штаны. Кот увидел страшные шрамы на бёдрах, изуродованный пах и всё понял про завершение половой зрелости.

– Вот после этого он и ушёл, – закончил крот. – Стал петь. Голос у него был. А я с ним. Не бросать же Вальку.

– И чего ж вы на ребилдинг бабла не собрали? – нахмурился Базилио. – Вы ж популярная группа. Или в Директории уже и денег не берут? Что-то, а эти погремушки ему бы в два счёта отрастили.

– Мы два раза на это деньги собирали. Валька всё пропивал нахрен. Говорю же тебе, в службе он разочаровался, а такое не лечится. Ладно, хоть умер хорошо, с музыкой. Ну что, проводишь с нами командира? – Кот кивнул. – Что из него будешь? Гребешок мой, – предупредил он сразу.

– Яйца бы съел, в каком-то смысле они у него были, – признал Баз. – А так – что положите. Потрошки какие-нибудь. Или рёбрышки.

Подошла сука-подавальщица, крот дал ей ноги покойника, сам взял за руки, и они понесли труп на кухню, готовить последнее солдатское угощение.

Тем временем публика, немного отошедшая от всего пережитого, начала шевелиться. Зебра выбралась из-под раздаточного стола и, пошатываясь, поплелась куда-то, смотря перед собой невидящими глазами. Енот, сидевший рядом с убитым собратом, тихо заскулил сквозь зубы. Выхухоль попытался было встать и снова сел – было слышно, как у него подломились коленки. Но уже было понятно, что все более или менее в себе, ситуацию понимают и хотят только одного – как-нибудь по-быстрому удрать отсюда.

В воздухе висел кислый, перегоревший страх, а также стыд и срам. Подкрашенные котовой вонью из сортирного проёма.

– Сидеть тут не будем, – предупредил кот. – Стошнит.

– В бильярдной накроем, – предложил Боба. – Или на кухне, там место есть.

– Сколько у нас в запасе? – решил всё-таки не затягивать с этим кот.

– Ночь, – оценил Боба. – Вообще-то, я так думаю, их не скоро хватятся, но кто-нибудь стукнет, – он скосил глаза на молчаливую толпу, уже потянувшуюся на выход. – Хорошее было место, – он обвёл взглядом закопчённые своды «Щцей».

– Извини, что ли, – кот положил лапу Бобе на плечо.

– Да не за что, ты всё правильно сделал, – сказал обезьян. – Я что, не понимаю? Шерстянка так и так «Щщи» у нас отжала бы. Через полгода максимум. А вообще-то раньше. Они сейчас всё под себя берут. А так – уйдём на красивом аккорде. Я давно хочу в Директорию свалить, – признался он. – Старенький я, мне бы клеточки перебрать и всё такое. А лучше перепрошиться. В орангутанга, – Боба сделал вид, что шутит.

– Ты понятно. Счета у тебя там в банке.

Мартыхай сделал каменную морду.

– А команда? Повара, охрана, прочие?

Боба махнул лапой, что могло означать разное.

– А хозяин ко всему этому как отнесётся? – продолжал любопытствовать кот.

– Да чтоб я знал его! – обезьян говорил, похоже, искренне. – Мы за норму работаем, нам каждый месяц минималку выставляют по баблу и по артефактам. Ни разу не ошиблись, кстати. Кто-то тут за нами хорошо смотрит... Ну да чего уж теперь-то. Против шерстяных не побузыкаешь. Хотя валил ты их смачно. Ну и я тоже поучаствовал, – добавил он не без гордости. – Кстати, ты не мог бы? – он протянул коту ту самую бутылку. – Чтобы ауры не осталось.

Кот поставил бутылку на стол, разбил её серией пикосекундных импульсов на мельчайшие осколки, потом сплавил их в однородную массу.

– Пожалуйста, – сказал он. – Это и тарзановские эмпаты не прочтут.

Тут из-за двери появился со склонённой головой Попандопулос, виновато волоча за собой гуся, из которого текло что-то скверно-розоватое.

Кот посмотрел на гуся в рентгене и покачал головой. Глистоед получил куда больше мужского счастья, чем смог выдержать.

– Да я чего, я ничего, – начал козёл, форсируя голос. – Да он мне сам – сильнее, говорит, сильнее. Вот я того... Вставил как следует. А у него там всё нежненькое такое...

– Пидор гнойный, – не сдержался крот.

– Кто гнойный? – тут же завёлся козёл, с надеждой зыркнув на кота.

– Шёл бы ты отсюда, Септимий, – с усталым отвращением проговорил Базилио. – Далеко и надолго.

Крот смолчал, просто посмотрел на козла внимательно. Но что-то было в его взгляде. Что-то такое, отчего Попандопулос немедленно заткнулся, бросил гуся на середине зала и поволокся к выходу.

– Жаль его. Внятный был барыга, – заключил крот.

– Грабил он вас, – напомнил Боба.

– Да я знаю. Кто чего будет? Хоть и умер плохо, а всё-таки гусь. Основа гастрономическая.

– Н-да. Надо оказать уважение, – подтвердил Боба.

– Мне печёнку, – обозначил свой интерес перс.

– Печёнка у него циррозная, – предупредил кротяра. – Хотя цирроз вкус даёт... Кстати. Как зовут-то тебя?

– Базилио, – представился кот. – Можно Баз.

– Красиво. Я Карл. Позывной «Римус». Так и зовите.

– Тоже красиво, Карл, – сказал кот.

– А меня вы знаете, – резюмировал Боба. – Ну так чего? По первой, за знакомство?..

В этот момент проматываемая нить воспоминаний с треском лопнула.

Кот развернулся пружиной и подпрыгнул, шерсть встала дыбом. В животе стало пусто и гулко, и кот успел подумать, что это, наверное, и есть настоящий ужас.

Прямо на него смотрели два немигающих глаза, между которыми торчал зазубренный крючковатый клюв.

**Глава 20, в которой кое-кто и не подозревает,
что очень скоро получит награду за свои труды,
вот только не совсем ту, на которую уповал**

1 ноября 312 года от Х.

Директория. Институт Трансгенных Исследований, корпус Е.

4-й надземный этаж.

Рабочее утро.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Входящие /000768041630

ДОКУМЕНТ: запрос на списание оборудования

ФОРМА ДОКУМЕНТА: стандартная

ОБОРУДОВАНИЕ: молекулярный щуп-датчик SNN199-3

СИТУАЦИЯ: механическое повреждение корпуса, вызванное
усталостным напряжением в условиях резкого температурного пёрепада

СОСТОЯНИЕ: восстановлению не подлежит

РЕШЕНИЕ: утилизация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ: Ib 318461 (Алиса Зюсс)

ЭКСПЕРТИЗА: Ib 34674 (Джузеппе Сизый Нос)

День начался как обычно – с судорожных сокращений матки.

– Ленинград, Ленинград, – закричал женский голос из патефона, – я ещё не хочу умирать...

«Я не хочу *умирать*, я хочу *умереть*», – почувствовала Алиса. Это было именно чувство – оно накрывало изнутри, с головой, от него леденели пальцы, лицо, кончик носа. Алиса знала, что бороться с этим бесполезно. Нужно было просто пережить. Как и всё остальное.

– Ленинград, у меня телефонов твоих номера, – кричал голос.

Лиса протянула лапу, выключила звук. В тишине желание смерти проходило быстрее.

Она выдержала несколько мгновений полной беспросветности, сбросила одеяло и резко согнула колено. Боль выстрелила в сустав, обожгла ногу, впилась когтями в бедро. Лиса закричала и так же резко выпрямила ногу. На этот раз боль ударила в другую сторону – к ступне. Ощущение было, будто в мышцы набили стекла. Но ледяная волна отхлынула. Боль была её союзником; Алиса относилась к боли с ненавистью и уважением, как к старшей сестре, которую трудно выносить, но которая почему-то всегда оказывается права.

Она села на постель и принялась обкалывать ногу – сначала укол в суставную сумку гиалуриновой кислотой, потом гидрокортизон и два обезболивающих в мягкие ткани. Последний укол в бедро – чтобы можно было раздвинуть ноги: вектора и там что-то перекроили, протянули какие-то тяжи, которые при движениях рвались. Гордая лиса стонала сквозь зубы, не открывая рта. Зато немного отпустила вечная хочка. Алиса решила, что гигиенические процедуры можно пропустить или хотя бы не начинать день с них. После смертного холода и боли переступить ещё и через то отвращение к себе, которое обычно наступало после латексной палки, было выше её сил.

Под душем матку всё-таки скрутило. Хуже всего было то, что она смогла кончить, только представив Семнадцать Дюймов внутри себя. Если необходимость мастурбировать просто ранила её гордость, то эта новая зависимость – рвала её на части.

Начался утренний обход: автоклав с кроликом, автоклав с цыпленом, пробы раствора, криотест. Она всё делала аккуратно, очень внимательно, но совершенно механически, обращая вни-

мание только на рабочие моменты. Потом был ещё один приступ, пришлось скрываться в туалете и делать всё быстро. Белоснежный рог снова нарисовался в воображении, и на этот раз Алиса уже не сопротивлялась.

После этого стало легче. Ногу тоже немного отпустило: лиса ощутимо прихрамывала, но могла ходить, не обращая на это внимания.

В столовую она пошла к двум: во время сиесты она обычно пустовала. На этот раз не было вообще никого, кроме буфетчицы и уборщицы, лениво гоняющей шваброй по полу грязную воду, пахнущую настоявшейся хлоркой.

Обойдя лужу, лиса взяла подносик, поставила на него обычный набор – салат с лабораторной мышатиной, калушьи яйцеклетки под майонезом, свежавыжатый куриный сок – и села на своё обычное место в углу. Место было прямо под кондиционером и поэтому пустовало практически всегда. Но Алисе оно нравилось – гудение кондиционера заглушало чужие голоса. Болезнь воздвигла между ней и остальными стеклянную стену, биться о которую гордая лиса не стала бы, даже если бы сходила с ума от одиночества. Теперь же ей и вовсе не хотелось никого ни видеть, ни слышать.

Жуя разваренную мышатину и не чувствуя вкуса, лиса в сотый раз прокручивала в уме варианты развития ситуации. Судя по тому, что она до сих пор на свободе, Нефритовое Сокровище её не выдал. Более того, срок, который он ей поставил, неожиданно растянулся: недельное заседание Учёного Совета было отменено из-за каких-то срочных и маловразумительных обстоятельств. Лисе хотелось думать, что цилинь дал ей дополнительное время. Вот только как его использовать, она не понимала.

То, что её запалили, работодателям было уже известно: лиса перестала обновлять маяки и метить условленные места. Быстрого выхода на связь она, конечно, не ожидала: на их месте она считала бы себя находящейся под плотным наблюдением. Непонятно было, правда, зачем такие сложности. То небольшое, что лиса знала, она сказала бы и так: или сама, или после трёхминутного общения с барсуками. Лиса где-то слышала, что хороший, годный барсук умеет работать даже с такими существами, которые способны отключать болевую чувствительность. В том, что Институт может позволить себе хороших, годных барсуков, Алиса не сомневалась. Хотя, скорее всего, её сразу передали бы военной контрразведке, где коротали век настоящие профи, изголодавшиеся по работе... Так или иначе, пасти её было бессмысленно – по крайней мере, с её точки зрения. Но работодатели могли думать что угодно. Например – что она пытается втянуть их в какую-нибудь игру. Лиса имела очень смутное представление об играх такого рода, но понимала, что её наивность – это её и только её проблема.

Алиса потянулась за зубочисткой – как всегда, в стаканчике остались только конские, с полпальца толщиной – и принялась её грызть. Хруст дерева на зубах помогал ей сосредоточиться.

Что касается её собственного положения, то его можно было описать словами «полный дефолт». Несмотря на неожиданную доброту цилиня, давшего – точнее, навязавшего – ей шанс на спасение, бежать было некуда. Тайник с деталями и оборудованием она проверяла, всё оказалось на месте. Вынести это добро за пределы Института было сложно, но возможно. Непонятно было, что делать дальше. Скрываться в Директории? Бессмысленно, найдут. Как переходят границу и возможно ли это вообще сделать в одиночку, лиса не имела ни малейшего представления. О Стране Дураков она знала не больше любого обывателя, но даже этого ей хватало, чтобы понять: первый же контакт с аборигенами станет, скорее всего, и последним. Шансов добраться до Зоны в одиночку у неё не было. Сдаться властям она тоже не могла: это означало предать доверие Нефритового Сокровища.

Конечно, можно было надеяться на чудо. Но Алиса имела основания полагать, что чудеса не ходят косяками, а благородство Нефритового Сокровища выбрало её личный лимит на везуху на ближайшие годы. Если, конечно, они у неё вообще будут.

Она снова подумала о белом роге и тихо, еле слышно, заскулила.

Хлопнула дверь. В столовке появился Джузеппе Сизый Нос. Алиса заметила, что он уже подмазанный айсом – не сильно, но заметно.

К сожалению, Джузеппе её тоже заметил.

– Приве-ет, а вот и мы, – он, не чинясь, присел к ней за столик. – Чтой-то мы такие грустные? Нам ли быть в печали? Выше мордочку!

Лиса, подавив в себе острое желание процарапать по сизому хрюслу когтями, судорожно кивнула. Понимая, что уже не отделается. Под айсом Джузеппе становился крайне дружелюбным, а точнее – бессмысленно-навязчивым. Когда-то ей это даже нравилось – ну в каком-то смысле. Собственно, и первый подход к ней он сделал именно под айсом: на свежую голову у него на это, скорее всего, не хватило бы духу. Алиса подозревала, что она так и осталась первой и единственной удачей Джузеппе как вербовщика.

– Слушай, тут есть тема, – Джузеппе загрёб в воздухе лапой, как будто хотел приобнять Алису за плечи, – с этими твоими цыплями. Чем ты их шьёшь? У меня есть одна идея на сто соверенов.

– Можно потом? – невежливо перебила лиса.

– Да ты права, цыпли на самом деле не тема. Смотри, какой расклад. Скоро совет, на совете решат окончательно с Коллоди, ну в смысле с его отделом. Будет раздербан, все на себя потащут. Я-то своё урву, но я вот чего подумал – а может, ты как-то выступишь, ну типа засветишься? Тебе пора расти, я так считаю. Ты молодой специалист, перспективный, с правами человека, между прочим. Тему тебе искать не надо, ты сама у себя тема, например, – он хохотнул, потом осёкся. – Извини, я это чисто по науке. Так вот по науке: смотри, у тебя какие возможности. Я, допустим, беру научное руководство, под это пробиваю себе права человека. Пишем заявку на имя директора, объявляем проект, набираем коллектив, берём грант...

Алиса внезапно поняла, что Сизый Нос понятия не имеет о сложившейся ситуации. Кто бы ни были его шефы, они не уведомили своего агента, что он, скорее всего, раскрыт. Лиса почти не сомневалась, что провал случился именно по вине Джузеппе. Наверное, кто-нибудь обратил внимание на его обычное вечернее состояние и стукнул. Пришла проверка, и что-то нашли. Потом стали проверять окружение и вышли на неё. Да, решила она, вероятнее всего, так оно и было.

Из этого следовали кое-какие выводы. По большей части неприятные. В частности, тот, что бежать и в самом деле необходимо, причём быстро. До лисы наконец дошло, что лучшим способом решения проблемы для работодателей была бы ликвидация всех, кто хоть что-нибудь знает. И что она, перестав подавать сигналы спокойствия, тем самым подставилась. Правда, непонятно, почему в таком случае её не убрали до сих пор. Хотя, с другой стороны – неизвестно, какими возможностями обладают работодатели в этом смысле: может, руки короткие. Но, в любом случае, испытывать судьбу слишком долго не стоит. В конце концов, Нефритовое Сокровище может сменить милость на гнев, ну или предпочесть долг чувству.

Всё, решила она, надо бежать. Сегодня же. Вечером или ночью. И будь что будет. В конце концов, всё, что ей нужно – деньги и лекарства.

Джузеппе нёс пошлую ахинею. Слушать это было невыносимо. Лиса допила куриный сок и попрощалась. Но Сизый Нос был навязчив и увязался за ней, продолжая трепаться. То, что собеседница молчит, его нисколько не смущало. Похоже, его пробило на словоизвержение.

Лиса искоса смотрела на сизое хрюсло и вспоминала историю своего, так сказать, падения.

Джузеппе она знала года два с небольшим. Пожилой медведь перевёлся в Институт из военного госпиталя. Это и было причиной знакомства: тогда она хотела вырезать себе матку и яичники хирургическим способом, без ребилдинга, а у Сизого Носа имелся полевой опыт полостных операций. Джузеппе, узнав о том, почему ей это понадобилось, тут же сказал, что в

её случае шансов на успех практически никаких: организм, находящийся в состоянии непрерывной саморегенерации, просто вернёт всё назад, и это будет стоить ей немалых мучений. В качестве проверки он посоветовал ей купировать хвост. Алиса сходила в салон и избавилась от пушистого украшения. Хвост отрос за месяц, и этот месяц лиса прожила на таблетках и местной анестезии. После этого она поняла, что чувствовали несчастные подопытные доктора Моро – а к Джузеппе прониклась чем-то вроде благодарности. Тот это почувствовал и начал обращаться к ней с просьбами обо всяких любезностях – в основном, конечно, по мелочам. Алиса это понимала, но не особо сопротивлялась, памятуя, что Сизый Нос отнёсся к ней по-доброму.

То, что Сизый – наркоман, она поняла довольно быстро, но её это не шокировало. Это даже как-то вписывалось в образ ветерана, не вполне вернувшегося к мирной жизни. Забеспокоилась она, когда заподозрила, что он колется не чем-нибудь, а именно айсом, а свои анализы подтасовывает. Алиса сделала тест самостоятельно и убедилась, что её предположения верны. И не нашла лучшего выхода, нежели вызвать Сизого на откровенный разговор. Который закончился совсем не так, как она предполагала.

В тот вечер Джузеппе тоже вмазался. Не капитально, чисто для настроения, но всё-таки. Поэтому когда Алиса, смущённая и решительная, выложила ему всю правду, он даже не обделался, что при сильном волнении с ним случалось регулярно. Вместо этого он рассказал парочку фронтовых историй, посетовал на несостоявшуюся карьеру военврача и связанное с этим застревание в статусе человекообразного, напомнил лисе о её собственном несчастье и вине Института. А в конце концов предложил ей подумать, кто кому чего в такой ситуации должен и не стоит ли позаботиться прежде всего о себе. Например, о нетрадиционных методах лечения. И рассказал про Болотного Доктора.

Впоследствии лиса задумывалась о том, донесла бы она на Сизого, если бы не согласилась на него работать. В конце концов она поняла, что согласилась именно затем, чтобы не выдавать старика. Она просто не могла себе представить, как это она будет давать показания на старого знакомого и как не помереть со стыда на первой же очной ставке. С государственной изменой в этом смысле было как-то проще.

Впрочем, измена оказалась не так страшна, как её малюют. Первый раз, передавая Джузеппе преступно списанный молекулярный датчик, Алиса чувствовала себя даже не предательницей, а просто душой. Деньги, полученные от Джузеппе, она потратила на покупку дефицитного препарата для лаборатории. Это было очень глупо, но немного помогло. Потом она взяла за правило тратить часть несправедливых доходов на что-нибудь хорошее – что-то вроде дани остаткам совести. Та глухо ворчала, но подачки брала. Тем не менее совершено в тайнике постепенно прибавлялось, и это давало какую-то надежду...

Ковыляя по коридору и слушая краем уха разглагольствования Сизого Носа – тот в мечтах уже воспарил до собственной лаборатории и военных заказов, – Алиса думала о том, кем же он всё-таки ей приходится. Другом она его не считала, просто заказчиком – тоже. Всё-таки что-то между ними было, решила она, косясь на сизое рыло. В конце концов, Джузеппе был единственным существом, которому она могла сказать посреди разговора «извини, мне нужно быстренько подрочить». Однажды она чуть было не попросила его помочь – когда вектора в очередной раз взбесились и у неё отказали локти и плечи. Она знала, что Джузеппе отнесётся к этому как к обычной медицинской процедуре, но пересилить себя всё-таки не смогла. Вместо этого она обошлась дверной ручкой и углом стола.

Нет, она не обольщалась. Сизый Нос был скуповат, несколько раз обманывал её в денежных вопросах, всё время пытался под каким-нибудь предлогом заплатить меньше оговорённого, не доверял ей, много темнил и врал. Данного при вербовке обещания помочь ей добраться до Зоны и Болотника он выполнять и не собирался. В других отношениях от него

тоже было мало толку. И всё-таки, если уж в своё время она выбрала между ним и Директорией, то было бы как-то совсем подло и глупо его бросать.

– Мне нужно тебе сказать кое-что, – наконец решилась лиса. – Только не здесь, – она сделала большие глаза.

Джузеппе заткнулся – видимо, что-то почувствовал.

– Это по нашим делам? – тихо спросил он. Лиса судорожно кивнула.

– Давай вниз, – предложил медведь, сворачивая к лифтам. – На воздухе пройдемся.

Лифт ехал долго, а когда открылся, в нём стояла та самая столовая уборщица с ведром и шваброй. Ведро обвивал длинный голый хвост, к самому кончику которого прилипла конская жвачка. Брезгливую лису передёрнуло. Сизый Нос тоже как-то нервно вздрогнул. Лиса кинула на него быстрый взгляд и удивилась – на сизом хрюсле Джузеппе нарисовалось очень знакомое выражение. Такая морда у него обычно делалась, когда он пытался о чём-то соврать или что-то скрыть.

Однако на сей раз старый медведь ничего не сказал, а обратился к уборщице:

– На первый?

Крыса молча кивнула и подвинула ведро.

Лиса решила, что ей померещилось. Подумала, что на таких нервах она уж точно далеко не убежит, и решила пополнить запас лекарств каким-нибудь сильным успокоительным.

Двери лязгнули. Мигнула лампочка. Лифт протяжно скрипнул и поехал вниз.

Глава 21, в которой с отважным пилигримом случается нечто ужасающее

14 ноября 312 года от Х. Сумерки. Страна Дураков, Зона, северо-восточный сектор.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

...Если первая, объективная фаза воздействия понижающего поля (т. н. облом) характеризуется квадратичным коэффициентом затухания, то вторая, субъективная (обычно именуемая безблагодатностью), затухает по логарифмической зависимости, чаще всего – с коэффициентом, близким к натуральному. Определение безблагодатности как «субъективной фазы» вызывает обоснованную критику, так как понижающее воздействие относится не к целям субъекта, а к его возможностям следовать таковым, осознанно или неосознанно. Мы используем онтологически нейтральное определение: если стадия облома характеризуется резким падением шанса субъекта на достижение целей, то безблагодатность можно определить как падение шанса воспользоваться шансом. В свою очередь, третья, наиболее длительная и наименее изученная фаза воздействия поля, известная как «цыганское счастье», может быть определена как шанс воспользоваться шансом, которым пользоваться не стоило бы.

Шмегеге И. А. К вопросу о построении эмпирико-математической модели понижающего вероятностного поля // Успехи физических наук. № 3 (121).

Тора-Бора: Изд-во Тораборского Университета, 44401 от Конца.

На Базилио в упор смотрела птица обломинго – кошмар всех живущих, сосуд мирового зла.

Несчастный кот всем своим естеством ощутил, как его накрывает лютейший облом. Зарывав от бессильной злости, он ударил тварь лазером, уже понимая, что обломается и не попадёт. Вышло ещё хуже – луч не сверкнул, зато голову и шею пронзила страшная боль: каскадный конденсатор от облома протёк и сбросил часть энергии прямо в тело. Оглушённый кот скатился в снег – ну конечно же, именно туда, где под белым покровом ждала своей минутки ржавая проволока, вонзившаяся коту в лапу. Мышцу свело судорогой. Тут перед глазами полыхнуло неземным светом: на месте костра-сугроба проклюнулась маленькая, но жгучая «электра». Кот закричал и отпрыгнул. Призрачное щупальце, потянувшееся к нему, с треском распалось, родив розовую шаровую молнию величиной с грецкий орех. Баз попытался подстрелить её вторым лазером, на этот раз луч полоснул воздух, но не причинил плазменному сгустку никакого вреда. Напротив, молния как будто заметила кота и поплыла к нему. Тот понял, что сейчас она сожжёт ему лицо, и сделал первое, что пришло в голову: стремительно выбросил из-под хвоста провод и кинул вилку прямо в жёлтый шар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.